

# Kara Mau



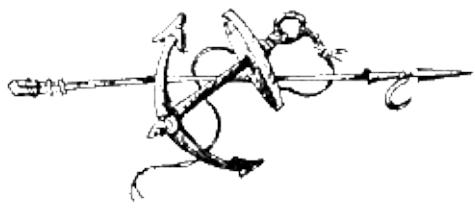
## Annotation

Повесть «Капитан Кайман» основана на пяти ранних рассказах автора.

---

- 
- [1](#)
  -
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [notes](#)
  - 
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)

- [28](#)
  - [29](#)
  - [30](#)
  - [31](#)
  - [32](#)
  - [33](#)
  - [34](#)
  - [35](#)
  - [36](#)
  - [37](#)
  - [38](#)
  - [39](#)
  - [40](#)
  - [41](#)
  - [42](#)
  - [43](#)
  - [44](#)
  - [45](#)
  - [46](#)
  - [47](#)
  - [48](#)
  - [49](#)
  - [50](#)
  - [51](#)
  - [52](#)
  - [53](#)
  - [54](#)
  - [55](#)
  - [56](#)
  - [57](#)
  - [58](#)
  - [59](#)
  - [60](#)
  - [61](#)
  - [62](#)
  - [63](#)
  - [64](#)
-



•  
КАПИТАН  
КАЙМАН  
•



# МИСС АДМИРАЛЬША

Из экипажа, остановившегося у дома ювелира Тиме, вышел рослый господин. Зеркальные стекла витрины отразили мужественные, тонкие черты; изящно изогнутый нос и тщательно ухоженная небольшая бородка клинышком позволяли предположить в нем француза или итальянца. Переступив порог магазина, он обернулся и крикнул слуге:

— Марк, поезжай в отель и жди меня там!

— Слушаюсь, господин граф, — ответил Марк Летриер и, повернувшись к кучеру, ухмыльнулся: — Мы не промахнемся! И тогда я тоже сделаюсь таким же, как все эти разодетые господа.

Он влез в экипаж и собрался было поудобнее устроиться на заднем сиденье, как вдруг заметил, что кто-то его уже занял, воспользовавшись противоположной дверью.

— Что это вы себе позволяете? — Марк уставился на непрошеного гостя. — Вон отсюда, пока я не помог вам найти выход!

— Тсс...

Звук этот, прозвучавший вместо ответа, напоминал шипение дикой кошки, и, судя по всему, Марку он был хорошо знаком, ибо в сильном смущении он отпрянул назад.

— Боже мой, неужели это действительно вы? — Странное чувство заставило его застыть на месте.

— Тихо, ты! На место, Марк! — кратко и повелительно прозвучало в полутиме.

Через минуту Марк сидел на козлах рядом с кучером. Экипаж тронулся. Неизвестный откинулся на подушки и просидел молча до самого отеля, в котором, проживал виконт [1] Франсуа де Бретиньи. Здесь, не дожидаясь, пока откроют дверь, неизвестный спрыгнул на землю, бросил слуге графа: «За мной!» — и вошел в вестибюль отеля; навстречу ему уже спешил распорядитель.

— Готовы ли заказанные мной комнаты?

— Да, господин. Вы позволите вас проводить?

Оказавшись наверху, неизвестный заказал роскошный ужин, выразив при этом желание, чтобы Марк ему прислуживал.

Слуга с удивлением понял, что апартаменты пришельца непосредственно примыкают к покоям его хозяина, и скромно стоял в стороне, пока неизвестный коротким кивком не подозвал его. В этот момент распорядитель удалился, и таинственный гость, бросив плащ, представал перед Марком Летриером со скрещенными на груди руками.

— Ну?

Марк испуганно уставился в прекрасные сверкающие глаза. Да, странная парочка стояла сейчас друг против друга! Оба среднего роста. Неизвестный был строен, гибок, весьма подвижен, имел здоровый и вместе с тем нежный цвет кожи; признаки растительности на лице отсутствовали. Марк, напротив, был широк в плечах, гружен, медлителен; загорелое и обветренное лицо обрамляли густые, коротко остриженные бакенбарды, подбородок был гладко выбрит. Взгляд его, однако, был неспокоен — он все время мигал и глядел в сторону.

— Как тебе нравится на сuhe?

Марк Летриер пожал плечами. Он не понимал, что скрывается за этим вопросом.

— Тогда расскажи мне, что это ты вдруг вздумал разыгрывать из себя благородного господина?

— Мадемуазель Кларион, я...  
Повелительный жест оборвал его.

— Мадемуазель Кларион сейчас в море или еще где-нибудь. Я шевалье<sup>[2]</sup> де Саккар, запомни это! Как поживает господин виконт?

— Благодарю вас, господин виконт пребывает в добром здравии.

— Надо думать! Капитан стал на якорь, а команда работает так, что ребра трещат. Он дождется того, что я протяну его под килем и он узнает, почем там ракушки! А сейчас я хочу есть!

Летриер молча выскользнул за дверь и принял усердно исполнять обязанности камердинера.

Между тем в отель возвратился виконт; не найдя Марка на месте, он потянул шнурок колокольчика. Ему пришлось повторить звонок несколько раз, прежде чем появился слуга; вид он имел озабоченный и несколько смущенный. В руках у него был заставленный посудой поднос.

— Марк, в последнее время ты ведешь себя безответственно. Если так пойдет дальше, наши пути могут разойтись.

Летриер медленно поставил поднос на стол и вытер пот с лица.

— Господин виконт, я не имею ничего против, ровно ничего, если вы дадите мне расчет. Дела идут из рук вон плохо, и, похоже, вскорости ветер и вовсе перестанет быть попутным. Я не мог прийти раньше только потому, что должен был бегать вверх и вниз по лестницам, как транспорт с рабами, за которым охотятся английские крейсера.

— В этом не было необходимости, Марк. Ты же знаешь, в такой поздний час я ем очень мало. Ставь с меня сапоги и принеси халат.

— Извините, сэр, но на это у меня нет времени.

— Нет времени? — удивился Бретинни. — Парень, у тебя, верно, с мозгами не все в порядке.

— Что до моих мозгов, господин виконт, то они вполне в норме, хотя было бы неудивительно, если бы кое-что и дало сбои. И я не устал есть ваш хлеб, сэр. Однако имеется еще кое-кто, кому нужны мои услуги.

— Еще кое-кто? Твои услуги? Мне действительно страшно за твою башку.

— Со мной все в порядке сэр. За себя я не боюсь, а вот ваше положение вызывает у меня опасения. Ведь тот, другой, или, вернее, другая...

Его прервали — прозвенел звонок.

— Марк! — Звонкий, резкий голос прозвучал из соседней, открытой в коридор двери.

Услышав этот голос, Бретинни испугался так, что отпрянул на несколько шагов назад.

— Тысяча чертей! — прошептал он, побледнев. — Это... или меня обманывает слух... не кто иной, как Кларион.

— Конечно, это мисс Адмиральша, господин ви...

Договорить Летриеру не удалось. Сильный удар отбросил его в сторону.

— Это тебе от мисс Адмиральши, раз уж ты не хочешь замечать шевалье де Сакка! — раздался гневный голос. — Марш работать, сколько можно ждать ужин, когда тебе взбредет в голову его принести?

Оставив нетронутыми на полу осколки разбитой посуды, камердинер мгновенно исчез за дверью.

С двусмысленной улыбкой вошедший остановился перед виконтом.

— Может ли шевалье де Саккар рассчитывать на то, что граф Бретинни примет приглашение на ужин?

— Кларион! Мыслимо ли?... Видеть тебя здесь... Я, конечно, предполагал... я думал... я верил, что ты... я... я...

— Вполне достаточно, господин виконт! Я вижу, что удовольствие видеть меня лишило вас дара речи. Предлагаю пройти ко мне, где мы, вероятно, сумеем изыскать возможности снова вернуть вам власть над вашим утерянным рассудком.

Повелительным жестом он указал на дверь. Бретини повиновался и проследовал в расположенную рядом комнату, где Марк спешно заканчивал последние приготовления к ужину. Де Саккар бегло оглядел стол.

— Можешь идти, Марк! Я позвоню, когда ты мне понадобишься.

Летриер ушел, а двое господ заняли места за столом друг против друга.

— Прошу, граф, — предложил шевалье, — ваши нервы нуждаются в подкреплении.

Противостоять властному сиянию черных глаз не было возможности, и не тряся времени на возражения Бретини принялся за еду. Наступила долгая пауза, нарушаемая лишь звоном тарелок и стуком вилок и ножей. Виконт как будто лишился дара речи, он не отрывал глаз от стола и избегал встречаться взглядом со своим собеседником. Наконец шевалье снял и отложил салфетку и удобно откинулся в мягкое кресло. Бретини последовал его примеру, после чего отважился на вопрос:

— Кларион, что означает твоё присутствие здесь?

— Ровно то же, что и твое.

— Но ты шкипер «Оррибля» и твое место на корабле.

— А ты его капитан и твое место там же.

— Я передал командование тебе, когда у меня возникли дела в Гамбурге, и тебе это прекрасно известно.

— А я принял его потому, что не верил, что тебе удастся превратить свою поездку в увеселительную прогулку. На это тебе не хватало моего позволения.

— Это вовсе не была легкая прогулка; напротив, было чертовски тяжело вытрясти деньги из страховой компании за тот самый бриг, который мы... спасли. Но, однако, я считаю это дело самым удачным в моей жизни — ведь мы сначала вынудили весь экипаж проклятого купца попрыгать за борт, а потом привели разграбленный нами и разбитый корабль в порт под видом судна, оставленного командой и найденного нами в открытом море, причем пострадавшие судовладельцы еще и оплатили мне издержки, связанные с заботой об их судне.

— Жаль только, что ты спустил все денежки, полученные тобой в Гамбурге за нашу работу. Послушай, ты рушишь сук, на котором сидишь, уж мне-то это видно лучше всех! Я, конечно, понимаю, что твоя распрекрасная борода весьма помогла тебе в твоих дорогостоящих похождениях, однако ты мог бы утрудить себя и посильнее изменить свою внешность. Цепляться за бороденку, когда первый встречный может узнать капитана Каймана, — ни на чем не основанная дерзость.

— Не смейся. Естественно, я предпринял опасное путешествие в Старый Свет не для того, чтобы тут же плыть обратно из Гамбурга. К тому же я знал, что «Оррибль» в надежных руках.

— Так вот, я здесь как раз для того, чтобы ты убедился в ненадежности этих рук.

— Что ты хочешь сказать? — вздрогнув, спросил Бретини.

— Ты писал мне из Гамбурга, чтобы я присыпал чеки на твой адрес?

— Да.

— Один из них ты получил?

Виконт кивнул.

— Другой нет?

— Да, это так! И в связи с этим положение мое довольно затруднительно.

— Что вполне объяснимо, принимая во внимание образ жизни, который ты ведешь.

— К чему ты клонишь?

Шевалье де Саккар презрительно рассмеялся.

— Ты хоть раз сделал что-нибудь такое, о чем не стало бы известно мне? К сожалению, теперь тебе придется несколько себя ограничить, а то и вовсе поголодать!

— Что ты имеешь в виду?

— Именно то, что говорю. И доказательством моих слов является то, что «Орибль» попал в плохие руки.

— Ты говоришь загадками! — вскричал Бретиньи. — Женщина! Что случилось?

— «Орибль» захвачен каперами<sup>[3]</sup>.

Эти три слова, сказанные с ледяным безразличием, произвели ужасное впечатление на виконта. Будто подброшенный пружиной, он вскочил с кресла; кровь отлила от лица, казалось, глаза вот-вот вылезут из орбит; медленно, с трудом выговаривая слова, он повторил:

— За-хва-чен... ка... пе... рами!

— Да, да! И все пропало, все! Ни одного гвоздя, ни одной щепки не удалось нам спасти от нашего замечательного «Орибля». И некому, кроме меня, сообщить тебе об этом. Теперь ты знаешь, почему не пришли деньги.

Бретиньи упал обратно в кресло и некоторое время лежал без движения. Потом схватил стоящий на столе бокал и опрокинул его содержимое себе в рот, наполнил его снова и еще раз опустошил.

— Это невозможно, черт возьми, этого не может быть!

— А как ты полагаешь, был бы я здесь, будь это не так? Ты думаешь, я бы бросил всех ради удовольствия мешать тебе тут наслаждаться жизнью? Фи!

Бретиньи, казалось, не заметил изрядной доли презрения, которое сопровождало последнюю фразу, и нетерпеливо потребовал:

— Рассказывай! Я должен знать все. Все! И сейчас.

— Охотно, дорогой мой. Тем более что чувство бесконечной любви, которое я к тебе испытываю, не позволяет мне так долго скрывать подробности столь радостного события. Итак, слушай: как мы и договаривались, находясь в Рио, я оформил чек. Корабль прошел полный ремонт, корпус проконопатили и просмолили, трюмы подготовили для рабов, и мы вышли в море, держа курс на Асунсьон<sup>[4]</sup>. Там мы встретили «Коломбо» и приняли на борт три сотни чернокожих, которыми тот загрузился на Золотом Береге<sup>[5]</sup>. Уйди мы тогда от англичан, я получил бы за них круглую сумму на Антилах.

— Ты взяла товар, как всегда, в кредит?

— Нет. Испанец клял плохие времена и уверял, что англичане стали столь бдительны, что торговлю теперь можно вести только за наличные. Чтобы не упустить товар, мне пришлось выгрести из кассы все до последнего доллара. Я это сделал, потому что негры были все как один молодые, сильные и здоровые.

— Куда вы пошли?

— Я взял курс на Кубу, и нам удалось без проблем достичь Залива<sup>[6]</sup>. Там мы заметили английский фрегат, к которому вскоре присоединился еще один, и этот последний имел очень хороший ход — скоро стало ясно, что без драки нам не уйти. Черных посадили на цепь, и я дал приказ подготовиться к бою. Подробности я расскажу потом, сейчас мне хочется быть кратким.

Англичане обошли нас с двух сторон, так что мы оказались в середине и не смогли избежать абордажной атаки. Наши матросы дрались как черти, но все было напрасно и помочь нам ждать было неоткуда. Многие были изрублены, другие взяты в плен и после короткого

допроса повешены на реях. «Оррибль» был потерян.

— Потерян! — заскрежетал зубами де Бретини. — Мой прекрасный, мой великолепный «Оррибль» погиб, взят на абордаж, захвачен, уведен английскими корабельными крысами, которые привыкли дрожать, услышав мое имя! Капитан Кайман, ха! Будь я там, они оказались бы в трюмах вместе с чернокожими, скованные попарно.

У него потемнело в глазах. Виконт принял ходить по комнате большими шагами, пытаясь справиться с возбуждением. Де Саккар также поднялся и, взявшись нож, методично и бездумно стал резать на куски дорогую скатерть, покрывавшую стол. Воспоминание о пережитом поражении превратило его лицо в отвратительную бесформенную маску; под тонкой белой кожей высокого лба вздулись толстые синие вены.

— Если ты думаешь, что на «Оррибле» был хотя бы один трус, эта холодная сталь сейчас окажется у тебя между ребер! — прохрипел он, и глаза его вспыхнули металлическим блеском. — У тебя крепкие руки, и ты умеешь держать руль. Но почему ты считаешь, что я понимаю в этом меньше тебя? Корабль нельзя было спасти, и точка! Одно обидное слово, и кто-нибудь один из троих, оставшихся с «Оррибля», — ты, я, или Марк — отправится в ад.

— Но, Кларион, вовсе не доказано, что ты мой шкипер. И, между прочим, я еще не высказал тебе ни одного упрека. Итак, они все погибли, мои храбрые матросы?

— Все.

— А ты? Как тебе удалось избежать... проклятье! — избежать петли?

— О, это было не так сложно! Я видел, что все кончено, поспешил вниз и быстро переоделся в женскую одежду, после чего закрылся в каюте и избавился от ключа, выбросив его через иллюминатор в море. Когда меня нашли, я выдал себя за пленницу и вызвал своими рассказнями такое сочувствие у англичан, что в дальнейшем со мной обращались с вниманием и заботой и при первой возможности высадили на берег. Мне было известно твое местопребывание, и я счел первым делом сообщить тебе о случившемся. «Оррибль» погиб, и мы — мы нищие!

Воцарилось молчание; виконт тоже долго не мог выдавить из себя ни слова. Он снова начал ходить по комнате, пытаясь восстановить утраченное душевное равновесие.

— Нищие? — прорычал он наконец. — Нет, мы не нищие! «Оррибль» потерян, но только недолго. Я верну его себе.

— Не ожидал от тебя ничего другого! — сказал шевалье. — Мы оба достаточно сильны духом, чтобы иметь под ногами палубу хорошего корабля. Ты уже думал о средствах?

— Нет! — последовал уклончивый ответ. — Однако нисколько не сомневаюсь, что скоро какое-нибудь средство отыщется.

— Я совершенно того же мнения. С той только разницей, что я это средство уже знаю.

— Да? А нельзя ли и мне с ним познакомиться?

— Это как раз то, о чем ты сейчас думаешь.

— Ты ошибаешься, я не думаю ничего определенного. Самым простым было бы, на мой взгляд, наняться на «Оррибль» матросами и попробовать с помощью посолов склонить команду к измене.

— Мда...

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ты достаточно умен, чтобы понимать, что выполнение такого плана сопряжено с большими трудностями и что он ненадежен. Такое решение человек избирает, когда у него нет другого выхода.

— Тебе ведом другой и лучший путь?

— Да. Я уже сказал: он как раз тот, о котором ты думаешь.

— Повторяю, ты ошибаешься. Твой рассказ привел меня в такое состояние, что сейчас я вообще не способен о чем-либо думать.

— Господин виконт! — многозначительно произнес де Саккар.

— Господин шевалье! — В голосе Бретиньи зазвенел металл.

Саккар рассмеялся.

— Ты действительно считаешь, что можешь скрывать от меня свои мысли?

— А ты думаешь, что тебе абсолютно все известно.

— Бывает, что да. В особенности когда это касается тебя.

— Что ж, если ты и правда такой умный, расскажи, о чем я сейчас думаю!

— Хорошо! — Де Саккар задумчиво улыбнулся. — Как ты знаешь, я тебя не переоцениваю; однако считаю, что ты достаточно умен, чтобы помнить... — Он подошел к виконту и прошептал: — Драгоценности герцогини Орштадтской, которые находятся сейчас у твоего хорошего знакомого ювелира Тиме, как раз и являются тем средством, которое позволит нам легко и быстро достигнуть наших целей.

— Женщина! — воскликнул Бретиньи, отпрянув. — Ты исчадие ада! Ты сатана!

— Благодарю за лестное мнение; я доволен, потому что сатана — это вполне достойная внимания персона. В некоторых случаях. Между прочим, твой испуг как раз и показывает, что я угадал. Этот Тиме физически сильный человек?

— На нас его не хватит.

— Надо думать. В понедельник, то есть завтра, около девяти часов, ювелир должен отдать украшения. Несколько позже он покинет дом герцогини Орштадтской с суммой, которой нам бы вполне хватило для того, чтобы вернуть «Оррибль». Однако оставь меня сейчас; обдумай все еще раз! Через час я тебя жду здесь снова, и тогда мы примем окончательное решение.

Бретиньи послушно удалился. Придя к себе, он бросился на софу. Однако, недолго пролежав на ней, он встал и нервно начал мерить комнату большими шагами.

— Кто бы мог подумать еще час назад! «Оррибля» нет, и мисс Адмиральша здесь. Все кончено, виконт! Несчастный, добропорядочный Тиме, предполагал ли ты, что благородный господин де Бретиньи, которого ты ввел в свой дом и в общество, на самом деле не кто иной, как капитан Кайман? Кстати, откуда Кларион могла иметь столь точные сведения? Видимо, она уже давно находится поблизости и наблюдает за всеми моими шагами. Вероятно, о главном она только догадывается. Она меня знает, и ум у нее острый: надо быть осторожнее.

Походив еще некоторое время по комнате, он почувствовал, что к нему вернулось душевное равновесие. И когда прошел час и виконт снова направился в соседний номер, его обуревали уже совсем иные чувства.

Зрелище, представшее перед ним, когда он отворил дверь, заставило его застыть на месте. Шевалье де Саккар куда-то пропал, а на том удобном диване, где он час назад находился, сидела молодая дама удивительной красоты.

— Кларион! — воскликнул виконт.

— Подойди ближе и сядь со мной рядом, — прошептала она и протянула ему изящную маленькую ручку. Ее голос звучал теперь совсем не так, как раньше. Бретиньи сделал два шага и упал к ее ногам. Казалось, тон и предмет их предыдущего разговора были полностью забыты.

Двумя днями позже небольшой городок был взбудоражен известием об ограблении и убийстве ювелира Тиме. При этом была похищена не только огромная сумма, составлявшая стоимость украшений герцогини Орштадтской, но также все ценные предметы, которые имел при себе ювелир. Слишком поздно подозрение пало на виконта де Бретиньи. Со своим слугой и неким господином де Саккаром он исчез сразу после убийства. Следы вели в Гамбург. Там трое подозреваемых сели на пароход, шедший в Америку, и, когда преследователи оказались в

Гамбурге, они были уже где-то далеко в океане. В те времена Европу и Америку еще не связывал кабель телеграфа...

## В КОМПАНИИ ТРАППЕРОВ

Обширные американские прерии, простирающиеся от отца всех рек Миссисипи к подножию Скалистых гор с другой стороны этой мощной горной гряды, вплоть до границы суши, имеют определенное сходство с бесконечными просторами океана, и сходство это проявляется не только в терминах одной физической географии. Сравнивать морские равнины и саванну следует не по их внешности, а по воздействию, которое они оказывают на человека, покинувшего когда-то родной дом, чтобы на долгие годы доверить свою судьбу ненадежным океанским течениям, или на того, кто, оседлав коня, с риском для жизни пересекает бескрайние пространства американских Соединенных Штатов.

Старый мореход, проведший свою жизнь под парусами какого-нибудь неплохого трехмачтового корабля, уже не может жить на суше; когда он становится не годен к тяжелой морской работе, то покупает себе маленький домик недалеко от моря и смотрит с тоской и любовью вечно меняющуюся и никогда не знающую покоя даль, пока тяжелая рука смерти не сомкнет его усталые веки.

Сумевший противопоставить свою волю опасностям Дикого Запада испытывает похожие чувства. Случись ему оказаться в местах, над которыми простирала свое благословение — и свое проклятие — цивилизация, его все равно будет тянуть за палисад, в неизвестность безграничных просторов, где требуется напряжение всех физических и духовных сил, чтобы не погибнуть в отчаянной схватке с множеством смертельных опасностей. В старости такой человек редко находит себе тихое место, как это случается с отплававшим свое моряком, осевшим на берегу; ему не нужны ни тишина, ни покой, — оседлав мустанга, он снова и снова уходит за горизонт и там, вдали, он однажды исчезнет навсегда. Возможно, спустя годы случайный охотник увидит его побелевший скелет на выжженной солнцем равнине или высоко в горах среди скал, но равнодушно проедет он мимо и ему будет безразлично имя того, кто принял здесь, скорее всего ужасную, смерть. Дух Запада груб, в нем нет сострадания и тонких чувств; он готов уступать только физическому напору, не знает других законов кроме законов природы; тут выживают только мужчины, способные найти опору в самих себе. Здесь, несмотря на все договоры, снова и снова изгоняемый с предписанных мест обитания, живет народ, богато одаренный природой, но тем не менее обреченный на неизбежное вымирание в отчаянной схватке с государством, которое обратило все находящиеся в его распоряжении огромные физические и духовные ресурсы, все чудеса техники и науки на то, чтобы подавить сопротивление противника. Между умирающим гигантом и набирающей силы «культурной нацией», сжимающей мощной рукой горло противника, уже столетия идет непрекращающаяся война, равной которой не найдешь ни на одной странице истории; герои этой войны, будь они известны миру, затмили бы блеском своих деяний героев классической древности. И нет на земле такого оружия, которое не применили бы друг против друга в стремлении к взаимному уничтожению неприметные с виду, но грозные эти соперники.

Если с ружьем на плече выйти из Форт-Гибсона, что в Арканзасе, и двинуться вверх по течению реки, то по прошествии нескольких дней пути можно увидеть маленький поселок, состоящий из нескольких довольно примитивных домиков, небольшой площади и стоящего несколько в стороне блокгауза, грубая вывеска на котором уже издали позволяет узнать в нем салун. Сказать, что облик хозяина этого заведения радовал глаз, было бы большим преувеличением, однако и он со своей стороны не предъявлял слишком суровых требований к

посетителям. Никто не знал, кем он был раньше и откуда пришел, и он также никого не спрашивал о его имени, роде занятий или цели поездки. У него можно было купить нужную вещь, поесть и выпить, провести время за игрой в карты или бросить кости, а потом отправиться дальше своей дорогой. Кто много спрашивает, тому нужно много времени, а американец ценит свое время дороже, чем ответы, которые он предпочитает получать, вовсе не задавая вопросов.

В тот день и час, о которых пойдет речь, в зале салуна сидели несколько мужчин, чей внешний вид никак нельзя было счесть подходящим для приличного общества. Одеты они были кто во что горазд, но общее впечатление сразу наталкивало на мысль, что это настоящие трапперы и переселенцы, которые навряд ли уже помнили, что такое хороший портной: при надобности они без разбора покупали первую попавшуюся мало-мальски подходящую вещь.

Там, где собираются вместе несколько белых людей, наверняка есть что выпить и, уж наверное, кто-нибудь рассказывает в подробностях интересный и поучительный случай из жизни. Присутствующие как раз молчали и смотрели перед собой, из чего можно было заключить, что одна из тех «мрачных и кровавых» историй, которые частенько доводится услышать в приграничных областях, была только что рассказана и теперь каждый копался в памяти, надеясь вспомнить нечто никому еще не известное. Вдруг один из охотников, сидевший у маленького окна, крикнул:

— Гляньте, кто это там, у реки! Если мои старые глаза мне не лгут, эти двое прямо как из книжки. Вы только посмотрите, как они сидят в седлах — уж так ладно и изящно, ну просто как на картинке. Что им вообще нужно, такого рода господам, в наших шикарных лесах?

Все, за исключением одного, повскакали со своих мест, чтобы посмотреть на чужаков; говоривший остался сидеть за столом, широко раздвинув локти. Он выполнил свой долг, и дальнейшее его не интересовало. Этот человек являл собой весьма своеобразную фигуру. Похоже, природа хотела изготовить из него кусок веревки, до такой степени все в нем было вытянуто, — лицо, шея, грудь, нижняя часть тела, руки и ноги были длинными, почти бесконечно длинными и при этом столь слабыми и ненадежными, что казалось, первый порыв ветра разметет его, как пук соломы. Лоб его был открыт, на затылке размещалось нечто когда-то бывшее цилиндром, а сейчас не поддающееся описанию; вытянутое лицо украшала борода, которая, однако, едва насчитывала сотню волос; они в беспорядке свисали со щек, подбородка и верхней губы почти до пояса. Одет он был в охотничью куртку, которая, судя по всему, была сшита во времена его ранней юности; она едва покрывала верхнюю половину тела, а рукава простирались лишь на пару дюймов дальше локтей. Два странных предмета, в которые были обернуты ноги, очевидно, раньше являлись голенищами пары огромных морских сапог, теперь, однако, они весьма походили на печные трубы; у щиколоток они смыкались с тем, что называется horse-feet — род обуви, изготавливаемый в основном в Южной Америке из еще теплой лошадиной кожи.

— Ты прав, Пит Холберс, — решил один из выглянувших наружу, — это гринхорны [7]; пускай делают что хотят!

Любопытные вернулись на свои места. Снаружи стал слышен топот лошадиных копыт; зазвучал отрывистый и резкий голос, принадлежащий человеку, явно привыкшему отдавать приказания. Потом дверь открылась и в помещение вошли двое, о которых только что шла речь.

В то время как о том, кто вошел последним, нельзя было сказать особенно много, тот, кого он сопровождал, в другой обстановке, несомненно, не остался бы незамеченным.

Он не был физически очень сильным человеком, однако своеобразная, не часто встречающаяся манера держаться придавала его облику власть и силу. Правильное, красиво очерченное и сильно загоревшее лицо было обрамлено густой черной бородой. Одет он был с иголочки, а оружие — его самого и его спутника — имело такой вид, будто его только что

принесли из магазина, такое оно было гладкое и чистое.

Настоящий траппер или переселенец испытывает неодолимое отвращение к внешнему лоску. При этом больше всего его раздражает начищенное до блеска ружье; грязь же на нем свидетельствует, по его мнению, о том, что оно употребляется не для украшения, но верно служит в смертельной схватке с врагом. Здесь, где цена человека определяется вовсе не тем, как он одет, замашки щеголя довольно быстро вызывают неприязнь и нужен весьма небольшой предлог, чтобы она проявилась.

— Добрый день, друзья! — произнес вошедший, снимая с плеча двуствольное ружье и ставя его в угол, что никогда не пришло бы в голову опытному человеку. И, повернувшись к хозяину, который рассматривал его наполовину с любопытством, наполовину с презрением, он спросил:

— Где здесь можно найти мастера Винклай?

— Хм, вполне возможно, что это я и есть, — пробурчал тот.

— Возможно? — Вошедший был немного уязвлен. — Что это значит?

— Это значит, что вообще-то меня зовут мастер Винклай. Иногда, правда, нет — когда мне это не нравится.

— Так! И как вам сейчас нравится?

— А это в зависимости от того, что вам нужно от мастера Винклай, сэр!

— Для начала промочить горло мне и моему приятелю, а потом я хочу получить от вас одну справку.

— Насчет выпить — вот, будьте любезны! И справку я тоже постараюсь вам дать такую, что лучше и не бывает. Я ведь знаю, как надо обходиться с джентльменом.

— Оставь джентльменов в покое, Винклай, здесь они не в цене! — сказал приезжий господин, между тем как он с недовольной миной отвел от губ бокал. — Мой вопрос касается Дедли-Гана<sup>[8]</sup>.

— Дедли-Гана? — удивленно спросил хозяин. — Что вы от него хотите?

— Это мое дело, если позволите. Я слышал, он у вас бывает?

— Хм. И да и нет, сэр. Если угодно. Раз уж вы не даете мне ответ на мой вопрос, то разрешите и мне не дать ответ на ваш. Здесь есть люди, которые, вероятно, знают то, что вам нужно. Из них двое очень хорошо знакомы с тем, кого вы ищете.

Он замолчал и повернулся спиной. Приезжий, поставленный на место таким чисто американским манером, спокойно обратился к остальным:

— Это правда — то, что говорит Винклай?

Ответа не последовало. Тогда он повернулся к длинному:

— Не будете ли вы столь добры дать мне ответ, мистер Немой?

— Послушайте, вы, меня зовут Холберс, Пит Холберс. Но если вы спросите еще триста человек вместо меня, то и тогда никто из них не будет знать, почему отвечать должен именно он. Чего вы хотите от Дедли-Гана?

— Ничего такого, что было бы ему неприятно. Мое имя — Генри Мертенс, и я с моим другом Петером Вольфом прибыл с востока, чтобы кое-что найти здесь, в лесу. Сейчас мне нужен надежный и расторопный человек. Дедли-Ган как раз такой, и я хотел бы вас спросить, как с ним встретиться.

— Может быть, он и есть тот человек, который вам нужен, но вот хочет ли он сам этого — это другой вопрос. Мне не кажется, что вы ему подходите.

— Да? Может быть, вы и правы, а может, и нет. Итак, вы не хотите мне помочь?

Холберс не спеша повернул голову и посмотрел в угол, где сидел тот, кто не сдвинулся с места при известии о приближении чужих.

— А ты как думаешь, Дик Хаммердал?

Все это время Дик сидел наклонив голову и уделял столь пристальное внимание содержимому своего стакана, что до сих пор даже не счел нужным поднять глаза на вошедших. Сейчас он обернулся и сдвинул шляпу на затылок, будто для того, чтобы дать мозгам побольше простора для разумного ответа.

— Это неважно, что я думаю. Пусть ищет Полковника! — сказал он, после чего повернулся обратно и снова уперся взглядом в свой стакан. Чернобородый, однако, остался недоволен таким кратким и неполным ответом и подошел поближе к Дику.

— Кто такой Полковник, мистер Хаммердал? — спросил он.

Дика это весьма удивило.

— Это неважно, кто такой Полковник. Полковник — значит главный. Дедли-Ган у нас главный, вот мы и зовем его Полковником.

Чернобородый не смог удержаться от смеха, услышав подобного рода логические рассуждения от траппера. Он примирительно положил руку ему на плечо и попытался продолжить разговор:

— Ну, не горячитесь! Если человека о чем-нибудь спрашиваешь, он обычно тебе отвечает. Так поступают везде, и я не думаю, что в Арканзасе должно быть по-другому. Где можно найти этого Полковника?

— Неважно, где его можно найти. Вы с ним встретитесь, и хватит об этом!

— Хо-хо, дружище, мне этого мало. Я хочу знать, где и когда это произойдет.

Дик Хаммердал удивился еще сильней. Его, вольного человека прерий, кто-то заставляет ввязываться в ненужный ему разговор? Этого он не мог оставить просто так. Дик взял со стола свой стакан, не слишком охотно допил его и затем поднялся. Теперь его можно было охватить взглядом с ног до головы.

Если бы мы рискнули взять для сравнения присутствующего здесь же Пита Холберса, то Дик Хаммердал являлся полной его противоположностью. Это был низкорослый и чрезвычайно толстый парень, какие в Америке встречаются не так уж часто, и трудно было с первого взгляда решить, вызывает ли его облик непроизвольное желание смеяться или внушает страх. Толстое, короткое туловище было втиснуто в жилет из буйоловой кожи, однако исходная субстанция, из которой жилет этот был сделан, к описываемому времени отсутствовала, поскольку каждая дыра, по тем или иным причинам появлявшаяся на нем, латалась первым попавшимся куском шкуры или другим имеющимся материалом и теперь жилет состоял из одних заплат, которые лежали друг на друге, как куски черепицы на крыше. Ноги его были обуты в весьма странный род обуви; во всяком случае, название «сапоги» или «ботинки с гетрами» к ней не подходило, а на голове красовался сильно потертый бесформенный предмет, когда-то, должно быть, бывший шляпой. Шрамы и царапины на тщательно выбритом обветренном лице с маленькими пронзительными глазками придавали его облику довольно воинственный вид; руки свидетельствовали о привычке к тяжелому труду.

Вооружение Дика было обычным для белого охотника, однако ружье, которое он положил перед собой на стол, стоило того, чтобы рассмотреть его поближе. Честно говоря, оно и на ружье не очень-то было похоже, а производило, скорее, впечатление дубинки, выломанной где-то в лесу и припасенной для ближайшей драки. Приклад давно потерял свою первоначальную форму, был местами расщеплен, весь изрезан, расцарапан — как будто его изгрызли крысы; между ним и дулом набилось такое количество пыли, грязи и всякой всячины, что в результате дерево, железо и не имеющий отношения к делу мусор образовали неразделимое целое. Даже лучший европейский стрелок не решился бы сделать выстрел, воспользовавшись таким ненадежным сооружением, из опасения, что оно тут же разлетится на куски; однако в прериях и

сейчас еще довольно часто можно встретить подобного рода ружье — кажется, что его и зарядить-то нельзя, однако его хозяин очень редко мазал.

Итак, он встал перед чужаком, оглядел его не поддающимся описанию взглядом и сказал:

— Где и когда это должно произойти, не имеет никакого значения. Вы думаете, Дик Хаммердал десять лет ходил в школу, для того чтобы научиться разговаривать? Что я сказал, то сказал, больше ни слова, а кому этого мало, тот может пойти и послушать проповедь у кого-нибудь другого. Здесь прерия, и легкие человеку нужны не для болтовни, а для того, чтобы дышать. Запомните это!

— Дик Хаммердал, заметно, что вы десять лет ходили в школу, потому что язык у вас подвешен как у хорошего мормонского проповедника. Однако я думаю, вы забыли то, о чем я вас спрашиваю. Итак, еще раз: каким образом и где я могу встретиться с Дедли-Ганом?

— Черт возьми, парень, я сыт по горло! Вы же слышали, что вы его найдете, и этого вполне достаточно. Ползите к своему стакану и ждите. Еще не хватало, чтобы какой-то гринхорн читал мне тут катехизис!

— Гринхорн? Вы сказали — гринхорн? А нет ли у вас желания познакомиться с моим ножом?

— Что вы, сэр! Какое мне дело до вашего ножа? Бейте им тараканов, а если вам этого мало, можете резать жаб. Еще мне не хватало бояться какой-то булавки! Ваши манеры не годятся для белого человека; могу это повторить еще раз. Нравится вам это или нет, все равно вы зеленорогий козел, или вы имеете что-то против? — сказал Дик и снова сел.

— Да, имею.

Он отошел в угол, где стояло его ружье, взял его, взвел курок и произнес:

— Мистер Хаммердал, где можно найти вашего Полковника? Даю вам одну минуту; если за это время вы не ответите на мой вопрос, то вы навсегда потеряете способность отвечать на вопросы. Здесь прерия, и каждый сам издает себе законы.

Тот, к кому он обращался, в это время равнодушно рассматривал свой стакан, и по его виду никак нельзя было понять, услышал ли он высказанное требование. Остальные посетители салуна были страшно рады возникшей потасовке, которую они рассматривали в качестве приятного времязпрепровождения, и в предвкушении развязки переводили взгляды с одного противника на другого. Один только Пит Холберс, казалось, был неколебимо уверен не только в исходе противостояния, но и в том, в каких именно формах оно будет протекать. Удобно засунув пальцы под ремень, он вытянул свои бесконечные ноги на всю их длину, будто для того, чтобы они не мешали ему видеть происходящие события.

Чужак сказал:

— Ну, мистер, минута прошла! Получу я ответ или нет? Считаю: один... два... тр...

Полностью выговорить опасное число «три» ему не удалось. Хаммердал, сидевший до счета «два» без движения, с невообразимой быстротой схватил свое старое ружье, в тот же миг повернул его в нужном направлении, все увидели короткую вспышку, и в тесном помещении раздался страшный грохот. Разбитое ружье чужака вывалилось у него из рук и упало на пол. В следующую секунду и сам он лежал рядом с ружьем, придавленный коленом Дика, причем в руках у последнего был большой охотничий нож, который он приставил к его груди.

— Ну, гринхорн, скажи «три», чтобы я смог тебе ответить, — презрительно предложил Дик.

— К черту, мастер, отпустите меня, я не имел в виду ничего серьезного. Я бы ни за что не выстрелил!

— Потом мы все хорошие. Не выстрелил бы? Значит решил устроить спектакль для старого охотника, которого зовут Дик Хаммердал? Смех, да и только! Мне все равно, стали бы вы

стрелять или нет, юноша! Вы направили оружие на белого человека и по законам прерии заслуживаете того, чтобы вам распороли брюхо. Теперь считаю я: один... два...

Лежащий сделал отчаянную, но бесплодную попытку освободиться, после чего взмолился:

— Не убивайте меня, мистер; Полковник — это мой дядя!

Охотник отвел в сторону нож, но противника отпускать не стал.

— Полковник... ваш дядя? Скажите это кому-нибудь другому, а я еще подумаю, прежде чем поверить.

— Это так. И он будет вам не очень признателен, когда узнает, что вы со мной сделали.

— Так! Мда! Ну, то ли вы и в самом деле его племянник, то ли нет — это все равно; я вас немного пощекотал и думаю, что это был хороший урок. Слишком много чести для гринхорнов, чтобы мой нож лишил их жизни. Вставайте!

Сказав это, он пошел к своему столу, на котором лежало оставленное им ружье. Взяв его в руки, Дик принял его заряжать. Его маленькие блестящие глазки внимательно разглядывали старое, грозное оружие, лицо осветилось любовью и заботой — именно это чувство неизменно вызывало у него данное занятие.

— Да, такое ружье, как это, вряд ли еще где-нибудь найдешь, — высказал свою точку зрения хозяин салуна, воспринявший происшествие с полным спокойствием; дым, наполнивший помещение, его не волновал.

— Хотелось бы думать, разбавитель спиртного, — добродушно сказал Дик, — оно в неплохом состоянии и всегда под рукой, когда требуется.

В этот момент дверь тихо отворилась, несмотря на то, что сидящие у окна не заметили перед этим никакого движения на улице, и в зал бесшумными шагами вошел человек, в котором, хотя он был одет как белый охотник, сразу можно было узнать индейца.

Одежда его была опрятной и чистой, что редко встречается среди людей его цвета кожи. Охотничья куртка и гетры, изготовленные из сырой телячьей кожи, в выделывании которой женам индейцев нет равных, были аккуратно сшиты и украшены искусно сделанной бахромой. На ногах он имел мокасины из лосиной шкуры; этот род обуви не повторяет форму ноги, однако является удобным и долговечным. Головной убор отсутствовал; темные густые волосы были собраны в узел, покончившийся на голове подобно тюрбану.

Оглядел собравшихся спокойным, благородным взглядом, индеец направился к столу, за которым сидел Дик. Он выбрал самое неподходящее место, ибо тот злобно заорал:

— Что тебе нужно тут, около меня, краснокожий? Это место мое! Иди поищи себе другое!

— Красный человек устал; белый брат оставит его в покое! — мягко сказал индеец.

— Устал или нет, это все равно. Мне противно смотреть на твою красную шкуру!

— Моей вины в этом нет; ее дал мне Большой Дух.

— От кого ты ее получил, это все равно. Ты мне не нравишься!

Индеец снял с плеча ружье, поставил его прикладом на пол, положил скрещенные руки на верхний конец дула и спросил, теперь уже не так мягко:

— Мой белый брат владеет этим местом?

— Не твое дело.

— Ты сказал правильно: это не мое дело, но также и не твое, поэтому красный человек будет сидеть там же, где белый.

И он сел. В том, как он произнес последние слова, было нечто такое, что произвело впечатление на ворчливого охотника, и он оставил его в покое.

Тут подошел хозяин и спросил краснокожего:

— Что тебе нужно в моем доме?

— Дай мне хлеба, чтобы поесть, и воды, чтобы выпить! — ответил тот.

— У тебя есть деньги?

— Если бы ты пришел ко мне в вигвам и попросил есть, я бы не взял с тебя денег. У меня есть золото и серебро.

Глаза хозяина заблестели. Индеец, у которого есть золото или серебро, является желанным гостем в любом месте, где есть «огненная вода». Он ушел и вскоре вернулся с огромным кувшином, который вместе с хлебом поставил перед гостем.

— Белый человек ошибается; такой воды я не хотел!

Хозяин посмотрел на него с удивлением. Он еще никогда не видел индейца, который мог устоять перед спиртным.

— Тогда чего ты хочешь?

— Красный человек пьет только воду, которую дает земля.

— Ну, так катись туда, откуда пришел. Я здесь для того, чтобы делать деньги, а не служить у тебя водоносом! Плати за хлеб и пошел вон!

— Красный брат заплатит и уйдет, но не раньше, чем ты продашь ему то, что ему нужно.

— Что ты хочешь?

— Ты держишь магазин, где можно покупать?

— Да.

— Тогда дай мне табак, порох, пули и спички.

— Табак ты получишь; порох и пули я индейцам не продаю.

— Почему нет?

— Потому, что они не для вас.

— Но твои белые братья их могут купить?

— Надо думать!

— Все мы братья; все мы умрем, если не сумеем подстрелить себе дичь; у нас всех должны быть порох и пули. Дай мне то, что я попросил.

— Ты этого не получишь!

— Это твое последнее слово?

— Последнее!

Индеец схватил его левой рукой за горло, а правой вытащил длинный нож.

— Ты больше не будешь продавать порох и пули твоим белым братьям. Большой Дух дает тебе только мгновение. Так продашь мне то, что я хочу, или нет?

Охотники повскакали со своих мест, и на их лицах было явно написано желание броситься на краснокожего, держащего стальной хваткой стонущего хозяина салуна. Индеец, однако, нисколько не испугался и крикнул грозно, гордо подняв голову:

— Кто посмеет тронуть Виннету, апача?

Слова его произвели удивительное действие.

Как только они были произнесены, угрожающие возгласы тут же сменились знаками дружбы и внимания. Виннету — это было имя, внушавшее уважение самым смелым охотникам и звероловам.

Этот индеец был сыном Инчу Чуны, самого знаменитого из вождей апачей. С давних пор враги присвоили этому племени кличку «Пимо» за его всем известную трусость и вероломство<sup>[9]</sup>; так продолжалось до тех пор, пока вождем не стал Инчу Чуна; при нем вчерашние трусы стали превращаться в умелых охотников и храбрых воинов; апачей стали бояться далеко по ту сторону горного хребта, их смелые походы всегда заканчивались громким успехом. Отряды их были малочисленны, но они проникали далеко на восток, прорываясь через районы, населенные врагами. В этих походах прославился своими подвигами Виннету, сын Инчу Чуны. Несмотря на свою молодость — ему было всего двадцать пять, — он уже был

главным действующим лицом повествований уочных костров.

— Отпусти! — завопил хозяин. — Если ты Виннету, ты получишь все, что захочешь!

— Хуг! — В гортанном голосе Виннету послышалось облегчение. — Большой Дух подсказал тебе ответ, человек с красными волосами; иначе я отправил бы к твоим предкам тебя, а также каждого, кто посмел бы мне помешать!

Он отпустил его, и, пока хозяин отправился за требуемым, подошел к Хаммердалу и спросил:

— Почему белый человек сидит здесь и веселится, когда красные враги угрожают его вигваму?

Дик отвел глаза от стакана и проворчал:

— Какая разница, сижу ли я тут или где-то еще. Ты меня знаешь, апач?

— Виннету никогда тебя не видел, но на твоей куртке есть знак моего храброго друга, и Виннету знает, что ты один из его людей. Должен ли большой охотник Дедли-Ган один сражаться за скальпы огаллала, которые за ним охотятся?

— Огаллала? — Дик Хаммердал подпрыгнул на месте, будто увидев у себя под столом огромную змею; Пит Холберс также встал и, сделав всего один шаг своими длинными ногами, оказался рядом с индейцем. — Что знает красный человек об огаллала?

— Поспеши к своему вождю, ты все узнаешь у него.

Он повернулся к хозяину, который был уже тут, отстегнул от пояса подсумки для пороха, пуль и припасов и, после того как хозяин наполнил их, полез рукой за свою серого цвета охотничью рубашку.

— Виннету даст красный металл человеку с красными волосами!

Винклай схватил плату и стал разглядывать тяжелый бруск с жадным блеском в глазах.

— Золото, настоящее, чистое золото, здесь никак не меньше сорока долларов! Индеец, где ты его взял?

— Какое это имеет значение? — Он произнес эти слова, небрежно пожав плечами, и в следующее мгновение исчез из комнаты.

Хозяин огляделся, широко раскрыв рот.

— Послушайте, джентльмены, у этого краснокожего мерзавца, похоже, больше золота, чем у нас всех, вместе взятых. Мне никто еще так хорошо не платил за порох, как он. Я думаю, стоит за ним последить, наверняка у него еще что-то есть при себе; сдается мне, у него и лошадь тут где-нибудь недалеко спрятана, это так же верно, как то, что у ножа есть рукоятка!

— Не советовал бы вам этого делать, приятель, — сказал Дик Хаммердал, собираясь в дорогу. — Виннету, апач, — это не тот человек, которого легко можно обвести вокруг пальца. Есть у него золото или нет, это не имеет значения — просто так его никто не получит!

Пит Холберс положил ружье на плечо и сказал:

— Нам пора, Дик, пора. Мы должны спешить изо всех сил. Этот индеец редко ошибается и в том, что касается этих собак огаллала, скорее всего, тоже прав, пропади они пропадом. Однако что делать с этими? — И он указал на двоих чужаков.

— Они поедут с нами, — ответил Дик и повернулся к чернобородому.

— Если вы хотите увидеть Дедли-Гана, вам сейчас самое время отправляться в дорогу, мистер Мертенс. Кстати, судя по имени, вы немец?

— Да, мой спутник и я — немцы по рождению. Мы приехали из Германии.

— Немцы? Хм, будь вы китайцы или турки, это было бы все равно; но немцы мне по душе — они храбрые люди. Некоторые из тех, кого я знал, умели держать ружье так, что попадали бизону в глаз. Итак, вперед, приятель! Время не ждет.

Четверо мужчин вышли из салуна наружу. Хаммердал сунул два пальца в рот и громко

свистнул. На его свист приковыляли две спутанные лошади, которые паслись неподалеку.

— Ну, а вот и наши клячи! Теперь в путь, мистер Мертенс и... как бишь вас зовут? — спросил он его спутника.

— Вольф, Петер Вольф, — ответил тот.

— Петер Вольф? Не слишком-то хорошее имя! Зовись вы Джон, или Тим, или, к примеру, Билл, это было бы куда ни шло, но Петер Вольф — тут можно язык сломать или вывихнуть себе челюсть. Ну что ж, садитесь на коней и поехали.

— Куда пропал индеец? — спросил Мертенс.

— Апач-то? Это все равно, куда он пропал. Он сам знает, куда ему ехать, и я ставлю мою лошадь против козленка, что мы его встретим снова, когда он это сочтет подходящим, и как раз тогда он нам и будет нужен больше всего.

Казалось, пари, предложенное Диком, было не очень серьезным, поскольку далеко не каждый с готовностью согласился бы выставить хорошего, упитанного козленка против старой колченогой кобылы, за острый как нож хребтом которой висело изрядное количество прожитых лет и которая скорее походила на помесь козы и осла, нежели на лошадь. Ее голова была невероятно большой и толстой, о хвосте вообще речи не было, так как там, где раньше размещался пышный султан из конских волос, теперь беспомощно торчал короткий и худосочный обрубок, в коем даже под микроскопом невозможно было бы найти ни малейшего следа волос. Грива также отсутствовала; на ее месте можно было увидеть грязную, спутанную полосу из пуха и перьев, по обе стороны шеи плавно переходивших в длинную шерсть, которой было покрыто все ее костлявое тулowiще. Судя по старательно поджатым губам, у великолепного животного полностью отсутствовали зубы; маленькие, старательно косящие глаза свидетельствовали о далеко не дружелюбном характере.

Тем не менее смеяться над старым Росинантом<sup>[10]</sup> решился бы только незнакомый с Западом человек. Подобное животное обычно верно служит владельцу в течение половины его, хозяина, жизни, разделяя с ним смертельные опасности и тяжелый труд в любую погоду, в жару и в холод, под дождем и снегом и, будучи уже в возрасте, обладает весьма ценными качествами, так что поменять его на кого-то другого — дело весьма трудное и болезненное. Все это было хорошо известно Дику Хаммердалу, почему он и продолжал держать старую, заезженную кобылу, вместо того чтобы иметь под седлом молодого могучего мустанга.

Экипировку Пита Холберса также нельзя было назвать роскошной. Он восседал на маленьком, коротком и толстом жеребце, который был столь низок ростом, что длинные ноги всадника едва ли не волочились по земле. Но, несмотря на тяжелый груз, движения животного были грациозны и легки, и чувствовалось, что такому коню вполне можно доверять.

Что касается лошадей остальных, то видно было, что они выращены на спокойной ферме где-нибудь на востоке, и только время могло дать ответ, годятся ли они на что-нибудь здесь.

Быстрая езда через высокий лес продолжалась много часов. К вечеру путники достигли открытой прерии; покрытая цветущими гелиотропами, она раскинулась во все стороны подобно пестрому ковру, заканчиваясь в бесконечной, казалось, дали у темнеющего горизонта.

Отдохнувшие с утра лошади не были утомлены, поэтому решено было продолжить путь через саванну, прежде чем начать устраивать ночной лагерь. Лишь когда на небе уже блестели звезды и давно уже отсиял последний луч солнца, Хаммердал остановил лошадь.

— Стоп, — сказал он, — день кончился, пора завернуться в одеяла! Не так ли, старый енот Пит Холберс?

В те времена, на Дальнем Западе, название этого симпатичного зверька с полосатым хвостом охотно употреблялось трапперами в качестве обращения.

— Как хочешь, Дик, — проворчал Холберс, испытуя глядя вдаль, — однако не лучше ли

нам отмахать еще милю? Или три, или пять? Четыре умелые руки и два ружья были бы нужнее там, у Полковника, чем здесь, на лужайке, где жужжат жуки и порхают ночные бабочки.

— Плевать на бабочек. У нас тут двое господ, которые еще не знают, что такое прерия, и надо дать им отдохнуть. Глянь, как пыхтит гнедой под Петером — чертовски трудное имя! — Вольфом; да, посмотри, как он хрипит, будто у него там целый Ниагарский водопад в горле; и тот рыжий, на котором повис Мертенс, весь в пене. Итак, слезаем; начнет светать — поедем дальше.

Оба немца, не привыкшие к столь долгой верховой езде, действительно очень устали и мгновенно последовали приказу. Лошади были привязаны длинными лассо, и после скромного ужина, когда определили очередность дозоров, все кроме тех, кто дежурил первым, легли спать прямо на траве.

Утром двинулись дальше. Оба траппера были молчаливыми людьми, из которых трудно выжать хотя бы одно слово, если это не было действительно необходимо; кроме того, теперь они находились не в безопасном салуне, где можно беззаботно спустить со стапеля ту или иную историю, а в прерии, где нельзя ни на секунду ослаблять внимания к малейшим деталям окружающей обстановки; в довершение всего известие, принесенное Виннету, способно было замкнуть рот самому разговорчивому человеку. Так и случилось, что Мертенс, у которого с утра кое-что вертелось на языке, вынужден был держать его за зубами, а когда пришла ночь, то все были настолько заняты устройством на ночлег, что слушать его никто не захотел и, недовольный, он завернулся в одеяло и стал ждать, когда придет сон.

Так, в быстрой езде по прерии, прошло несколько дней, почти без слов, и лишь на пятые сутки, ближе к вечеру, Дик Хаммердал, который все время находился впереди, вдруг остановил кобылу и в следующее мгновение уже сидел в траве на корточках и очень внимательно разглядывал следы на земле. Потом он крикнул:

— Посмотрите-ка, Пит Холберс, не иначе как кто-то тут проехал незадолго до нас; можешь сожрать меня с потрохами, если это не так. Слезай иди сюда!

Холберс наступил левой ногой на землю, поднял затем правую над крупом своего коня и слез, после чего нагнулся посмотреть на след.

— Не знаю, как ты, Дик, — проворчал он, — а я думаю, что это был индеец.

— Был ли это краснокожий или нет, все равно, но лошадь белого оставляет не такой след, как эта. Садись обратно на свою лошадь, а я посмотрю дальше!

И он пешком пошел по лошадиному следу, в то время как его умная кобыла без лишних напоминаний сама последовала за ним.

Пройдя несколько сот шагов, он вдруг застыл и обернулся.

— Слезай снова, старый енот, и скажи мне, что это такое? — Он показал рукой на землю.

Холберс нагнулся и, тщательно осмотрев место, сказал:

— Дик, если ты считаешь, что это тот самый апач, то ты, наверное, прав. Та же бахрома, кусок которой висит здесь, на кактусе, была на нем тогда, в салуне. Такой я не видел ни у одного краснокожего — обычно они просто подрезают края. Здесь он слез с лошади, чтобы что-то посмотреть, и тут-то эти колючки и оборвали бахрому. Я думаю... ну-ка, Дик, посмотри направо! Чьи ноги тут стояли?

— Клянусь твоей бородой, Пит, это какой-то негодяй индеец, который пришел с той стороны и здесь свернул. А ты что думаешь?

— Мда, у этого апача дьявольски острые глаза, наверняка он увидел самый первый след, и кто знает, сколько бы мы здесь ходили, ничего не подозревая.

— Первыми мы этот след заметили или не первыми, все равно; достаточно того, что мы его нашли. Однако дикии редко путешествуют по прерии в одиночку. Как пить дать, у него где-то

рядом спрятана кляча и наверняка поблизости торчит целая шайка с луками и намалеванной на щитах разной чертовщиной. Давай-ка хорошенько осмотримся, а то как бы нам не наткнуться на кого-нибудь из них!

Он внимательно оглядел горизонт и недовольно покачал головой:

— Послушайте, Мертенс, у вас там сбоку висит мешок. Почему бы вам его не открыть? А то, может, там у вас какая-нибудь птица спрятана и вы боитесь, что она улетит?

Мертенс развязал мешок, вытащил оттуда подзорную трубу и, не слезая с лошади, протянул ее охотнику. Тот открыл прибор, поднес его к глазам и начал снова осматривать горизонт.

Через пару минут он вдруг удивленно поднял брови и сказал с улыбкой:

— Вот тебе труба, Пит Холберс. Посмотри-ка вон туда и скажи мне, что это за длинная прямая линия тянется с востока на запад по северной стороне горизонта?

Холберс последовал указанию. Через некоторое время он опустил инструмент и произнес, задумчиво потирая свой длинный острый нос:

— Дик, если ты считаешь, что это как раз проходит железная дорога на Калифорнию, то ты не такой глупый, как можно подумать.

— Глупый?.. Дик Хаммердал глупый? Приятель, придется мне немного пощекотать тебя ножом между ребер, но тогда твой длинный язык будет висеть изо рта как кусок корабельного каната! Дик Хаммердал глупый! Слыхали вы когда-нибудь такое? Между прочим, глупый он или нет, это все равно; но если кто вздумает купить его дешевле, чем он стоит, то очень скоро увидит, что просчитался. Кстати, что общего имеет железная дорога со следами краснокожего, которые мы только что видели? Что ты по этому поводу думаешь, Пит Холберс, самый умный из всех умников?

— А когда будет ближайший поезд, Дик?

— Точно не знаю, но полагаю, что сегодня.

— Ну, тогда краснокожие наверняка его и ждут.

— Наверно, ты прав, старый енот. Но вот откуда он пойдет, с той стороны или с этой?

— Тебе нужно съездить в Омаху или в Шайенн, там тебе дадут справку; на мне расписание не висит!

— Я этим бумажкам так и так не верю. Однако это все равно, с востока он появится или с запада, потому что, если он только придет, они его остановят. Только вот будем ли мы спокойно смотреть, как они снимают скальпы с пассажиров, это другой вопрос. Что ты скажешь?

— Считаю своим долгом начистить им рыло.

— Я того же мнения. Итак, слезаем с коней и вперед! Их дозорные скорее заметят верхового, чем того, у кого имеются мозги и кто вследствие этого идет пешком. Надо посмотреть, где они засели. Однако будьте готовы стрелять: если они нас заметят, то ружья — это первое, что нам понадобится!

Медленно и осторожно, внимательно оглядываясь по сторонам, они двинулись вперед. Следы, которым они следовали и которым сопутствовали следы апача, вели сначала к железнодорожной насыпи, потом вдоль нее, до тех пор пока вдалеке не стали видны невысокие холмы.

Здесь Дик снова остановился.

— Где прячутся эти мерзавцы — это, конечно, все равно, но пусть меня поджаривают до тех пор, пока я не стану таким же тощим, как мастер Холберс, если они не затаились вон за теми горками. Дальше нам нельзя, ибо...

Слово застыло у него на языке, а ружье мгновенно оказалось у щеки; через секунду он его снова опустил. Несколько впереди, на другом склоне насыпи, появился человек; он быстро перебрался через путь и минуту спустя уже стоял перед четырьмя мужчинами. Это был апач.

— Виннету видел, как идут бледнолицые, — сказал он, — они напали на след огаллала и будут спасать огненного коня от гибели!

— Хорошо, — произнес Хаммердал, — счастье, что это не был кто-нибудь другой, потому что он бы попробовал мою пулю и мы бы выдали себя выстрелом. Но куда дел апач свою лошадь? Или он обходится без мустанга в этих диких землях?

— Лошадь апача — как собака, которая лежит и ждет, когда вернется ее хозяин. Минуло уже много солнц, как он увидел огаллала и пошел к реке, которую его белые братья зовут Арканзас. Он думал найти там своего друга Дедли-Гана, но его не было в вигваме. Тогда он снова последовал за красными людьми и теперь хочет предупредить огненного коня, чтобы он не упал на тропе, которую они разрушили.

— Ну и ну! — проворчал Пит Холберс. — Вы только посмотрите, как умно эти негодяи принялись за дело. Если бы только знать, с какой стороны придет поезд!

— Огненный конь придет с востока; конь с запада уже прошел, когда солнце было прямо над головой у вождя апачей.

— Что ж, выходит дело, мы знаем, в каком направлении нам двигаться. Однако когда поезд будет здесь? Пит Холберс, твое мнение.

— Дик, ты все еще продолжаешь думать, что я прихватил с собой расписание. Скажи мне тогда по крайней мере, куда я его засунул.

— Уж конечно, не в свою пустую башку, старый енот, потому что у тебя там, как в пустыне, только ветер и пыль, причем постоянно. Но смотрите: солнце заходит, через четверть часа будет достаточно темно и мы сможем посмотреть на этих красных мерзавцев, что они...

— Виннету был за их спинами, — прервал его апач, — и видел, как они навалили деревья поперек пути, чтобы огненный конь остановился.

— Их много?

— Возьми десять раз по десять, и это будет меньше половины воинов, которые лежат на земле и ждут прихода бледнолицых. А лошадей еще больше — они хотят взять с собой все добро, которое везет огненный конь.

— Они просчитываются! Что думает делать Виннету?

— Он останется здесь и будет наблюдать за красными людьми. Мои белые братья должны скакать навстречу огненному коню и остановить его, чтобы огаллала не увидели, что он погасил свой горящий глаз и остановился.

Совет был хорош, и им тотчас же воспользовались. Время прихода поезда было неизвестно, и это означало, что он может появиться в любую минуту; поэтому всякое промедление было очень опасно, — ведь, для того чтобы огаллала ничего не заметили, остановить поезд надо было достаточно далеко от их засады. Виннету остался на месте, а четверо остальных снова сели на коней и быстрой рысью двинулись вдоль насыпи на восток.

Они скакали уже около четверти часа, как вдруг Хаммердал придержал лошадь и посмотрел в сторону.

— Интересно, — произнес он, — не сидит ли там кто-нибудь в траве, вроде козы или... эй, Пит Холберс, скажи-ка, что это может быть за животное?

— Если ты думаешь, что это лошадь апача, которая сидит тут как привязанная и ждет, пока вернется хозяин, то я с тобой согласен!

— Ты прав, старый енот! Но поспешим, не будем пугать мустанга — у нас есть дела поважнее. Встретим мы поезд или нет — все равно, но предупредить его мы обязаны, и чем дальше это произойдет, тем лучше. Краснокожие не должны видеть его огни и то, что он остановился, иначе они поймут, что их план раскрыт.

## ДЕДЛИ-ГАН

Четверо мужчин снова двинулись вперед. Быстро темнело; прошло немногим более получаса, и на прерию опустилась ночь; в небе засияли звезды. Сейчас всадникам не помешало бы немного лунного света; однако позднее, при приближении к индейцам, он стал бы только помехой, поэтому отсутствие луны на небе было вполне благоприятным обстоятельством.

Ночью, на ровной местности, мощный фонарь американского паровоза дает знать о его приближении, когда он находится еще очень далеко от наблюдателя; необходимо было проехать довольно большое расстояние, чтобы остановить поезд там, где свет паровозного прожектора не был бы виден из засады, поэтому Дик пустил свою кобылу галопом; остальные последовали его примеру.

Наконец он остановился и спрыгнул с лошади; спутники сделали то же самое.

— Так! — сказал Дик. — Я думаю, теперь запас Достаточно большой. Спутайте лошадей и поищите сухой травы, чтобы мы могли подать знак.

Приказание выполнили, и скоро была собрана куча сухих стеблей, которую при необходимости можно было быстро поджечь с помощью пороха.

Расстелив одеяла, путники легли на землю и стали вслушиваться в ночь, в то же время не спуская глаз с того направления, откуда должен был появиться поезд. Оба немца хорошо понимали, что должно произойти, но чувствовали себя, однако, столь неискушенными в жизни на Диком Западе, что даже не помышляли о том, чтобы прервать молчание и как-то повлиять на ход событий.

Им не оставалось ничего другого, как только полностью положиться на охотников. А вокруг стояла тишина, лишь слышно было, как лошади щиплют траву да где-то кричит ночная птица. Минуты текли долго, и ожидание становилось томительным.

Вдруг далеко в кромешной тьме появилось слабое светлое пятнышко. Сначала едва различимое, оно быстро становилось все ярче и ярче.

— Пит Холберс, что ты скажешь вон о тех огнях святого Иоганна?

— Да, как раз то, что ты подумал, Дик Хаммердал!

— Полагаю, что это самая умная мысль, возникшая в твоей голове с тех пор, как ты родился, старый енот! Локомотив это или нет, все равно, однако ясно, что пора переходить к делу.

Мертенс, когда поезд приблизится, кричите что есть мочи; и вы тоже, Петер Вольф, — тьфу ты пропасть, бывают же такие имена, язык заплетается! Орите сколько хватит сил. Об остальном позаботимся мы.

Он взял собранную траву, свил из нее толстый жгут и посыпал его порохом. Потом вытащил из-за пояса револьвер.

Теперь приближение поезда ощущалось по все более отчетливому шуму колес, и шум этот постепенно перерастал в грохот, подобный отдаленному небесному грому.

— Набери побольше воздуха, Пит Холберс, раскрой пошире рот, и зареви так, как только ты это можешь, старый енот! Поезд пришел! — закричал Хаммердал я озабоченно посмотрел на лошадей, которые, не привыкшие к подобному повороту событий, испуганно фыркали и придали ушами, пытаясь разорвать ремня, которыми они были привязаны.

— Петер Вольф... черт бы побрал такие мерзкие имена! — посмотрите, чтобы лошади не сбежали. При этом можете продолжать кричать.

Момент настал. Выбрасывая перед собой сноп ослепительного света, поезд гремел уже совсем близко. Хаммердал поднес револьвер к жгуту и нажал на курок. Порох тотчас же вспыхнул; сухая трава начала тлеть. Дик схватил жгут и начал размахивать им в воздухе, пока тот не превратился в ярко пылающий факел. Тогда он, держа факел в руке, ярко освещенный пламенем, пошел навстречу паровозу.

Машинист, видимо, сразу заметил через переднее защитное стекло, что впереди что-то неладно, так как факел успел сделать всего несколько колебаний в воздухе, когда паровоз издал резкий свисток, за ним другой; в ход былипущены тормоза, колеса заскрежетали и заскрипели, и перед четырьмя мужчинами проплыл длинный ряд грохочущих и лязгающих буферами вагонов. Все бросились вслед за поездом, который уже заметно сбавил ход.

Наконец он остановился. Не обращая внимания на проводников, которые, перегнувшись через ограждения, смотрели на него сверху, Дик Хаммердал бежал вдоль вагонов к локомотиву; добравшись до него, он набросил предусмотрительно прихваченное с собой одеяло на паровозный прожектор и закричал:

— Выключите весь свет!

Тотчас исчезли все фонари. Служащие Тихоокеанской железной дороги — люди опытные и, кроме того, мужественные и не лишенные здравого смысла. Они подумали, что этот призыв, наверное, имеет под собой основание, и мгновенно ему последовали.

— Дьявольщина! — раздался голос из кабины локомотива. — Какого черта вы закрыли фонарь? Кто вы такой и что все это значит?

— Какая разница, кто я, — сказал зверобой, — но там, дальше, обосновались индейцы, и сдается мне, что они разобрали путь.

— Проклятье! Снова эти краснокожие собаки! Как нам вас благодарить, приятель?

В темноте кто-то спрыгнул на землю, пожал Дику руку и отдал приказ открывать вагоны.

Буквально через минуту охотники были окружены толпой и поразились весьма значительному числу людей, выпрыгивающих из купе, чтобы узнать причину неожиданной остановки.

Вкратце Хаммердал обрисовал ситуацию и произвел большое впечатление на собравшихся пассажиров и персонал поезда.

— За последние полгода это уже третий случай, — сказал машинист, — они нападают на поезда и грабят их именно на этом участке, и всякий раз это оказывается делом рук проклятых огаллала, — это один из родов племени сиу, дикость и враждебность которых можно смягчить только пулей. Но на этот раз они ошиблись и получат все, что заработали. Сразу всю сумму! Они думают, что этот поезд полон товара, как и предыдущие, а охраны всего пять или шесть человек. Но к счастью, мы на этот раз загрузили пару сотен рабочих, которые едут строить мосты и тоннели в горах, а это храбрые люди и почти у всех при себе оружие, так что дело будет не таким уж трудным и, я думаю, доставит нам удовольствие.

Он поднялся на паровоз и спустил лишний пар, который с резким шипением вырвался из клапанов и наполнил окружающее пространство белым туманом. Затем он спустился обратно, чтобы оценить имеющиеся в его распоряжении силы, и сказал:

— Для начала скажите мне, приятель, как ваше имя? Должен же я знать, кого мы должны благодарить за столь важное предупреждение.

— Пока я жив, мое имя Хаммердал, сэр, Дик Хаммердал.

— Отлично, а как зовут его?

— Это все равно, сэр, как его зовут, но, поскольку у него по чистой случайности все-таки есть имя, думаю, что я никого не обижу, если оно вам станет известно. Он себя именует Пит Холберс, и это парень, на которого можно положиться.

— А остальные, вот он и тот, у лошадей?

— Эти двое — немцы из Германии; их имена — Генрих Мертенс и — вот чертова имя! — Петер Вольф. Не говорите эти два слова сразу, сэр, вы сломаете себе челюсть.

— Well, — захотел машинист, — не у каждого такой чувствительный язык, как у вас, мистер Хаммердал!

— Хаммердал? Дик Хаммердал? — послышался вдруг глубокий, сильный голос, и сквозь толпу пробился какой-то мужчина.

— Welcome, дружище! Думал встретить вас в убежище, и вот на тебе. Никак не ожидал! Что вас привело сюда?

— Какая вам разница, Полковник, однако у меня при себе есть малость пороха, свинца и табаку. Здесь Длинный Пит, мы с ним сидели у мастера Винкляи, ирландца, и там, кстати, прихватили с собой двух немцев, которые хотели бы видеть Дедли-Гана, то есть вас.

— Дедли-Ган! — воскликнул машинист, подойдя поближе к неизвестному. — Так это в самом деле вы, сэр?

— Да, меня зовут и так! — последовал короткий и простой ответ. Говоривший был мужчина среднего роста, однако очень широк в плечах; на нем была обычная одежда зверобоя. Толпившиеся вокруг, услышав это имя, несколько отступили назад.

— Отлично, сэр, значит, с нами как раз тот, кому мы смело можем передать командование. Вы согласны взять на себя дело?

— Если джентльмены не имеют ничего против, тогда почему нет?

Ответом ему был гул общего одобрения. Этому известному охотнику, о котором все слышали, но едва ли кто знал в лицо кроме тех немногих, кого он собрал вокруг себя, спокойно можно было передать руководство предстоящей операцией.

— Естественно, они все согласны. Итак, мы ждем ваших приказаний, и пусть они последуют как можно быстрее! У нас нет времени; не стоит заставлять этих краснокожих мошенников ждать нас слишком долго, — решил инженер.

— Well, сэр, я только хотел бы сказать пару слов этому человеку! Дик Хаммердал, кто еще с вами из убежища?

— Никого, Полковник! Остальные — кто дома, а кто в горах.

— Но с вами должен быть кто-то еще, Дик, ведь, насколько я вас знаю, вы не ушли бы просто так от краснокожих, не оставив кого-нибудь присмотреть за ними.

— Какое это имеет значение, как я оттуда ушел, однако если вы принимаете Дика Хаммердала за идиота, который забыл оставить соглядатая, то вы в нем смертельно ошиблись, Полковник! Там остался один, и такой, что лучше не найти, — это Виннету, апач. Он увидел и предупредил нас там внизу, у ирландца, а потом пошел по следу огаллала и снова на нас наткнулся.

— Виннету, апач? — спросил машинист, в то время как по толпе прошел гул одобрения. — Боже, сегодня день встреч! Он один стоит целой компании охотников, и, если он на нашей стороне, это означает, что негодяи надолго запомнят эту ночь. Где он?

— Он залег как раз рядом с индейцами, с левой стороны от рельсов. Я думаю, там все в порядке, иначе он был бы уже здесь, чтобы нас предупредить.

— Хорошо, — произнес Дедли-Ган, — теперь я скажу вам свое мнение: мы разделимся на два отряда, которые пойдут на сближение с индейцами по двум сторонам от железной дороги. Один отряд поведу я, другой... давайте вы, сэр?

— Само собой! — сказал инженер. — Собственно, я не имею права покидать свой пост, но, с другой стороны, пара здоровых рук вам не помешает, а мой кочегар в состоянии присмотреть за машиной в мое отсутствие. Мне, конечно, не усидеть здесь, когда я услышу пальбу. Значит, я

иду с вами! — И, повернувшись к персоналу, он продолжил: — Вы оставетесь у вагонов и будьте внимательны, иногда не знаешь, что может случиться. Том!

— Сэр! — ответил кочегар.

— Ты знаешь, как обращаться с машиной. Чтобы нам не терять времени, как только ты увидишь условный знак, поведешь поезд вперед. Но двигайся медленно, так медленно и осторожно, как только сможешь, — путь может быть поврежден! Что касается того, чтобы я вел второй отряд... Мистер Дедли-Ган, я не думаю, что подхожу для этого. Я буду драться, но я не властен и опыта в таких делах у меня нет. Думаю, будет лучше, если вы найдете кого-нибудь другого.

— Хорошо, сэр. Я не слишком охотно отпускаю вас, но здесь есть человек, который сделает свою половину дела так же хорошо, как я — свою, поэтому вы можете спокойно доверить ему людей. Дик Хаммердал, а вы что думаете по этому поводу?

— Полагаю, Полковник, что вы неспособны на неверные действия.

— Надеюсь! Хотите взять под начало половину людей?

— Хм, если люди за мной последуют, то я охотно поползу впереди! Порох у меня сухой и пуль в достатке. Думаю, мое ружье сумеет сказать пару ласковых слов краснокожим. Однако лошади, Полковник, должны остаться здесь — их посторожит Мертенс.

— Мне это не по душе, — возразил немец, — я иду с вами.

— Что вам по душе, а что нет — не время разбираться; но раз вы не хотите оставаться, так это может сделать другой, Петер Вольф, — к черту такие кривоногие имена!

Однако последний тоже отказался и лошадей поручили вниманию одного рабочего, из тех, что не имели при себе оружия.

Ударные силы были поделены. Дедли-Ган и Дик Хаммердал встали во главе отрядов; поезд остался стоять там где стоял, мужчины двинулись вперед. Через несколько минут над местностью воцарилась тишина, не нарушая никакими звуками. Все говорило о том, что мир и покой таят в себе приближающийся миг кровавого сражения.

Первый и довольно длинный отрезок пути прошли обычным шагом, не нагибаясь; однако, приблизившись к месту предполагаемой схватки, все легли на землю и поползли один за другим, отталкиваясь руками и ногами и заходя с двух сторон к месту, где засел противник.

— Уфф! — кто-то тихо сказал над ухом Дедли-Гана. — Всадники огненного коня могли бы остаться здесь и подождать, пока Виннету уйдет вперед и вернется!

— Виннету? — Дедли-Ган даже немного привстал. — Разве мой красный брат забыл, как выглядит его белый друг?

Виннету всмотрелся и, несмотря на темноту, узнав его, прошептал:

— Дедли-Ган! Благословен Большой Дух, показавший сегодня апачу твоё лицо; пусть он благословит твою руку, чтобы она убила своих врагов! Мой брат скакал на огненном коне?

— Да. Золото, которое он нашел благодаря апачам, он продал на востоке и теперь едет обратно, чтобы найти еще. Зачем мой мудрый<sup>"</sup> брат хотел уйти и потом вернуться?

— Душа ночи черна, а дух вечера темен и угрюм; Виннету не смог узнать брата, лежащего на земле. Однако он видел человека, который стоит там, на холме, и ждет, когда придет поезд. Апач уйдет, чтобы закрыть глаза огаллала, потом он вернется! — В следующее мгновение он исчез.

Несмотря на темноту ночи, на близлежащем холме можно было различить фигуру человека, которая даже для тренированного глаза зверобоя представлялась смутным и неясным пятном на фоне усыпанного звездами неба. Очевидно, огаллала выставили дозорного, чтобы он вовремя увидел свет приближающегося поезда. Белому человеку было бы весьма трудно, а скорее, даже невозможно подобраться к нему незамеченным; Дедли-Ган, однако, хорошо знал,

как отлично апач умеет ползать, и поэтому он понимал, что огаллала скоро исчезнет.

Прижавшись к насыпи, он ни на мгновение не упускал его из вида. И в самом деле, прошло лишь несколько минут, как вдруг около дозорного мгновенно выросла какая-то фигура и оба, сцепившись, покатились по земле. Нож апача сделал свое дело.

Прошло довольно много времени, прежде чем он вернулся; никем не замеченный, прополз он вокруг всего лагеря индейцев и теперь мог доложить Дедли-Гану о результатах рекогносцировки.

Огаллала сняли с пути несколько рельсов и положили их вместе со шпалами и стволами деревьев поперек дороги. Поезд вместе с пассажирами ждала страшная судьба, налети он на препяду. Краснокожие, сохраняя полную тишину, лежали немного в стороне от сооруженного ими препятствия, поодаль стояли их лошади. Присутствие этих животных не позволяло незаметно приблизиться к индейцам, поскольку лошади прерий по своей чуткости ни в чем не уступают собакам и ржанием оповещают хозяина о приближении любого живого существа.

— Кто их ведет? — спросил Дедли-Ган.

— Матто-Си, Медвежья Лапа. Виннету имел с ним дело, в свое время он мог убить его.

— Матто-Си? Это храбрейший из сиу; он ничего не боится и может доставить нам много хлопот! Он силен как медведь и хитер как лис; наверняка он не взял всех своих людей с собой — я думаю, что изрядную долю он оставил в прериях. Умный воин иначе не поступит.

— Уфф! — Глубоким вздохом Виннету дал знать о своем согласии со сказанным.

— Мой красный брат мог бы взять половину моих людей и поискать резервы Матто-Си.

Виннету последовал указанию, в то время как Дедли-Ган, осторожно перебравшись через рельсы, подполз к Дику Хаммердалу и сказал ему:

— Еще триста ярдов, Диц, и вы прямехонько упретесь в индейцев. Я разделил моих людей и послал половину вместе с Виннету в прерию, чтобы...

— Послали вы их туда или нет — это все равно, — шепотом прервал его Диц, — однако для чего вы это сделали, Полковник?

— Огаллала ведет Матто-Си...

— Медвежья Лапа? О Боги! Это значит, что перед нами самая храбрая часть племени, и я думаю, что где-то не слишком далеко в прерии он держит свой резерв.

— Я того же мнения. Я послал Виннету, чтобы он отсек этот резерв, а с остальными попробую добраться до их лошадей. Если нам удастся их захватить или рассеять по прерии, тогда краснокожие пропали.

— Well, well, Полковник. Диц Хаммердал и его пушка тоже не останутся в стороне. Мы набьем поезд скальпами!

— Итак, вы со своими ждете, пока не раздастся первый выстрел, тогда индейцы поймут, что мы за их спинами, и бросятся к вам, и тут-то вы их и накроете. Однако ждите, Диц, пусть они подойдут к вам поближе, когда вы сможете хорошо их видеть, каждого человека, чтобы ни одна ваша пуля не пролетела мимо цели!

— Не беспокойтесь, Полковник! Диц Хаммердал хорошо знает, что он должен делать. Будьте только осторожны с лошадьми, мустанг индейца чувствует белого человека за десять миль!

Дедли-Ган исчез в темноте, а толстый траппер пополз вдоль цепи своих людей, чтобы объяснить им, как надо действовать.

Вернувшись, он занял место рядом с Питом Холберсом, который последние несколько часов вел себя весьма молчаливо. Диц тихо сказал ему:

— Пит Холберс, старый енот, очень скоро начнутся танцы!

— Раз ты так считаешь, то так оно и будет, Диц! Ты, конечно, рад этому?

Хаммердал хотел ему ответить, но в этот момент в стороне сверкнула короткая вспышка, за

которой последовал громкий хлопок — прежде, чем Дедли-Ган отдал приказ, один из следовавших за ним рабочих пальнул из ружья. Огаллала моментально вскочили на ноги и помчались к своим лошадям. Однако всегда сохраняющий присутствие духа Дедли-Ган, едва услышав предательский выстрел, поспешил исправить последствия небрежности.

— Вперед, парни, к мустангам! — крикнул он, бросился огромными прыжками к привязанным лошадям и достиг их вместе со своими людьми раньше, чем это сделали индейцы. В мгновение ока были срезаны ремни, и испуганные животные начали разбегаться по прерии.

Плотный прицельный огонь остановил наступающих дикарей. Потрясенные потерей лошадей, не имея возможности в темноте оценить численность противника, они на какое-то время застыли на месте, подставив себя пулям. Но вот прозвучал громкий призыв вождя; индейцы развернулись и стали отходить, имея намерение залечь с другой стороны насыпи и под ее прикрытием подготовиться к ответным действиям.

Но едва они оказались на гребне насыпи, как вдруг всего в нескольких шагах перед ними, будто из-под земли выросла темная шеренга; ослепительный залп более чем из пятнадцати ружей на мгновение осветил темноту ночи, и отчаянный вой раненых засвидетельствовал, что отделение Дика Хаммердала целилось неплохо.

— Пули вон и за мной! — заорал Дик, выстрелил из второго ствола и, бросив бесполезное теперь ружье, выхватил из-под длинной охотничьей куртки томагавк, страшный боевой топор Запада, и в сопровождении Пита Холберса и храбрейших из рабочих устремился на смешавшиеся ряды дикарей.

Казалось, индейцы, ошеломленные внезапным ударом, полностью потеряли рассудок — спереди и сзади враг, и спасение можно найти только в бегстве. Но снова прозвучала резкая команда Матто-Си и все дикари мгновенно пропали. Они бросились наземь и предприняли попытку ползком прорваться в прерию сквозь ряды нападавших.

— На землю, парни, и ножи в руки! — громовым голосом крикнул Дедли-Ган и бросился в оставленный лагерь индейцев.

Он думал, что там наверняка есть достаточное количество горючего материала, — ведь индейцам, на случай если бы их план удался, потребовалось бы освещение. Он не ошибся. В лагере было сложено несколько больших куч хвороста. С помощью пороха он зажег их; стало светло, и в свете пламени он увидел множество оставленных копий и одеял. Это был отличный горючий материал.

Дедли-Ган поручил заботу об огне одному из подбежавших рабочих, а сам поспешил к месту, где ночное сражение уже распалось на множество кровавых единоборств.

Среди дорожных рабочих в основном были люди, видавшие в жизни всякое и умеющие постоять за себя, однако манера ведения рукопашного боя индейцами, которые теперь, при свете костров, смогли оценить свое положение и поняли, что числом они значительно превосходят противника, не оставляла им никаких шансов для успешного противостояния. Там, где они дрались один на один, индеец, как правило, одерживал верх, и все большее число белых бойцов падали на землю под мощными ударами томагавков.

Из числа нападавших только трое владели этим оружием — Верная Рука, Дик Хаммердал и Пит Холберс, показавшие на деле, что при равном оружии тренированный и обладающий более высокой духовной организацией белый имеет преимущество в схватке.

Дедли-Ган находился в середине толпы дикарей; его спокойное, освещенное колеблющимся светом пламени лицо выражало решимость и силу воли. Молниеносными ударами своего боевого топора он искусно сдерживал напирающих на него краснокожих. Некоторые из них уже корчились у его ног с раскроенными черепами. В стороне от него находилась забавная пара знакомых нам героев, стоявших, несмотря на разницу в росте, спина к

спине — способ, которым эти своеобразные, но опытные охотники защищали друг другу тыл. Это были Дик Хаммердал и Пит Холберс. Низкорослый Дик, который в своем костюме мог производить впечатление беспомощного, демонстрировал кошачью ловкость: держа длинный, обоюдоострый нож в левой руке, правой размахивая тяжелым боевым топором, он давал достойный отпор любому противнику. Его длинная куртка, похожая на черепичную крышу, отражала подобно кольчуге направленные на него удары ножей. Длинный Пит водил руками в воздухе как осьминог, распластавший свои щупальца в ожидании добычи. Его тело, состоявшее, казалось, из одних только костей и жил, демонстрировало теперь необыкновенную силу и выносливость; его топор падал на врагов с удвоенной высоты, он доставал им дальше, чем любой другой, при том что ноги его ни на дюйм не сдвигались с места, и тот, кто подходил на расстояние равное размаху его топора, неминуемо погибал. За эту манеру сражаться их прозвали «вращающийся тост». Как известно, тост представляет собой два куска хлеба, сложенных маслом друг к другу и слегка поджаренных. Хаммердал и Холберс во время боя поворачивались друг к другу спиной и образовывали единое целое, и, хотя из двух кусков хлеба столь разной длины тост было бы сделать весьма трудно, прозвище это за ними закрепилось. Среди белых выделялись еще двое — это были оба немца. Они подобрали где-то томагавки убитых индейцев и теперь орудовали ими с такой легкостью и уверенностью, как будто давно упражнялись в этом роде фехтования.

Среди рабочих также были мужественные люди, сразившие многих индейцев, — дикари не особенно охотно сражались с ними один на один. Победа склонялась уже на сторону белых; оставшиеся в живых краснокожие сбивались во все более тесную группу.

Внезапно из темноты прерии раздался громкий боевой клич, немедленно подхваченный оборонявшимися индейцами. Дедли-Ган оказался прав: Матто-Си, мудрый вождь огаллала, оставил значительную часть наличных сил в прерии, и теперь они примчались к месту сражения и дело мгновенно приняло другой оборот. Те из огаллала, кто бежал с поля битвы, заметив прибытие подкрепления, также стали возвращаться назад, и в результате охотники и рабочие от нападения вынуждены были перейти к защите, которая с каждой минутой становилась все более отчаянной.

— Все назад, за насыпь! — крикнул Дедли-Ган, мощными ударами топора прорубил себе дорогу и первым выполнил свой собственный приказ, показывая пример, как это надо делать.

Питу Холберсу понадобилось лишь несколько шагов, чтобы оказаться рядом с ним. Дик Хаммердал, чтобы расчистить себе путь, вытащил револьвер и, расстреляв все заряды, бросился к насыпи. Оказавшись на ее гребне, он споткнулся, упал через голову и кубарем полетел вниз по другому откосу насыпи, как раз под ноги Дедли-Гану. Поднявшись, он посмотрел на предмет, который оказался у него в руках. Это была как раз та штука, которую он задел ногой там, наверху, после чего инстинктивно схватил ее и удержал в руках во время падения. Предмет был похож на старую дубинку.

— Мое ружье, честное слово, это мое ружье, я как раз там его и бросил! Пит Холберс, что ты на это скажешь, старый енот?

— Если ты думаешь, Дик, что это хорошо, то...

Ему не удалось договорить, ибо огаллала преследовали их и битва разгорелась с новой силой. Пламя пожара, горевшего за дамбой, осветило сцену, которая свидетельствовала о том, что борьба подходит к концу и исход ее складывается далеко не в пользу белых. Их предводитель уже хотел посоветовать своим бойцам спасаться бегством в темноте, как вдруг за спинами дикарей раздались выстрелы и большая группа мужчин, размахивая оружием, врезалась в толпу краснокожих. Это был Виннету со своим отрядом. В темноте очень трудно было различить какие-либо следы, поэтому поиски предполагаемого резерва не дали результата.

Когда Виннету увидел зарево пожара, он заключил из этого, что его присутствие на месте сражения является необходимым, и, поспешив туда, прибыл как раз в тот момент, когда дело еще можно было спасти. Его помощь оказалась решающей.

В самой гуще сражающихся стоял Матто-Си, вождь огаллала. Его широкоплечая приземистая фигура была втиснута в охотничью куртку из сырой кожи, сейчас сверху донизу залитую кровью, на плечах висела шкура койота, морда которого скалила зубы над его лбом. В левой руке он держал щит из бизоньей шкуры, в правой у него был томагавк; и тот, на кого падал пронизывающий взгляд его темных глаз, вскоре замертво валился на землю.

Он уже думал, что победа достигнута, и голосом подал знак к победному кличу, как вдруг появился Виннету. Матто-Си обернулся и увидел его.

— Виннету, собака пимо! — крикнул он.

Его глаза сверкнули невыразимой, смертельной ненавистью, но поднятая для прыжка нога вдруг замерла и рука, вознесшая топор для удара, опустилась. Казалось, вид врага парализовал его волю и лишил мужества и присутствия духа.

Виннету тут же заметил его и ответил:

— Я вижу тебя, Матто-Си, огаллала жаба!

Его тонкая, гибкая, но поразительно мускулистая фигура, как струйка воды просочилась через толпу сражающихся, и секунды спустя он уже стоял в полный рост прямо перед Матто-Си.

Оба одновременно размахнулись для смертельного удара, топоры со звоном столкнулись в воздухе, и томагавк Матто-Си, раскололвшись, выпал из его руки. Мгновенно развернувшись, он обратился в бегство.

— Матто-Си! — крикнул Виннету не двигаясь с места. — Пес-огаллала стал сукой, раз он бегает от Виннету? Чрево земли выпьет его кровь, и когти коршунов разорвут его сердце и тело!

Эти слова заставили противника остановиться. Матто-Си обернулся и пошел на врага.

— Виннету, раб бледнолицых! Вот он здесь, Матто-Си, вождь огаллала; он убивает медведя и валит быка; он преследует лося и может отрезать голову змее; ему еще никто не смог противостоять, и вот сейчас он возьмет жизнь Виннету, труса пимо.

Выхватив топор, он бросился на апача, который ожидал его там, где стоял. Какое-то время противники молча сверлили друг друга глазами. Потом огаллала высоко поднял топор и со свистом опустил его, стремясь попасть Виннету в голову, но тот умело уклонился от удара. Размахнувшись, он хотел в свою очередь ответить ударом на удар, но кто-то схватил его сзади и помешал это сделать. На него бросились два человека. Мгновенно обернувшись, он уложил обоих, но топор Матто-Си вновь оказался над его головой.

Дедли-Ган увидел, что другу угрожает опасность. Раскидав в разные стороны индейцев, он оказался рядом с их предводителем, схватил его одной рукой за горло, а другой — за пояс и, подняв в воздух, изо всех сил бросил его на землю, так что внутри того что-то хрустнуло. Тогда Дедли-Ган нагнулся над потерявшим сознание Матто-Си и вонзил ему в грудь нож. Когда огаллала увидели смерть своего вождя, они испуганно завопили и обратились в бегство.

Дик Хаммердал снова стоял рядом с Питом Холберсом; два неразлучных друга брали пленных.

— Пит Холберс, старый енот, ты видишь, как они бегут? — воскликнул Хаммердал.

— Хм, ты, конечно, думаешь Дик, что я этого не вижу!

— Какая разница, что я по этому поводу думаю, но мне хотелось бы... Черт возьми! Пит, посмотри-ка на того парня, который хочет проскочить между двумя немцами! Надо вправить ему мозги.

Он пулей помчался к тому месту, где несколько спасавшихся бегством краснокожих,

наткнувшись на двух немцев, пытались убрать их с дороги. Холберс последовал за ним; набросившись на индейцев, они быстро уложили всех.

Победа была полной, враг бежал с поля боя, бросая раненых и убитых.

С востока темноту прорезал свет приближающегося поезда. Кочегар принял зарево пожара за оговоренный ранее условный знак и теперь вел поезд на медленном ходу.

Машинист, который был в отряде Виннету, подошел к апачу и спросил его:

— Так это вы, мистер Виннету?

Индеец кивнул.

— Сегодняшним спасением мы обязаны вам. Я напишу рапорт, который, я уверен, дойдет до президента. Награда не заставит себя ждать!

— Апач не нуждается в награде. Он любит всех хороших людей и дает им свою руку в битве, но он силен и богат — богаче, чем большой отец бледнолицых. Он не нуждается ни в золоте, ни в серебре и ни в каком другом имуществе. Он не хочет брать, он хочет только давать. Хуг!

Поезд остановился прямо перед тем местом, где были разобраны рельсы.

— Разрази меня гром, сэр, — сказал спрыгнувший на землю кочегар подошедшему начальнику, — похоже, нелегкая вам тут выпала работа. Господи помилуй, да тут было чистое сражение!

— Ты прав, дружище, ночью тут было жарко; как видишь, меня тоже в одном месте продырявили. Однако сейчас инструмент вниз и срочно восстанавливать путь! Нам надо двигаться дальше, и как можно быстрее! Позаботься об этом; я схожу посмотрю на павших.

Машинист уже повернулся, чтобы идти обратно, как вдруг прямо рядом с ним, из высокой травы, которой поросла насыпь, поднялась темная фигура и бросилась бежать.

Рабочий, которому были доверены лошади, последовал, естественно, за поездом и теперь стоял вместе с ними около вагонов.

Индеец, которому вид этих животных внушил надежду на спасение, кинулся на него, вырвал из рук повод одной из лошадей, прыгнул в седло и уже хотел ускакать.

Хаммердал заметил индейца в тот момент, когда тот еще только поднимался из травы. Он сказал своему неразлучному другу:

— Пит Холберс, старый енот, видишь вон того краснокожего?

Черт возьми, он бежит прямо к нашим лошадям!

— Если ты думаешь, Дик, что он одну из них получит, так я не имею ничего против, если ее хозяин покажется мне достаточно зеленым для этого!

— Зеленый он или не зеленый, это все равно, потому что... гляди, Пит Холберс... он вырвал у него уздечку из рук, теперь прыгает, он... Боже! Да он сел на мою кобылу! Ну, приятель, это самая большая глупость, которую ты сделал в своей жизни, потому что сейчас ты будешь иметь удовольствие побеседовать с моей пушкой!

Между тем индеец, вскочив на кобылу, бил ее по бокам, чтобы как можно быстрей пустить ее вскачать и выиграть в расстоянии. Однако он просчитался, ибо Дик, засунув в рот два согнутых пальца, издал резкий, протяжный, далеко слышный свист. Послушное животное тотчас же повернулось и, несмотря на все усилия дикаря, галопом понеслось прямо к своему хозяину.

Индейцу не оставалось иного пути к спасению, как только на всем скаку спрыгнуть с лошади. Тут Дик поднял ружье и приложил его к щеке; грохнул выстрел, и индеец упал на землю с простреленной головой.

— Ну как, Пит Холберс, убедился, что кобыла — это вполне подходящая скотина? Хотел бы я, однако, посмотреть, отправился бы он так легко охотиться к своим предкам, если бы не она. Ну, что ты скажешь?

— Вполне с тобой согласен, Дик, если ты думаешь, что он нашел туда самый короткий путь. Ты не хочешь снять скальп?

— Хочу я его снять или не хочу, какая разница, но то, что он должен тут висеть, это точно!

Чтобы добраться до убитого, Дик должен был пройти мимо двух немцев, которые стояли тут, отдохвая от напряжения прошедшей битвы.

— Такие мясорубки, как эта, случаются только здесь, на Диком Западе, капитан. Это так же верно, как то, что я зовусь Марк Летриер, — услышал он, как один из них сказал это другому, почему-то по-французски. Но он был слишком занят своим делом и в тот момент не придал какого-либо значения этим словам.

Сняв с мертвого скальп, он вернулся к стоящему поезду, и тут, невдалеке от этих двух мужчин, увидел Дедли-Гана.

— Дик Хаммердал, — спросил тот, — вы говорили, что встретили этих двух немецких джентльменов у мастера Винклай?

— Well, это так, Полковник.

— Они вели себя хорошо, и это делает им честь. Но как случилось, что вы их взяли с собой? Вы же знаете, я не люблю новых людей.

— Все так, сэр, но один из них, который называет себя Генрих Мертенс, сказал, что он ваш племянник.

— Мой племянник? Вы с ума сошли!

— Сумасшедший я или нет — без разницы; просто мы имели с ним одно маленькое дельце и мне пришлось немного пощекотать ножом его горло. Тогда он сказал, что мне придется плохо, если мой клинок слишком сильно его побеспокоит. Разбирайтесь с ним сами, Полковник!

Знаменитый следопыт подошел к немцам и спросил:

— Мне сказали, что вы приехали из Германии. Это так?

— Да, — ответил Мертенс.

— Что вы ищете в прериях?

— Дядя, ну что ты все спрашиваешь? — Ответ прозвучал по-немецки.

Дедли-Ган отступил на шаг.

— Дядя? У меня в Германии нет родственников с фамилией Мертенс, — удивленно произнес он.

— Все верно! Но я назвал себя так, потому что не знал, по душе ли тебе придется, если я везде буду называть себя Тиме. Ведь речь идет о деньгах, о больших деньгах, как ты пишешь. В таких делах надо быть осторожным, и поэтому я назвался другим именем.

— Тиме... Не может быть! Ты ли это, Генрих?

— Не только возможно, но так оно и есть, дядя. Вот твое письмо, в котором ты пишешь, что мне нужно приехать. Другие бумаги ты сможешь прочесть завтра!

Он порылся под своей длинной охотничьей курткой и вытащил тщательно перевязанный пакет, который он затем передал Дедли-Гану. При свете все еще полыхающего пожара старый охотник посмотрел на почерк, которым было написано письмо, прижал его к груди и воскликнул:

— Это правда! Господь благословил мои глаза, позволив увидеть одного из моих. Как твой отец? Почему он мне не пишет? Я послал ему свой адрес в Омахе!

— Да, но в своем письме ты подробно описываешь весь путь в Арканзасе до Форт-Гибсона, оттуда к дому ирландца Винклай и дальше, до пункта, где ты уже долгое время располагаешься лагерем со своими людьми. Поскольку мы думали, что ты можешь покинуть это место, то мы сочли наилучшим, чтобы я сам отправился в путь и привез тебе письмо отца. Когда начнет светать, я тебе его передам. Ты не видел меня с тех пор, как уехал в Америку, и сейчас не узнал

при встрече, но я очень хорошо помню, сколь многим ты помог моим родителям, а теперь вот и меня пригласил приехать.

— Well! Я рад, что ты так быстро последовал этому приглашению. Я нашел золото в горах Бигхорн и хотел бы отдать его вам, так как мне оно ни к чему. Однако посыпать его — дело ненадежное, поэтому я и хотел, чтобы ты приехал. То, что я тебе дам, — это огромное богатство, и я надеюсь, что оно принесет вам счастье. Однако ты приехал не один. Кто твой спутник?

— Он тоже немец. Его зовут Петер Вольф, и он очень хотел сюда, на Запад. Я взял его с собой.

— Отлично! Мы поговорим о наших делах потом, дорогой Генрих. Сейчас на это нет времени. Ты же видишь, у меня много других дел.

В это время они расслышали голос машиниста, который торопил с отправлением поезда: в результате непредвиденных событий было потеряно много времени, которое теперь необходимо было наверстать.

Было собрано валявшееся повсюду оружие; убитых и раненых белых внесли в вагоны. Пассажиры сердечно поблагодарили своих спасителей, и, поскольку повреждения пути уже были устранены, поезд мог отправляться в дальнейший путь. Оставшиеся смотрели ему вслед, пока огни полностью не растворились в темноте.

Теперь встал вопрос, следует ли разбивать лагерь на этом самом месте или нет. После обсуждения сошлись на том, что бежавшие огаллала могут вновь собраться и вернуться туда, где происходило сражение. Опасность была реальной, и поэтому решили отъехать на достаточное расстояние и провести остаток ночи в таком месте, где можно будет не опасаться нападения индейцев. Дедли-Ган сел на одну из захваченных у индейцев лошадей, и все тронулись в путь.

Пока Полковник беседовал со своим «племянником», Хаммердал старался держаться поблизости и слышал почти все. Теперь, когда всадники оставили место сражения далеко позади, он выбрал момент, когда племянник ехал вдалеке от дяди, направил свою кобылу поближе к лошади Дедли-Гана и сказал, старательно понизив голос:

— Если вам это не будет неприятно, я бы хотел с вами поговорить, сэр.

— Мне — неприятно? Не говорите глупостей! В чем дело?

— Вы это все равно сочтете за глупость, сэр. Я хочу вам кое-что сказать о тех двух людях, которые утверждают, что они приехали из Германии.

— Но они действительно оттуда!

— Так это или нет, это все равно, но я думаю, что они не те, за кого они себя выдают.

— Чепуха! Сын моего брата — немец, уж немца-то я вижу сразу!

— Да, но вот племянник ли он?

— Ты в этом сомневаешься?

— Вы хорошо помните своего племянника?

— Узнать его я бы не смог, ибо он был еще мальчиком, когда я его видел в последний раз.

— Мне кажется, что вы вовсе его не видели. Ваше настоящее имя — Тиме. Почему же он не назвал себя так, а скрывается под другим?

— Из осторожности, потому что...

— Знаю, знаю! — прервал его Дик. — Я слышал, какое объяснение он этому дает; но мне оно кажется ненадежным. Как вы думаете, он — капитан?

— Нет.

— Однако его приятель обратился к нему именно так!

— Правда? Что вы говорите!

— Да, он назвал его капитаном; я это слышал вполне отчетливо, причем обоими ушами. И

говорили они по-французски.

— По-французски? — удивленно спросил Полковник. — Вот это действительно странно.

— Странно это или нет, это все равно; но мне это сразу не понравилось. А уж когда я услышал, что речь идет о вашем золоте, тут мне в голову пришли еще кое-какие мысли. Почему этот второй называет себя Петер Вольф — мерзкое имя, от которого можно сломать язык! — а вот Генриху Мертенсу он сказал, что его зовут Марк Летриер?

— Он так себя называл?

— Да. Я шел как раз мимо них и слышал это; я все понял, хотя они говорили на французском. Тогда я не обратил на это внимания, поскольку торопился снять скальп с краснокожего; но потом вспомнил, и теперь мне все это кажется очень подозрительным. Этот Мертенс чисто говорит по-немецки?

— Вообще говоря, с небольшим акцентом; но возможно, я только сейчас начал так думать. Мне трудно судить об этом, ведь прошло столько лет с тех пор, как я покинул Германию.

— Покинули ее вы или не покинули — это все равно, но я вам подчеркну, что мне это дело не нравится. Мы называем вас, как нашего босса, Полковником, хотя у вас нет этого воинского звания. Почему этот Мертенс зовется капитаном? Он что, предводитель какой-то шайки? Кто и откуда эти двое? Вряд ли они честные люди! Берегитесь, Полковник, и помните о том, что я вам сейчас сказал!

— Я не забуду ваших слов, хотя знаю, что вы ошибаетесь. Но буду держать глаза и уши открытыми, это я вам обещаю.

— Well! Хотелось бы ошибиться; но, поскольку вы не знаете своего племянника и речь идет о большой сумме денег, осторожность не помешает.

— У него есть доказательства, что он мой племянник.

— Он что, предъявил вам ваше письмо?

— Да, и утром он даст мне остальные.

— Это ничего не доказывает, так как они могли попасть в его руки незаконным путем.

— Почему же нужно предполагать наихудшее?

— Наихудшее или нет — это все равно; я не верю этим двоим, но, поскольку вы им верите, я буду смотреть за ними еще внимательнее.

Они прервали разговор, ибо Мертенс снова решил присоединиться к Дедли-Гану. Хаммердал отъехал в сторону и скакал теперь бок о бок с Питом Холберсом, рядом с которым он чувствовал себя надежнее всего.

Примерно через два часа после того, как они покинули полотно железной дороги, всадники нашли место, пригодное для лагеря.

Тут имелись трава для коней, вода для людей и животных и изрядно густой кустарник, отлично подходивший для укрытия.

Здесь спешились. Можно было чувствовать себя спокойно, так как, хотя было еще достаточно темно, но уже начинало светать и огаллала вряд ли могли все это время незаметно преследовать белых до их стоянки.

С полудня прошедшего дня у Мертенса не было возможности спокойно поговорить с Вольфом, не будучи услышанным. Теперь, когда все пошли спать, он улегся рядом с ним в некотором отдалении от остальных, на что, как он думал, никто не обратил внимания. Как только они решили, что все спят, Мертенс зашептал в ухо своему компаньону:

— Пока все идет как надо. Дедли-Ган считает, что я его племянник. Только бы нам заполучить золото! Тогда сразу — в Сан-Франциско, где должен сейчас стоять «Оррибль»! Мы вернем себе корабль и сможем спокойно пиратствовать на море. Ха, если бы только Дедли-Ган знал, как мне удалось под видом виконта Де Бретини обчистить его братца ювелира! И как ко

мне в руки попал его племянник в Нью-Йорке, как раз в тот момент, когда Кларион, эта сатана в юбке, исчезла вместе с нашими деньгами.

Мы с ней еще увидимся на узкой дорожке! Ну а старый охотник, кажется, в наших руках. У него мы получим то, что взяла мисс Адмиральша. Я даже думаю, что больше.

— Как пить дать! Сколько золота Дедли-Ган и его приятели добыли в горах Бигхорн, это вы, как любимый «племянник», сами от него слышали. Большая удача, что вы встретились с его настоящим племянником! Правда, вы сделали одну большую ошибку, капитан!

— Какую?

— Вы его тогда не пришли.

— Это была слабость с моей стороны; но он был такой простодушный и доверчивый! Он отвечал абсолютно на все мои вопросы и охотно давал мне разного рода сведения об отношениях у них в семье, которые были мне необходимы, потому что я хотел занять его место. Мне стало жаль его, и я ушел, забрав деньги и бумаги, но оставив ему жизнь.

— На вашем месте я поступил бы таким образом, чтобы он сейчас ни о чем не жалел.

— Ничего, сойдет и так.

— Теперь он наверняка идет по нашим следам!

— Нет. Он новичок в этой стране, ничего тут не знает, и — что самое главное — его карманы пусты, у него нет ни цента. Он беспомощнее ягненка и не может принести нам никакого вреда.

Самое главное, что я в том же возрасте, что и он, и Дедли-Ган меня никогда не видел. Он действительно верит... но слушай! Там кто-то есть — за нами, в кустах!

Они замерли и немного спустя услышали тихий шорох, который стал постепенно от них удаляться.

— Тысяча чертей! Нас подслушивают! — прошептал Мертенс своему компаньону.

— Похоже так, — ответил тот тихо, — но кто?

— Или сам Дедли-Ган, или кто-то другой. Сейчас я узнаю, кто это был.

— Каким образом?

— Я подползу к Дедли-Гану. Если его нет на месте, значит, это был он.

— А если это был кто-то другой?

— Значит, он отправился к Дедли-Гану, рассказать о том, что слышал. В обоих случаях я узнаю то, что хочу знать. Черт возьми! Неужели эти парни нам не доверяют? Лежи тихо и жди, пока я вернусь!

Он распластался по земле и неслышно пополз к тому месту, где должен был находиться Полковник. Тот действительно лежал там, где ему и было положено, но вот с противоположной стороны к нему тихо подошел Дик Хаммердал, нагнулся, разбудил его и сказал:

— Проснитесь, Полковник, но не двигайтесь!

Как ни тихо он говорил, но Мертенс лежал довольно близко и, кроме того, обладал столь острым слухом, что слышал каждое сказанное слово.

— В чем дело? Что случилось? — спросил Дедли-Ган.

— Тише, тише, чтобы те двое, там, ничего не услышали. Я вам сказал, что я буду начеку, сэр. Я заметил, что Генрих Мертенс и Петер Вольф — отвратительно трудное имя для языка джентльмена, который не имеет чести быть немцем! — итак, я заметил, что эти двое легли спать далеко от нас. Меня охватили подозрения, и я пополз к ним. Мне удалось подобраться так близко, что моя голова находилась почти что между ними, и я слышал то, что они шептали.

— Ты понял то, о чем они говорили?

— Понял я или нет — это все равно, но я слышал, что этот Мертенс вовсе не ваш племянник, а капитан пиратов; а другого зовут Марк Летриер. Мертенс встретил вашего

настоящего племянника и дочиста ограбил его, так что...

Дальнейшее Мертенсу было неинтересно; он узнал достаточно и быстро пополз обратно к своему спутнику.

— Нас предали! — сказал он ему. — Возьми ружье и быстро следуй за мной к коням. Но только тихо, тихо!

Они проскользнули между кустами к тому месту, где были привязаны лошади. Отвязав своих, они осторожно повели их вперед, стремясь отойти подальше — туда, где конский топот не был бы слышен. Оказавшись на достаточном удалении и почувствовав себя в связи с этим более уверенно, они сели на лошадей и уже хотели ускакать, как вдруг сзади послышался стук копыт.

Мертенс с такой силой вонзил шпоры в бока своей лошади, что та от боли встала на дыбы; резко осадив ее, он, сопровождаемый Вольфом, пустил лошадь в бешеный галоп. Вскоре стало ясно, что их преследуют два всадника. Они неумолимо приближались. В страшном волнении Мертенс неустанно пришпоривал лошадь, как вдруг всего в нескольких шагах от них будто из-под земли выросла фигура апача. Он поднял руку, в которой было лассо — короткий высокий звук, когда ремень пронзил воздух, ужасный рывок — и лошадь вместе с всадником рухнули на землю.

Позади раздался крик. Старая кобыла Дика Хаммердала сделала свое дело хорошо; Дик, нагнувшись над лежащим на земле Петером Вольфом, вязал ему руки. Дедли-Ган и Пит Холберс, положившись на опыт и сноровку обоих преследователей, не спеша приближались на своих лошадях. Когда они подъехали к месту событий, беглецы уже были связаны.

— Пит Холберс, старый енот, — спросил Хаммердал, — как ты думаешь, сможет ли зеленорогий еще раз ускользнуть? Достаточно ли крепки ремни?

— Полностью с тобой согласен, Дик, если ты считаешь, что они в самый раз. Сними только петлю с его лошади, иначе она задохнется.

— Задохнется она или нет — это все равно, однако, поскольку скотинка нам еще пригодится, надо ее, пожалуй, освободить.

Апач уже снял лассо с лошади Мертенса. Сам он упал с лошади и был связан, прежде чем смог пошевелить хотя бы пальцем, для того чтобы оказать сопротивление. Теперь он стоял как ожидающий приговора преступник.

— Господин виконт и капитан, вы — плохой наездник. Не вздумайте повторить попытку, потому что тогда вместо лассо свое слово скажут ружья! Вашим бегством вы себя выдали с головой. Вам придется узнать, как воздаем мы негодяям по заслугам здесь, на Дальнем Западе! Дик Хаммердал и Пит Холберс, этих людей я поручаю вам. Заберите у них все бумаги и документы, принадлежащие моему племяннику! Этой ночью мы будем сторожить их по очереди. Утром, когда мы отправимся, посадите их в седла и хорошенько смотрите, чтобы они доехали до убежища. Доброй ночи, путь еще далек, а индейцы всегда могут найти способ нам досадить. Нам всем надо спспать!

## ПРЕСЛЕДОВАТЕЛИ

«У матушки Додд в Хобокене» — какая великолепная, какая завлекательная музыка звучит в сочетании этих слов для мореплавателей всех наций, бросавших когда-либо якорь в порту Нью-Йорка! Второй такой матушки Додд не найти в целом свете — особенно там, где гуляют ветры и шумят волны; и тот, кто побывал у нее один лишь раз, везде будет рассказывать о ее необыкновенных качествах, расхваливать ее доброту и мечтать о том дне и часе, когда снова окажется под ее гостеприимным кровом.

Однако, по правде говоря, такой человек должен быть уж по крайней мере бравым боцманом, иначе может случиться так, что она ничего о нем не слыхала, и тогда он окажется на улице очень скоро, не успеет войти в дом. У нее весьма строгие понятия о приличиях, и, охраняя добре имя своего заведения собственными силами, она столь в этом преуспела, что не один упрямый моряк изведал на собственном опыте твердость ее здоровенных кулаков и силу толстых рук. Кого она не хочет терпеть у себя в доме, тому она просто предлагает убраться, и, если он при этом замешкается, она берет его за шиворот и выводит на улицу со скоростью локомотива. Но тот, кто имел счастье завоевать ее доверие, может всегда рассчитывать на ее защиту и помочь в любой передряге; в беде она друзей не бросала. Дом «У матушки Додд» одноэтажный, но длинный и широкий. Обширная прихожая ведет в огромный гостевой зал, прокуренный потолок которого держится на толстых деревянных столбах. Спереди стоят столы «для всех», в глубине места занимают только те, кто обладает расположением хозяйки, а в задней стене есть дверь в комнату, где сиживают одни только капитаны да штурманы, и лишь изредка туда допускается какой-нибудь завсегдатай из числа морских волков, к которому хозяйка заведения в данный момент особенно благоволит.

Таких любимчиков она обслуживает сама, в то время как об остальных гостях заботится ее персонал.

В тот день на якорь встало много парусников и пароходов, вследствие чего в этом приземистом доме наблюдался большой наплыв гостей. Матушка Додд, прислонившись к косяку двери, стояла у стойки, уперев руки в толстые бока, и командовала официантами, как полководец на поле брани, в основном посредством выразительных взглядов и кивков, изредкароняя короткие и резкие слова.

За одним из передних столов сидела компания мужчин, которых знающий человек сразу бы определил как нахалов. Они разговаривали столь громко, что их голоса перекрывали весь остальной шум в зале, причем предмет разговора в те времена, незадолго перед концом гражданской войны<sup>[11]</sup>, мог показаться весьма рискованным.

— Ты прав, Томми, — воскликнул один из них, — негры не люди! Нет, не так. Они наполовину люди, а наполовину животные и понимают только плеть. Раздери черт северян, которые хотят сделать из них джентльменов!

— Джентльменов? Так просто это у них не выйдет! Юг имеет свои права, и он их не отдаст. Будь моя воля, я бы всех этих друзей черномазых просто повесил. Матушка Додд, еще виски, старая ведьма!

В помещении мгновенно стало тихо, каждому, кто знал хозяйку, было приблизительно известно, что должно произойти дальше. Последняя покинула свое место у стойки и через весь зал, не спеша, двинулась к говорившему.

— Билл, открай дверь чуть-чуть пошире! — приказала она работнику, поднимавшему

бочку с пивом. Как только приказание было исполнено, она взяла крикуну за плечи.

— Послушай, мальчик, здесь, на Севере, ты плывешь против течения. Сейчас я тебя отправлю обратно на твой Юг, а по счету можешь не платить — с таких я денег не беру!

Будто подхваченный шквалом, он вылетел через прихожую из зала на улицу. Когда храбрая женщина возвратилась, приятели изгнанного поднялись из-за стола и окружили ее тесным кольцом, угрожающе сжимая кулаки. Но, оттолкнув их, она крикнула, обращаясь к гостям:

— Дети, кто поможет мне сладить с этими парнями?

Все без исключения вскочили со своих мест, и через пару минут помещение было очищено. Матушка Додд хорошо знала тех, к кому она обращалась.

Уже давно она заняла свое привычное место, как вдруг открылась дверь и в зал вошел молодой мужчина. Несмотря на поношенный костюм, вид у него был явно не затрапезный.

Он выглядел очень озабоченным и осунувшимся, как будто был болен или нес в сердце какую-то тяжелую заботу. Решив сесть недалеко от входа, он услышал голос хозяйки:

— Добрый вечер, мастер Тиме! Не хотите ли пройти в кабинет? — Она сама подошла к нему, и он последовал за ней через весь ряд гостей в заднюю комнату, где пока еще никого не было. — Бутылку портера, сэр?

Он хотел взять нечто другое, более дешевое, но было уже поздно, ибо она исчезла и через минуту принесла означенный предмет.

— Сегодня вы выглядите лучше, сэр. Надеюсь, скоро вы сможете отправиться домой!

— Много работы, очень много, матушка Додд; я не хочу возвращаться, пока не смогу вернуть долг!

Он полез в карман; однако она удержала его руку.

— Подумайте немножко головой, мастер Тиме! Вы что, за последние два дня заработали столько денег, что вам их некуда девать?

— Не совсем так, я только хотел...

— Знаю, знаю! Вы мне должны и хотите заплатить; но сейчас брать у вас деньги я не хочу, сейчас нет, потом. Я сама об этом вам напомню. Но не хотите ли вы поехать на Запад?

— Да... но...

— Но?

— Да, матушка Додд, если бы я мог найти там, на Дальнем Западе, своего дядюшку, тогда бы все мои несчастья кончились. Но этого я не могу!

— И почему же вы этого не можете?

— Я не в состоянии оплатить дорогу.

— Сколько вам нужно на все?

— Пятьдесят долларов.

— Мастер Тиме, у вас достаточно сил, чтобы предпринять это путешествие? Потому что главное именно это.

— Да.

— Well, сэр, у вас будут деньги, и сегодня же вечером, от меня!

— Матушка Додд, я вам еще не рассказал о том, что...

— Знаю, знаю, сэр! Мне хорошо известны и вы, и ваше прошлое. Но Бог не оставляет никого, кто трудится; запомните это! Ну, а теперь пейте себе на здоровье, а я пойду посмотрю, как там дела в зале.

Она вышла в большой зал как раз в ту минуту, когда с другой стороны туда вошел человек, увидев которого она вспыхнула от радости.

Это был высокий, широкоплечий мужчина с чрезвычайно развитой мускулатурой. На его аккуратно подстриженной голове сидела широкополая шляпа с чудовищного размера полями,

причем если со спины они спускались чуть ли не до пояса, то вся передняя часть была просто срезана по линии лба. Одет он был в широкую, свободную куртку с короткими рукавами, которые едва достигали локтей и позволяли увидеть сначала манжеты чисто постиранной рубашки, затем загорелые кисти рук и, наконец, две огромные пятерни, которым, скорее, подобало бы принадлежать какому-нибудь чудовищу. На ногах у него были широкие брюки, сшитые из легкой ткани, под которыми видна была пара сапог, сделанных, по всей видимости, из слоновьей кожи.

В старой шляпе, куртке мышного цвета и желтых брюках на широко расставленных ногах, он пошел между столами и стульями как по палубе корабля, которая ходит то вверх, то вниз, подчиняясь волнам.

— Матушка Додд! — воскликнул он, широко раскрыв руки. — Эй, парни, дайте-ка мне пройти! Добрый вечер, матушка Додд, а вот и я! Как дела, *mon bijou?*<sup>[12]</sup> Петер! И вправду, это Петер Польтер, который мне...

— Натурально, Петер Польтер из Лангедорфа, бывший старший боцман на военном корабле ее королевского величества «Нельсон», потом штурман на американском клипере «Своллоу», а сейчас — хэлло, матушка Додд, подойди ко мне поближе и поцелуй меня!

Он взял ее за плечи, притянул к себе и запечатлев на ее губах крепкий и долгий поцелуй, который был воспринят с полной взаимностью.

— Ты не меняешься, подруга! Как всегда, свежа и бодра... Я умираю от жажды! Принеси-ка мне на пару глотков; ну, ты сама знаешь чего. Мне есть что рассказать, но сначала я должен промочить горло.

Он прошел во внутреннюю комнату, и только тут хозяйка обнаружила, что он пришел не один. За ним следовал некий молодой человек, в котором за тысячу шагов можно было узнать джентльмена, и оставалось только удивляться, как этот старый моряк мог оказаться в таком приличном обществе.

Матушка Додд снова оказалась тут как тут. Она принесла требуемое и поставила на стол три стакана.

— Один для меня, — сказала она, — само собой разумеется, я должна выпить за приезд моего самого дорогого гостя.

— Натурально так, дорогая Каравелла! Однако слушай, я должен быть джентльменом и сначала представить тебе мастера Трескова, который является моим чертовски хорошим другом.

Она исполнила свой самый лучший книксен, и Петер продолжал:

— Мы встретились с ним там, у моего брата, который стоял на якоре у некого ювелира Тиме. Но...

— Тиме? Ювелир? Возможно ли это?

— Что возможно? — первый раз вступил в разговор Тресков.

— Ну, сударь, видите вон того молодого человека? — Матушка Додд наклонилась к Трескову и, понизив голос, продолжила: — Он вполне приличный юноша, но вот попал в беду. Его отец имел большое дело в Старом Свете, но был убит и ограблен. Незадолго до того, как с ним это случилось, он послал своего сына через океан; у старика есть брат, который живет тут, на Западе; он зверолов и нашел золото. Поскольку он не знает, что ему с ним делать, то хотел отдать его брату, которого и раньше часто поддерживал. Все это мне рассказал сам Тиме.

— Он нашел своего дядю?

— Нет, еще нет. Он недолго находился здесь, в Америке, когда получил известие о несчастье от двух земляков, бывших здесь проездом из Германии. Он им все доверчиво рассказал, а они в благодарность за это ограбили его дочиста и пропали вместе с его бумагами и последними деньгами. Сейчас он снова здоров и... послушайте, дружище, быть может, вы ему

сами представитесь? Сдается мне, что его родина для вас тоже не чужбина!

Тресков тотчас же поднялся и пошел к столу, за которым сидел молодой Тиме.

— Извините, сударь, — сказал он ему по-немецки, — не могу ли я с вами поговорить?

— Что вам угодно? — спросил Тиме, приподнявшись со своего стула.

— Не более и не менее, чем ваше общество. Не будете ли вы столь добры занять место за нашим столом!

— Каким обстоятельствам я должен быть благодарен за удовольствие получить ваше приглашение?

— Одному делу, которое, возможно, покажется вам весьма близким. Мое имя Тресков, я полицейский и... Однако не хотите ли вы для начала пересесть?

Напрягшись, Тиме последовал приглашению.

— Господин Тиме, вы уже знаете о несчастье, постигшем вашего отца? Вам неизвестны подробности? Что ж, я как полицейский занимаюсь этим делом. Итак, слушайте!

С неописуемым волнением, жадно внимая каждому слову, слушал Тиме рассказ сыщика; первый раз, из достоверного источника, он узнавал подробности обрушившегося на их семью ужасного события. Как раз в то время Петер Польтер гостил у своего брата, работавшего у ювелира Тиме. Узнав, что преступники бежали в Америку, бывалый моряк немедленно присоединился к Трескову. Когда, в конце своего повествования, полицейский дал описание предполагаемых преступников, юный Тиме в сильном волнении вскочил с места и воскликнул:

— Еще раз, сэр, опишите мне их еще раз!

— Охотно, я даже могу показать вам их фотографию, — сказал Тресков.

Он извлек из кармана бумажник и вынул оттуда небольшое фото, которое Тиме нетерпеливо схватил.

— Это он, да, это он! Изображение очень хорошего качества. — Он вытащил носовой платок, чтобы вытереть пот со лба. — Если бы я знал! Матушка Додд, вы его узнаете?

— Да, сэр, это он!

Теперь заволновался детектив:

— Вы его знаете? Он был здесь, у вас?

— Да, он у меня здесь был, сэр! — подтвердила хозяйка.

— Расскажите, мастер Тиме, расскажите!

— Я был в Нью-Йорке уже несколько недель, прослышал про матушку Додд и часто у нее бывал. Я уже хотел отбыть на Запад, чтобы найти дядю, как вдруг познакомился с двумя земляками, которых звали Генрих Мертенс и Петер Вольф. Они только что прибыли из Европы и знали все самые свежие новости с родины. Как только они услышали мое имя, тут же сообщили мне о том, что случилось с моим отцом. Знать бы мне тогда то, что я знаю сейчас! Мертенс был не кто иной, как виконт де Бретиньи, а Петер Вольф — это, вероятно, шевалье де Саккар... Вы мне назвали его имя...

— Марк Летриер.

— Марк Летриер! — воскликнула хозяйка. — Ядовитый Марк, который плавает с капитаном Кайманом, как говорят моряки, которые у меня бывают.

— Гром и молнии, матушка Додд, старая русалка! — вступил в разговор Петер Польтер. — Когда я был старшим боцманом на ее королевского величества военном корабле «Нельсон» и потом на американском клипере «Своллоу», я не имел об этом ни малейшего понятия, однако это именно он.

— Кто? — одновременно спросили Тресков и Тиме.

— Вы когда-нибудь слышали о капитане Каймане? — спросила матушка Додд. — И о его клипере мисс Адмиральше? Марк Летриер, Ядовитый Марк, — доверенное лицо капитана.

Некоторое время тому назад пиратов удалось обнаружить, причем корабль их после тяжелого боя был захвачен. Но эти трое куда-то пропали, и больше о них никто ничего не слышал. Если хотите, я могу пересказать то, что слышала о капитане Каймане от знакомых боцманов.

Все согласно кивнули.

— Ну так слушайте! Он француз, и зовут его Самэн, из чего, путем замены букв, и получилось Кайман, что по-французски значит «крокодил». Капитан Кайман — сперва так звали его люди — стал вскоре известен всюду, и везде это имя внушало ужас. Уже в юности он был хорошим моряком; сейчас ему должно быть немногим более тридцати, и уже давно он промышляет на излюбленных судоходных путях. Он занимался работоговлей, и столь успешно, что вряд ли кто мог с ним в этом деле соперничать; брал негров в Африке и привозил их на наш Юг. Никто из капитанов не мог с ним сравняться, виной чему, кроме прочего, был его прекрасный корабль — «Орибль». Капитан Кайман не боится даже пароходов, пока в его парусах есть ветер. Шкипером у него баба, но это черт в юбке. Она была единственным ребенком одного старого моряка, который имел такую блажь всюду таскать ее с собой. Он наряжал ее мальчиком и брал на борт во все свои рейсы. Так она полностью узнала морскую службу снизу доверху, прошла все ступени, начиная с корабельного юнги до офицера. У нее были не просто способности, но талант к морскому делу, и в результате долгой практики и уроков, преподанных ей отцом, она развила их до такой степени, что могла управлять кораблем при любом ветре и любой погоде. Но это не радовало моряков, плававших вместе с ее отцом. Уже в детстве у нее был нрав дикой кошки, и, чем старше она становилась, тем больше сатанинских черт проявлялось в ее характере. Можете себе представить последствия, когда две подобные личности, такие, как мисс Адмиральша и этот капитан Кайман, начинают орудовать сообща. Они не только охотились на негров и потом продавали их; каждую встреченную ими в море посудину, если у них доставало сил ее захватить, он рассматривали как хороший подарок судьбы. Сколько кораблей было ими разграблено и отправлено на дно вместе со всей командой, этого, наверное, никто и никогда не знает. Интересно, однако, как случилось, что они оказались вместе?

— Ну, это я тебе могу объяснить, матушка Додд, любопытная ты моя! — сказал Петер Польтер. — Когда я был штурманом на «Своллоу», старые матросы рассказывали об этом. Не выбери он плохую дорожку, он мог бы далеко пойти, этот капитан Кайман! Но если мисс Адмиральша в детстве напоминала диковинную кошку, то он был похож на шкодливого и бессовестного лиса. Морское дело было его стихией, и в свои пятнадцать лет он разбирался в нем лучше, чем иные офицеры с военных кораблей. Но в нем сидел сатана, который не допустил того, чтобы он лег на правильный курс. Он делал глупость за глупостью, и все они долго сходили ему с рук, но в конце концов он стал вести себя слишком нагло и, несмотря на то, что на службе был весьма полезен, его с позором прогнали с корабля. Долгое время он не мог нигде задержаться, переходил с корабля на корабль; и все это были посудины с весьма сомнительной репутацией. Тогда-то он и познакомился с мисс Адмиральшой. Ее отец незадолго до того умер и оставил ей кучу денег. Оба быстро поняли, что подходят друг другу, и решили купить корабль, чтобы сообща торговать черным товаром, прихватывая по дороге то, что, как они полагали, само плывет им в руки. Сатана устроил так, что им попался «Орибль», о котором потом пошла весьма дурная слава. Дело двигалось успешно и стало приносить весьма солидный доход. Первое время на «Орибле» было два капитана, так как мисс Адмиральша считала себя равной своему компаньону. Но постепенно он все больше и больше отодвигал ее на второй план; она не могла не видеть, что как мореход он ее превосходит, и была вынуждена довольствоваться второй ролью шкипера. Однако эту, как она ее называла, несправедливость она сполна выменила на подчиненных, по отношению к которым ее поведение было бесчеловечным. На борту

воцарилась «кошка» — ужасная плеть о девяти хвостах, и тот, кто отваживался не исполнить приказ, после жестоких избиений быстро оказывался за бортом. На «Своллоу» нам об этом много раз рассказывал один старый матрос; похоже, он какое-то время плавал на «Орибле», и у меня нет оснований ему не верить.

— И как раз эти трое, капитан Кайман, мисс Адмиральша и Ядовитый Марк, не были тогда пойманы... — задумчиво сказал Тресков. — Эта мисс любит бывать на людях, переодетая мужчиной! Довольно любопытно. Похоже, все совпадает, но пока все это только подозрения. Мистер Тиме, мы вас прервали, вы не могли бы продолжить свой рассказ?

— Охотно. Итак, ни о чем не подозревая, я присоединился к землякам и сообщил им о предполагаемой поездке к моему дядюшке. Я довольно подробно рассказал Мертенсу о себе и о своем отце и...

— Извините! — прервал его полицейский. — А нельзя ли и нам узнать об этом подробнее?

— Да, конечно. Вам даже нужно это знать. Мой отец не всегда был таким состоятельным человеком, как в последние годы перед кончиной. Родители его были бедны и с трудом смогли поддерживать своих двух сыновей, только пока те учились. Следуя своим склонностям, папа стал работать по золоту, а его брата интересовало лесное хозяйство, и он получил место лесничего. Но тут наступили тяжелые времена, так что многие вынуждены были бежать за море в поисках спасения. Дядя также попал в заваруху, потерял место, а потом вообще исчез. Лишь через несколько лет он решился нам написать. Оказалось, что он уехал в Америку и, как отличный стрелок, занялся охотой на пушного зверя. С тех пор он постоянно присыпал заработанные деньги своим родителям, а когда они умерли, то брату, которому эта помощь была очень кстати. Суммы становились все больше и больше, а в письмах мы находили кое-какие подробности его жизни. Он познакомился с Инчу-Чуной, и таким образом...

— Инчу-Чуна? — воскликнул Петер Польтер. — Так это вождь апачей, которого я встретил у Дедли-Гана, когда ездил на Запад — мне хотелось самому посмотреть на прерии, о которых я так много слышал.

— Дедли-Ган? — удивленно спросил Тиме. — Вы его знаете?

— Знаю ли я его! Само собой разумеется! И его, и Дику Хаммердала, и Пита Холберса, и Бена Каннинга, и всех, кто торчит в убежище как корабельный боцман в своей каюте.

— Какое совпадение! Дедли-Ган — так прозвали моего дядю за твердость рук, когда он держит свое ружье.

— Ваш дядя? Молодой человек, дайте мне вашу руку, я должен ее пожать. Матушка Додд, накапай-ка той коричневой водицы, — когда Петер Польтер доволен, он не может не выпить!

— Что вы имели в виду под убежищем, потайным; местом?

— Это такое место, которое подыскали себе эти парни, чтобы краснокожие их не скушали; это, скажу я вам, отличное место; там чувствуешь себя в такой же безопасности, как здесь, под крыльшком матушки Додд.

— И вы знаете, как его найти?

— Да, это нелегкое дело! Описать дорогу туда невозможно, но если ты лег на правильный курс, то можешь рассчитывать встать там на якорь.

— Хорошо, мы поговорим об этом потом. Какое счастье встретить вас тут! Но вернемся к моему рассказу! Этот Инчу-Чуна показал дяде место в горах, где должно быть очень много золота. Наше дело получило мощную поддержку. Незадолго до убийства от дяди пришло письмо, в котором он приглашал меня приехать. Ему очень хотелось увидеть кого-нибудь из родных; сам он, однако, настолько привык к жизни на Западе, что не мог решиться покинуть его. Дальше он писал, что я уже достаточно взрослый, чтобы предпринять такое путешествие, и в случае приезда персонально получу большую сумму денег. Путь к нему лежит через Арканзас

вверх до Форт-Гибсона, и немного далее у некого Винклаи...

— Мастер Винклаи, ирландец? О, этого я тоже знаю! Чертовски медлительный тип, и к тому же у него продается самый плохой жевательный табак, который я когда-либо видел, — заметил штурман. — Да, верно! Там я должен был спросить о Дедли-Гане.

— Мастер Тиме, а почему вы до сих пор сидите здесь, на приколе, и не отчалили по направлению к старому Арканзасу?

— Потому что... Да, здесь мы снова возвращаемся к виконту де Бретиньи. Он спросил меня, знает ли меня дядя лично и если нет, то могу ли я ему доказать, что я его племянник. Я показал ему бумаги, полученные мною в полиции, и дядины письма, которые я вез с собой. Только потом мне пришло в голову, что он постоянно переводил разговор на нашу семью только лишь для того, чтобы как следует все изучить и впоследствии извлечь из услышанного пользу. На следующий день, на прогулке, один из этих мерзавцев ударил меня сзади, после чего они сбили меня с ног и ограбили дочиста: взяли все бумаги, деньги и вообще все предметы, имеющие хоть какую-то ценность. Потом господин виконт и его слуга исчезли. Я очень долго не мог подняться, ибо был тяжело ранен, и мне пришлось долго лечиться, и только сейчас я чувствую в себе достаточно сил, чтобы подумать об осуществлении поездки.

— Вы дали показания в полиции? — вступил в разговор Тресков.

— Конечно, но лишь через несколько дней и без какого-либо результата. Так как при нападении я имел с собой все свои деньги, я остался полностью без средств к существованию, и если бы не матушка Додд...

— Стоп, мистер Тиме! — прервала его хозяйка. — Вы же знаете: то, что вам необходимо, у вас будет. Пусть это вас не волнует!

— Таким образом, очевидно, — подвел итог Тресков, — что мнимый виконт завладел вашими бумагами. Отсюда следует, что он имеет намерение отправиться на Запад и предстать перед вашим дядей под видом племянника. Сказанное и тот факт, что негодяи действовали вдвоем, а не втроем, как это было ранее, наводят на некоторые размышления. Где та чудовищная сумма, которая была изъята у вашего отца при ограблении? Там было целое состояние, и растратить его полностью за такое короткое время немыслимо. Утеряна? Весьма невероятно. Спрятана? Едва ли. И где третий сообщник, будь это шевалье де Саккар или Марк Летриер? Один из этих двоих, видимо, сбежал от остальных; причем, вероятно, он прихватил с собой все деньги. Но как бы там ни было, наш следующий маршрут — вверх по Арканзасу к убежищу, о котором нам рассказал штурман. Я убежден, что двое из преступников находятся там. Мистер Тиме, вы готовы туда поехать?

— Это мое самое большое желание! — ответил тот, радостно вздохнув. — Ничего лучше я и представить себе не мог. Матушка Додд, каков самый короткий путь на Запад? Как вы думаете, что в данном случае лучше — железная дорога или пароход?

— Yes, my dear<sup>[13]</sup>, по железной дороге вы туда попадете быстрей, чем плывя на корабле. Однако сейчас ездить сухим путем в Соединенных Штатах неудобно, поскольку дороги забиты войсками, которые направляются на Юг. По морю вы без помех доберетесь до Нового Орлеана. Сегодня ночью отчалит пароход «Левиафан»; у его капитана есть кое-какие дела на берегу, и он наверняка зайдет сюда, чтобы сказать «прощай» матушке Додд. Он хороший офицер, и его корабль неплохо откапирован. Конечно, военный корабль не предназначен для пассажиров, но мое слово кое-что для него значит; я с ним поговорю.

— Сделайте это, матушка Додд!

— Охотно. Хотя я с большим удовольствием не отпускала бы вас от себя. Надеюсь только, что вы не оставите меня справа или слева по борту, когда возвратитесь. Мне хотелось бы точно знать, куда дальше потянетесь эта нить.

— Silence<sup>[14]</sup>, Матушка Воплощенное Любопытство! — заметил Петер. — Когда мы вернемся, я сстрялю тебе этот канат дюйм за дюймом, потому что знаю...

— Вы, Петер? Вы тоже хотите ехать?

Старый штурман раскрыл рот и уставился на нее.

— Разрази меня гром, а что прикажете делать? Торчать тут и спокойно дожидаться, когда мой дорогой господин полисмен вместе с мастером Тиме будут сожраны койотами или зарезаны индейцами? А кто покажет им путь до мастера Винклай и дальше к убежищу, если этого не сделает штурман Петер Польтер из Лангендорфа? Нет, нет, я еду с ними!

Славную женщину весьма огорчила перспектива так быстро снова его потерять; но делать было нечего — приходилось смириться.

Дальнейший разговор, который мужчины вели уже втроем, касался в основном разных частностей и подробностей подготовки к предстоящему событию. В комнату заходили разные гости; пришел и капитан «Левиафана». Матушка Додд сдержала слово и поговорила с ним. По ее просьбе он изъявил готовность в нарушение правил взять троих пассажиров до Нового Орлеана.

Им тотчас же пришлось собраться в дорогу, так как времени терять было нельзя, и, сердечно простившись с хозяйкой, вместе с капитаном они поднялись на борт парохода.

# 5 БЕН КАННИНГ

Рейс прошел быстро и без происшествий. Новый Орлеан, бывшую столицу Юга, путешественники застали в подавленном состоянии.

В прошлом остались те общий подъем и воодушевление, с которыми южные штаты вступали в гражданскую войну; теперь все здесь мечтали о скорейшем заключении мира.

Тресков и Тиме поменяли свои костюмы на практичную одежду трапперов, в то время как Петер Польтер не смог расстаться со своим одеянием; затем, подобрав себе необходимое оружие, все трое поднялись на борт первого идущего вверх по Миссисипи речного парохода, который должен был доставить их к устью Арканзаса.

В то время после победоносного похода федералистов<sup>[15]</sup> Миссисипи снова была полностью в руках Штатов, так что путешествие вверх по течению прошло без неожиданностей. В устье Арканзаса они пересели на другой пароход, меньших размеров, на котором добрались до Форт-Гибсона, где купили себе трех хороших лошадей и несколько мешков с боеприпасами и съестным. Дальше они много дней двигались вверх вдоль реки на лошадях, пока не наткнулись на тот населенный пункт, где держал свое заведение небезызвестный мастер Винкли.

Тресков и Тиме были сносными наездниками, но с Петером Польтером дело обстояло по-иному: он разместился на своем коне в невообразимой позе, задрав вверх колени, как будто животное было по уши в деръме. Ему попался в высшей степени упрямый дакотский рысак, доставлявший массу хлопот, хотя, к счастью для себя, бравый штурман успел приобрести во время своего предыдущего пребывания в прерии определенные навыки обращения с лошадью, достаточные для того, чтобы не вылететь из седла.

Сейчас он хотел спешиться, но, кажется, забыл спросить согласия у своего коня, и тот встал на дыбы.

— Have care... внимание... attention... тпру ты, мерзкая скотина! — заорал он злобно, отвесив коню оплеуху промеж ушей. — Получай, раз ты считаешь, что Петер Польтер — канатоходец или еще кто-то в этом роде! Будет тут мне махать хвостом, как трехмачтовый бриг звездным флагом, и прядать ушами, будто краба ловит. Попался бы ты мне на корабле между фор- и грот-мачтой, я бы тебе показал, что значит штурман! Grace a dieu...<sup>[16]</sup> вот и каюта, в которой стоит на якоре ирландец Винкли. Прочь с этой клячи, Петер Польтер! А тебя, чертова лошадь, я привяжу вот к этому забору, чтобы поток не унес тебя в море. Слезайте мастер Тресков и господин Тиме, мы в гавани!

Они спешились и привязали лошадей во дворе. Польтер пошел первым, широко расставляя ноги, как будто заработал морскую болезнь от верховой езды. Поднявшись на крыльце, они через открытую настежь дверь осторожно вошли в помещение салуна.

— Good day, старый марсовый! — приветствовал ирландца штурман. — Поставь-ка на стол какую-нибудь жидкость, не то я тебе сейчас чем-нибудь заеду, уж очень пить хочется!

Двое других проявили гораздо меньше охоты разговаривать; они молча сели за один из столов, предоставив своему спутнику одному развивать намечающуюся беседу в нужном направлении.

— Вы еще помните Петера Польтера? — спросил тот.

Хозяин состроил ухмыляющуюся мину и ответил:

— Да, я вас помню. Того, кто может так пить, как вы, забыть не так-то легко.

— Well done... bien! Не ожидал, что вы обо мне так думаете!

А помните, как мы тут с Диком Хаммердалом, Питом Холберсом и еще кое с кем давали прощальный ужин, а потом должны были ждать еще два дня по причине того, что некоторые не могли встать?

— Yes, yes, это был drink, какого еще не бывало, и вряд ли кто еще тут такой устроит. Где вас все это время носило?

— Да так, был и в море, и на Востоке, поглядел, где как люди живут, а теперь вот хочу на недельку-другую махнуть к Дедли-Гану. Он вообще-то цел, а?

— А как же! Такого голыми руками не возьмешь, и те, кто с ним, тоже умеют за себя постоять. Недавно был тут у меня Дик Хаммердал, и с ним Длинный Пит. Они потом ушли и наткнулись на краснокожих, как я думаю. Говорят, огаллала напали на поезд и получили от Дедли-Гана и Виннету хорошую порцию свинца и стали.

— Виннету? Апач тоже здесь?

Ирландец кивнул:

— Да, он даже был тут у меня и так схватил меня за горло, что я чуть Богу душу не отдал.

— Alas, old friend<sup>[17]</sup>, наверное, вы рулили ему поперек курса?

— Да вроде того! Я его не знал и не хотел продавать боезапас, вот и налетел на неприятности. Вы хотите увидеть Бена Каннинга?

— Бен Каннинг? Он здесь, на борту?

— А как же! Правда, решил ненадолго отойти в лес и оставил у меня лошадь привязанной за домом.

— Вот это в самый раз! Куда он направляется, к Полковнику или от него?

— К нему. Был некоторое время внизу, в Миссури, у него там родственники, и теперь хочет обратно в горы.

— Когда он собирается взяться за брамшиль?

— Как вы сказали? Говорите, однако, как нормальные люди. Уж больно чудные у вас речи.

— Вы dullman, дурная башка, про каких в книжках написано, и таким останетесь! Когда он отсюда уезжает, я хотел сказать!

— Этого я не знаю, но не думаю, что он навечно тут останется.

— Его лошадь расседлана?

— Нет.

— Значит, скорее всего, он уже сегодня возьмется за весла, и мы к нему присоединимся!

Хозяин, похоже, питал весьма дружеские чувства к этому странному субъекту, поскольку, будучи весьма скрытным и молчаливым человеком, он, вероятно, уже в течение многих лет не удостаивал никого такой длинной беседы, как та, что только что имела место.

В этот момент Тресков также решился задать вопрос. Он полез в карман и вытащил фотографию.

— Позвольте у вас спросить, не появлялись ли у вас здесь недавно двое мужчин, двое немцев, которые назывались как Генрих Мертенс и Петер Вольф?

— Генрих Мертенс... Петер Вольф? Хм, я готов проглотить весь свой порох и в придачу фитили и спички, если это не те двое гринхорнов, что хотели видеть Дедли-Гана!

— Как они выглядели?

— Зеленые, очень зеленые, больше я ничего не могу сказать.

Один из них — я думаю, Генрих Мертенс — доставил нам удовольствие, когда полез на Дика Хаммердала со своей мухобойкой и быстренько был поставлен на место. Я думаю, Дик его так просто бы не отпустил, не скажи он, что Полковник его дядя.

— Нашли! — радостно сказал Тресков. — Куда эти двое дальше отправились?

— В прерию. Они уехали с Длинным и Диком. Большего я не знаю.

— Посмотрите на эту картинку, мастер! Вы узнаете этого человека?

— Обмажьте меня дегтем и вывалийте в перьях, если это не Генрих Мертенс!

Вдруг он отступил на шаг, будто пораженный какой-то внезапно возникшей мыслью, и спросил изменившимся тоном:

— Вы разыскиваете этого человека, сэр?

— Почему вы так думаете?

— Здесь, на Западе, никто не носит с собой такие портреты, и вообще вы такой гладкий и чистенький, что... что...

— Ну...

— Что я хотел бы дать вам один совет. — Винклаи решил высказаться несколько помягче.

— Какой?

— Кто здесь у меня бывает, меня это не касается до тех пор, пока это не нарушает мои права. Я никого не спрашиваю и никому не отвечаю. С вами я говорю потому, что вы пришли с Петером Польтером, иначе вы бы от меня не услышали ни слова. Никому здесь не показывайте эту картинку и ни у кого никогда ни о ком не спрашивайтесь, до тех пор пока вы не узнаете прерию немножко получше, иначе...

— Дальше! Иначе...

— Иначе вас могут счесть за полисмена или за детектива, а это часто кончается очень плохо. Человек на Западе сам определяет, что законно, а что нет, а кто начинает вмешиваться, тому быстро вправляют мозги ножом!

Тресков хотел уже было ответить, как вдруг открылась дверь и вошел человек, увидев которого Петер Польтер с радостным воплем поднялся со своего места.

— Бен Каннинг, старина, ты ли это? Иди, выпей с нами! Я абсолютно точно знаю, что твоё маленькое горлышко — это на самом деле огромная чертова дыра.

Тот, к кому он обратился, был маленький, сухонький человечек, при взгляде на которого казалось, что в нем едва ли наберется каких-нибудь жалких полфунта живого веса. Он удивленно посмотрел на говорившего, и его лицо собралось в сотню крошечных складок и складочек.

— Бен Каннинг? Старина? Выпить? Большая дыра? Хи-хи-хи, где же это я видел этого парня, уж очень он мне кажется знакомым!

— Где ты меня видел? Здесь, натурально здесь. Напряги свою маленькую головку еще чуть-чуть посильней!

— Здесь? Сразу и не сообразишь. Я тут так часто бывал и со столь многими людьми, что каждого по отдельности не так-то просто вытащить из кучи. Как тебя зовут, а?

— Гром и молния, этот хлипкий юноша сидел тут, у мастера Винклаи, рядом со мной и так напился, что потом два дня не мог пошевельнуть пальцем, а сейчас он меня спрашивает, как меня зовут! И к тому же я был с ним в горах, где мы с Дедли...

— Стоп, стариk! Хи-хи-хи, теперь я тебя узнал! — прервал его Бен. — Зовут тебя Фольтер, или Мольтер, или Тольтер, или...

— Польтер, Петер Польтер, штурман на клипере «Своллоу», принадлежащем Соединенным Штатам Америки, извольте заметить! И еще я с некоторых пор стал немножко траппером...

— Знаю, знаю! Ты был как-то с нами, и напоследок я из-за тебя чуть до смерти не упился. Хи-хи-хи, это ж надо иметь такую луженную глотку, каких я вообще никогда не видел, и уметь пить как... как... как сам старый папаша Миссисипи. Куда ты потом делся и куда собрался теперь?

— Побродил немного по свету и вот хочу снова к вам. Если ты, конечно, не против.

— К нам? Зачем?  
— У этих двух джентльменов есть что сказать Полковнику. Его можно найти на месте?  
— Думаю, что да. Когда вы хотите ехать?  
— Чем скорей, тем лучше. Ты поедешь с нами?  
— Да, если вы не заставите себя ждать слишком долго!  
— Мы тебя не задержим. Поешь и выпей, старый самопал, и мы отправимся!

Они двигались тем же путем, по которому несколькими днями раньше проследовал Дик Хаммердал со своими спутниками, однако никаких следов их передвижения заметить было нельзя.

Петер Польтер, штурман, также ехал тут верхом не первый раз, однако сам он не смог быть точно вспомнить дорогу. Тем более кстати оказался Бен Каннинг в качестве превосходного проводника. Маленький, кажущийся столь хрупким и слабым человечек оказался подвижным, собранным, отлично знающим местность, имеющим солидную выдержку и внушающим полное доверие следопытом.

Они торопились как могли; однако Тиме и Тресков были не слишком хорошими наездниками, что же касается штурмана, то его dakотский рысак доставил ему столько хлопот, что он не переставал злиться всю дорогу. Так продолжалось несколько дней, пока они не достигли полотна железной дороги, как раз в том месте, где ограблала напали на поезд. Было раннее утро, когда Бен Каннинг остановил свою лошадь и внимательно посмотрел вдаль.

— Смотрите, друзья, — сказал он, показав рукой вперед, — гляньте в небо, а потом снова на землю! Там, наверху, летают грифы, а внизу, у рельсов, сидят койоты. Здесь кое-кто получил последний удар или последнюю пулю. Хотелось бы надеяться, что среди них нет белых, а только одни краснокожие, хи-хи-хи. Давайте посмотрим.

Четверо всадников перевели своих коней на рысь и достигли места сражения. Полусъеденные грифами и койотами трупы убитых лежали там же, где их застала смерть. Поезда следовали мимо не останавливаясь — их пассажиров не слишком интересовало то, что происходило за окнами. Бен Каннинг тщательно исследовал каждую мелочь.

— Мда, — сказал он наконец, — тут была страшная резня. Видите вот эти рельсы? Здесь путь восстановлен. Краснокожие хотели напасть на поезд, но белые им помешали. Судя по татуировкам, это ограблала. И эти расколотые черепа — такой удар мог нанести только Полковник, Дедли-Ган. Дик Хаммердал был при этом, и Пит Холберс тоже. Они стояли здесь спина к спине, это я вижу по глубоким следам на земле. Там жгли костры; а вон там, дальше, индейцы привязали своих лошадей — видите дыры в земле? А вот отсюда, смотрите, — отсюда след белых идет дальше. Давайте и мы по нему направимся.

Через два часа они действительно достигли лагерной стоянки белых, которую Бен Каннинг начал внимательно осматривать. Неожиданно он крикнул:

— Идите сюда, здесь двое пытались убежать и их преследовали!

Ведя на поводу лошадь, он пошел по глубоким, хорошо сохранившимся в мягкой почве следам, которые оставили при бегстве Генрих Мертенс и Вольф.

— Итак, это случилось здесь; тут их лошади были опрокинуты при помощи лассо, и, надо сказать, на них сидели двое белых, причем преследовали их не краснокожие, но трое белых и один краснокожий. Хи-хи-хи, эти следочки, кажется, мне знакомы. Пусть первый попавшийся гризли выкусит мне мозги, если это были не Полковник с Диком Хаммердалом и Питом Холберсом, и... и... честное слово, это не кто иной, как Виннету, апач!

Остальным оставалось лишь удивляться остроте восприятия и уверенности, с которыми маленький охотник, основываясь лишь на запутанных и кое-где стертых следах, делал свои умозаключения.

— Те, кого они преследовали, были двое белых? — взволнованно спросил Тресков.

— Двое белых, сэр, это наверняка. Вы видите, вот идут их следы, носками наружу, тогда как краснокожие ходят носками внутрь. Они лежали там, сзади. Я думаю, что утром их связанными погрузили на лошадей, потому что животные дальше пошли попарно. Победители вели кляч на поводу.

Смутные догадки Трескова, похоже, были недалеки от истины, хотя никто из присутствующих не мог пока в точности объяснить этого события. Высказывались различные соображения, пока Бен Каннинг не положил конец разговорам:

— Они взяли направление на убежище, но я готов спорить, что индейцы собрались и начали их преследовать. Друзья, самое лучшее, если мы пойдем дальше по их следу!

Остальные согласно кивнули и резвой рысью последовали за маленьким охотником.

— И в самом деле, — воскликнул он по прошествии получаса, — разве я не прав? Тут сошлись два отряда лучников; один из них появился справа, другой — слева. Они обошли кругом место сражения, чтобы определить, в каком направлении удалились белые, и здесь объединились, чтобы дальше преследовать вместе. Песок долго держит следы, поэтому я подозреваю, что прошло много дней с тех пор, как ежи оставлены. Но у нас хорошие лошади, а они наверняка имеют при себе раненых, из-за которых не могут двигаться слишком быстро, и я думаю, что мы догоним их до того, как они настигнут Дедли-Гана.

И опять — и это длилось не часы, а дни — они двигались все вперед и вперед, придерживаясь обнаруженного следа, который то становился отчетливым, то вновь пропадал между камнями или в мягкой траве. Но Бен Каннинг всякий раз находил потерянный след. Так они достигли местности, где река Арканзас описывает широкую дугу вокруг Гладких Холмов и множество ручьев впадает в нее, стекая с окрестных возвышенностей.

Открытая прерия кончилась; редко встречавшийся кустарник стал более густым, появились высокие деревья, их было все больше и больше — скоро путники должны были вступить в густой лес. С каждой минутой командир маленького отряда становился все осторожнее, так как следы, по которым они шли, имели теперь весьма свежий вид и за каждым деревом мог скрываться кто-то из дикарей.

Вдруг Бен Каннинг остановился и начал внимательно осматривать мягкую, покрытую мхом почву.

— Это следы белых людей; они вышли из леса. Здесь они встретились с дикарями, но драки не было. Видите, тут, в центре, стояли двое предводителей и беседовали друг с другом. Потом по кругу пошла калюме, трубка мира, — это видно по пеплу на земле. По всей видимости, это была шайка белых бандитов, которые объединились с краснокожими, чтобы найти наш лагерь и принять участие в дележе добычи.

— Миллион тонн на корму! — вскипал Петер Польтер. — Когда-нибудь, этими вот руками я им такое устрою, что эти белые станут красными, а красные побелеют от страха! Если меня не обманывает воздух, нам еще не слишком далеко плыть, прежде чем мы сможем встать на якорь около их лагеря. Но зачем нам здесь нужны наши четвероногие средства передвижения? Что касается меня, то своим я сыт по горло, он мне такую бортовую качку устроил, что у меня теперь в голове полная каша и все мои двести тридцать костей оказались в сапогах!

Каннинг улыбнулся, услышав столь трогательную жалобу славного моряка, и ответил:

— Охотно верю, мастер; ты сидишь на лошади так, как будто из тебя должны испечь яичный пирог! Взять с собой животных дальше мы все равно не сможем, они нам будут мешать. Однако я знаю одно место, где мы их спрячем так, что их не найдет ни один индеец. За мной, друзья!

И он повернулся глубже в лес. После долгих и значительных усилий, которых потребовало от

них продвижение через чащу, они достигли маленькой, неприметной полянки, на которой и спрятали лошадей. Сделав это, они вернулись обратно на то место, где оставили следы. Отсюда они пошли дальше по следам, однако с удвоенной осторожностью и вниманием, вытачив ножи и держа ружья готовыми к выстрелу. Неожиданно Каннинг резко остановился и прислушался.

— Слушайте, парни! Не похоже ли это на ржание лошади?

Остальные также остановились и стали вслушиваться в тишину дремучего леса. Немного в стороне послышалось слабое ржание.

— Либо у них там лагерь, либо они бросили лошадей, чтобы быстрее двигаться вперед. Чертова скотина почует нас и выдаст. Мы должны зайти с подветренной стороны!

Он лег на землю и пополз, делая широкую дугу вокруг того места, откуда послышалось ржание. Спутники последовали его примеру. По прошествии некоторого времени он дал знак избегать любого шума и сквозь щель между кустами показал на открытое место, которое за этими кустами начиналось. Там паслось около тридцати лошадей, охраняемых двумя индейцами.

— Видите этих краснокожих негодяев, друзья? У меня есть большое желание дать им попробовать моего ножа и разогнать лошадей на все четыре стороны, хи-хи-хи. К сожалению, так не пойдет. Нам нельзя выдавать свое присутствие. Вперед! Мы должны как можно скорей до них добраться, но не по следу, а с другой стороны!

Ловко и бесшумно, как змея, маленький человек пополз сквозь лесные дебри. Путь был страшно труден. Текли часы, начинался вечер; под высокими кронами деревьев темнеет раньше, чем в прерии, поэтому придерживаться избранного направления становилось все труднее. Но вот Бен Каннинг поднял голову и широко раскрытыми ноздрями втянул в себя воздух.

— Пахнет огнем и дымом. Они устроились на ночлег. Вперед, но тихо, тихо, — мы сейчас совсем недалеко от них.

Подлесок кончился, и мощные стволы деревьев стояли теперь свободно, как колонны огромного, увенчанного гигантской зеленою кровлей собора. Четверо мужчин ползли теперь от одного дерева к другому и прятались потом за каждым стволом столь долго, пока не убеждались, что они остались незамеченными и что ближайшее окружение не таит в себе никакой опасности.

Так они достигли оврага, — длинные, узкие и довольно глубокие, они часто встречаются в дремучих лесах Запада. Каннинг осторожно приподнял голову и заглянул вниз. Прямо под ними, на глубине около пятнадцати метров, горел костер. Вокруг него сидели около тридцати мужчин, среди которых были и белые, и дики, в то время как немного в стороне от них и под неусыпным их наблюдением лежали трое со связанными руками и ногами.

— Наконец-то мы до них добрались! — сказал маленький траппер. — И ведь они не имеют ни малейшего понятия о том, что нам отсюда их так замечательно видно, хи-хи-хи! Но кто там эти трое? Продвинемся немножко дальше, мальчики, вон к тем папоротникам, оттуда можно будет увидеть их лица!

Густые заросли папоротника, которые находились у самого края оврага, дали им возможность оставаться совершенно незамеченными.

— Боже, — прошептал Каннинг, осторожно заглянув вниз еще раз, — они захватили Полковника с Питом Холберсом и Диком Хаммердалом!

— Полковник? — спросил штурман, просовывая голову между широкими листьями. — Heavens... vraiment... [\[18\]](#) Можно я прыгну вниз и своими собственными руками выловлю их оттуда, Бен?

— Подожди немного, старина; давай для начала посмотрим, что тут, собственно, должно произойти. Разве ты не видишь, что эти мерзавцы собрались только для того, чтобы решить

судьбу пленников? Вон тот чернобородый охотник у них сейчас за председателя собрания; огаллала это терпят — их-то вождь, похоже, лег там, у железной дороги. Смотри-ка, все готово и их предводитель встает!

Все было так, как он сказал. Один из белых охотников, который по всем признакам был предводителем, встал и подошел к пленникам. Он ослабил веревки, которыми были связаны их ноги, и кивнул им, чтобы они встали. Потом тоном приказа сказал им:

— Встаньте и слушайте, что вас ждет!

Тroe мужчин повиновались приказу.

— Вы Дедли-Ган, предводитель охотников, которые имеют тайный лагерь в лесу?

Тот, кого спрашивали, согласно кивнул.

— Это вы убили Матто-Си, вождя этих храбрых краснокожих?

Ответом был такой же кивок.

— Говорят, что у вас есть много золота в горах, которое спрятано в потайном месте. Это правда?

— Очень много!

— Еще говорят, что там у вас лежит много тысяч бобровых шкур. Это так?

— Well, мастер, вы весьма хорошо информированы.

— Ну, так слушайте, что я вам скажу: эти красные люди хотят чтобы вы умерли. Это я им обещал, но они недостаточно хорошо понимают английский и не смогут понять то, что я скажу дальше; я хочу вам кое-что предложить.

— Говорите!

— Вы провожаете нас к своему убежищу, отдаете золото и шкуры, и мы вас отпускаем!

— Это все, что вы от нас хотите?

— Все. Решайте быстрей!

— Похоже, вы чертовски мало слышали о Дедли-Гане, мастер, если способны сделать мне такое благородное предложение. Вы связались с этими краснокожими подонками, которых превзошли в мерзости, только для того, чтобы взять мое золото, — белый с краснокожими против белого; будьте вы прокляты на вечные времена за свою подлость! Однако почему вы считаете, что я так глуп, что поверю, будто вы нас отпустите, когда получите то, что хотите?

— Я сдержу свое слово, и вам не будет причинено никакого вреда!

— Дурачьте гринхорнов, а меня так просто не проведешь! Да будет вам известно, что я употреблю свою свободу только на то, чтобы заполучить вас на мушку моего ружья и вернуть награбленное. Пристрелите нас лучше сразу, если у вас хватит на это храбости!

Вероятно, Дедли-Ган неспроста дал столь дерзкий ответ. Разговаривая, он поднял глаза немного вверх, изучающе скользнул быстрым и острым взглядом по краю оврага и быстро их опустил. По его губам пробежала еле заметная усмешка.

Этот взгляд не остался незамеченным. Опытный сыщик Тресков перехватил его и, поглядев на то место, куда только что смотрел Полковник, непроизвольно вздрогнул.

— Поглядите туда, — прошептал он Бену Каннингу, который лежал рядом с ним, — я вижу голову дикаря.

Тот, к кому он обращался, повернулся голову и, взглянувшись, прошептал:

— Клянусь Богом, это Виннету, апач! Я же знал, что он должен быть с Полковником! Он не был схвачен и теперь следует за ними, чтобы попытаться их освободить. Я должен подать ему наш знак!

Он приложил к губам опавший лист и издал звук, неотличимый от стрекота цикады. Враги не могли обратить внимания на этот стрекот, ибо в лесу он раздавался довольно часто. Виннету, однако, мгновенно обернулся в их сторону, после чего исчез.

Трое связанных охотников внизу также насторожились, но никто из них ни одним движением не выдал своих чувств.

— Пристрелить? — Чернобородый пожал плечами. — Что это вы о себе вообразили? Я отдаю вас индейцам, а они привяжут вас к столбу. Ваши золото и шкуры мы получим так или иначе. Только вам придется очень плохо, если мы не нападем на след ваших людей. Так что не делайте глупостей, мастер, и скажите «да».

— Нет! Я не хочу принимать подарки, в том числе и такие дорогие, как жизнь, от человека, который нападает сзади на своих братьев; который продался врагам; от человека, который выдавал себя за моего племянника, а потом нанес удар в спину. Вы подонок, мастер, запомните это!

— Придержите язык, иначе я его отрежу до того, как отдаю вас краснокожим.

— Докажите, что вы лучше, чем я о вас думаю! Верните нам оружие и давайте драться трое против тридцати, если у вас хватит мужества!

— В этом нет необходимости, мастер, мы вытряхнем из вас душу и без всякой драки. А что касается «подонка», то я вам это запомню. Вы принимаете мое предложение или нет?

— Нет!

— А вы двое?

— Хм, — презрительно блеснул маленькими глазками Дик Хаммердал, — принимаем мы его или нет, это все равно; вам это не принесет ничего хорошего, можете мне поверить. Эх, были бы у меня свободны руки, а в них ружье — вас бы тут же черти унесли! Или ты так не считаешь, Пит Холберс, старый енот?

— Если ты думаешь, Дик, что он непременно должен быть унесен чертями, — ответил Длинный, — то я не имею ровно ничего против.

— Ну что ж, — сказал чернобородый, злобно сверкая глазами, — пусть тогда краснокожие посадят вас на кол и поджарят; это как раз то, чего вы хотите!

Он отошел от них и сел рядом с индейцами, чтобы передать им результаты переговоров.

— Тот, кто сейчас говорил, — это Полковник? — спросил Тиме у Бена Каннинга.

— Да, сэр, ваш дядя, если правда то, что вы мне рассказывали.

— Поверьте, это он! Он так похож на отца, что тут не может быть сомнений. И вот, когда я его наконец встретил, я его теряю! Ему можно помочь, Бен?

— Послушайте, сэр, если вы полагаете, что я брошу моего Полковника в беде, то вы во мне очень сильно ошибаетесь. Могу ли я и на вас рассчитывать, друзья?

Все только кивнули, однако Петер Польтер решил высказаться:

— Я останусь лежать здесь, и пусть меня сожрут койоты, как старую падаль, если я не возьму за горло вот этими десятью пальцами и не сотру в порошок того парня, который только что там, внизу, разговаривал с Полковником! Однако выньте-ка, пожалуйста, из своего мешка ту фотографию, господин сыщик! Здесь достаточно света от их костра. Я готов прямо сейчас пойти ко дну, если у этого негодяя не то же самое лицо, что у вас на картинке!

— Мне не нужна никакая фотография, Петер, это он, я его сразу узнал, — ответил Тресков. — Посмотрите внимательно на этих типов, господин Тиме, не считаете ли вы, что это Генрих Мертенс и Петер Вольф?

— Это они! В этом нет сомнения; но неужели теперь, когда мы так недалеко от цели, они от нас уйдут?!

— Не торопитесь, сэр, — ответил Каннинг, — Полковник слышал мой знак и знает, что помочь близко. Если бы только у него руки были свободны, вы бы увидели, что именно этим негодяям больше всего не нравится!

Вдруг сзади что-то еле слышно зашуршало; к Бену тихо подполз апач.

— Виннету слышал стрекот и узнал лицо Бена, друга его белого брата. Он поползет в овраг и срежет веревки. Тогда мои белые братья смогут броситься вниз и обрушиться на охотников и оглала. Потом они последуют за Дедли-Ганом к его вигваму.

Он исчез так же быстро, как и появился. Оставшиеся мужчины внимательно следили за вражеским лагерем и были готовы в любой момент напасть сами.

Но вот Мертенс поднялся, и вместе с ним поднялись все белые и дикари. И вдруг, прежде чем он успел сказать хоть одно слово, между высокой травой и кустарником, которыми поросли склоны оврага, промелькнула темная фигура и, прежде чем кто-либо успел среагировать на ее неожиданное появление, оказалась около пленников. Это был Виннету.

Три взмаха ножом — и их руки свободны; тут сверху грохнули четыре выстрела... потом еще четыре. У Дедли-Гана не было времени разглядывать, что было дальше; он вырвал у стоявшего к нему ближе всех дикаря томагавк и бросился в самую гущу ошеломленных врагов.

— Come on<sup>[19]</sup>, бей их! — кричал он, в то время как Виннету рубился бок о бок с ним.

— Пит Холберс, старый енот, видишь вон того парня, у которого моя пушка? — торжествующе воскликнул Дик Хаммердал, — Пойдем, я хочу получить ее обратно!

Два неразлучных друга ринулись в бой, и через несколько минут Дик снова держал в руках свое ружье. Петер Польтер, штурман, носился среди перепуганных врагов как метеор. Он хотел сдержать слово. Одной из своих медвежьих лап он схватил предводителя дикарей за бедро, другой — за шею и, подняв его высоко в воздух, бросил на землю так, что тот сразу умер.

— Готов! Вперед, парни! Бей, руби, коли, режь, кидай их за борт, громи их к чертовой матери! Ура!.. Ура!

Вначале врагов было раза в три больше, однако, ошеломленные внезапностью нападения, они потеряли почти половину людей, прежде чем начали по-настоящему защищаться. Как и в ночном бою у железной дороги, томагавк Дедли-Гана беспощадно разил противника; не меньшее число жертв падало от руки Виннету; и спина к спине в самой гуще врагов стояли «крутящиеся тосты» — Дик Хаммердал и Пит Холберс. Штурман метался по оврагу как разъяренный демон; мальш Бен Каннинг, спрятавшись в кустах наверху, ловил на мушку беглецов.

Тресков и Тиме с самого начала сражения сосредоточили свое внимание на Мертенсе и Вольфе. Тресков снял с пояса запасной ремень и сделал из него петлю.

— Сделайте то же самое, — сказал он Тиме, — мы ошеломим их выстрелами. Я беру на себя виконта, а вы — слугу. Прежде чем они смогут подумать об обороне, они уже должны лежать на земле и с петлей на шее!

Указание полицейского было выполнено. После немногих минут борьбы нападавшие одержали победу. Сбитый с ног штурманом Мертенс, равно как и Вольф, лежали на земле связанными; почти все враги были убиты, и лишь одному белому и некоторым индейцам удалось спастись бегством.

Дедли-Ган был не тот человек, который стал бы тратить время на долгие благодарности и расспросы по поводу своего спасения, вместо того чтобы как можно быстрее воспользоваться плодами победы.

— Вперед, парни, к лошадям! — крикнул он. — Иначе мы их упустим! Индейцы выставили охрану у мустангов, ее надо застать врасплох! Однако там нужны не все, кое-кому следует остаться здесь.

И он с большей частью людей быстро покинул овраг. Тресков, Тиме и штурман, оставшись сторожить связанных, сели отдохнуть. Положение никоим образом нельзя было назвать безопасным, поскольку бежавшие краснокожие в любой момент могли вернуться и с достаточного удаления начать обстрел. Однако ничего такого не произошло. Внимательно

вслушивались они в ночь; ничего подозрительного слышно не было, и первые звуки, нарушившие тишину, наступившую после боя, были явно мирными: зашуршали кусты, затрециали сучья и ветки, — ушедшая группа возвращалась, держа на поводу своих и захваченных у уничтоженной охраны коней. Бен Каннинг не забыл о своем мустанге и о лошадях своих спутников и теперь привел их к оврагу.

— Пит Холберс, старый енот, ты видишь, что моя старая кобыла снова со мной? — спросил счастливый Дик Хаммердал.

— Если ты считаешь, что я ее вижу, то я не имею ничего против; но by God<sup>[20]</sup>, не хватило очень немного, чтобы от вас обоих осталось мокое место.

— Мокое или не мокое, это все равно, но я очень хотел бы знать, кто эти ребята, что пришли с малышом Каннингом. Да это же чертов штурман, у которого такие большие клешни и который здоров пить, как никто другой!

— Да, это я, старый бочонок! Все еще помнишь меня, да? Прибыл сюда снова с мастером Тресковом и мастером Тиме, потому что...

— Мастер Тиме? — быстро спросил Дедли-Ган. — Эх, Петер Польтер! В самом деле, это опять ты! Что ты забыл в прерии и что это за мастер Тиме, которого ты привез?

— Вот этот человек, Полковник, он приехал с господином Тресковом, чтобы найти своего дядю.

— Этот?..

Он отступил на шаг назад и посмотрел на племянника долгим испытующим взглядом, потом протянул к нему руки и воскликнул:

— Нет, это не обман, нет, я узнаю эти черты! Генрих, родной мой, здравствуй, тысячу раз здравствуй!

Оба долго держали друг друга в объятиях, остальные молча стояли в стороне, пока к бесстрашному Полковнику не вернулось ощущение реальности, а вместе с ним и чувство опасности, грозившей его дорогому родственнику и всем остальным.

Он выпустил его из объятий и сказал:

— Здесь не место для вопросов и ответов. Быстрее, нам нужно в убежище, оно совсем недалеко отсюда! Там мы сможем перевязать раны и в безопасности отпраздновать свое прибытие и свое спасение.

Захваченных лошадей распределили так, что ни одна из них не была оставлена, и, взяв их под уздцы, все тронулись в путь. В темноте они двигались между далеко отстоящими друг от друга огромными стволами деревьев, увенчанными на большой высоте пышной зеленою кроной. Потом небольшой караван долго петлял в невообразимом лабиринте скал, где даже днем человек, знающий дорогу, с трудом смог бы найти верный путь. Дальше Дедли-Ган повел их вдоль русла небольшого ручья, и наконец они оказались у входа в пещеру, которая и служила местом постоянного лагеря сообщества трапперов и золотоискателей, главным лицом в котором был Дедли-Ган. В темноте ночи горели костры, вокруг них сидело множество белых мужчин — это были его люди.

## ЗАГОВОР

Существуют заразные болезни, сведений о возбудителях которых нет ни в одном медицинском справочнике мира; однако они ведут себя так же агрессивно и распространяются столь же быстро, как и известные недуги, пугающим образом переходящие от одного человека к другому и способные за короткое время в десять и более раз уменьшить население городов, а то и целых стран.

Происхождение этих заболеваний не связано со свойствами человеческого тела; их истоки следует искать в политических, религиозных и иных общественных институтах. Они подчиняют себе воображение целых наций, способны превратить в кипящую страсть саму невозмутимость и возбуждают в обществе весьма опасное брожение умов, нейтрализовать которое можно лишь посредством весьма продолжительных и осторожных мер.

Все эпохи и земли подпадали под необоримую власть этих лихорадочных состояний; почти всегда причиной внезапно возникшего как у отдельного человека, так и у всего общества нервного импульса являлась мысль о материальной прибыли; эта мысль приводила в движение весьма грубые силы и побуждала к сильнейшему напряжению воли и немедленным действиям. Вспомним о Калифорнии! Первоначальное число жителей, поселившихся на этой земле, было невелико. Но вдруг какой-то счастливчик делает случайное открытие, что в ее недрах скрыты не поддающиеся исчислению золотые россыпи.

Весть об этом в мгновение ока облетела земной шар, и через короткое время местность кишила искателями приключений со всех континентов, прибывшими сюда, чтобы отомкнуть хранилище, в котором природа в течение миллионов лет хранила нетронутыми сказочные сокровища. Палаточные лагеря и барабанные городки возникали как по мановению волшебной палочки, бесчисленные поселки росли из земли как грибы после дождя, и, если место было выбрано удачно, они с беспримерной быстротой превращались в города со стотысячным населением. Одним из таких городов является Сан-Франциско, названный по имени святого, повелителя приносящей золото земли и Тихого океана. Тот, кто в наши дни стоит на набережной в гавани этого города и смотрит на бурлящую перед ним в неостановимом движении толпу, кто видит широкие и протяженные проспекты, необъятные площади, великолепные дворцы, здания и магазины, за стеклами витрин которых выставлено все, что может быть сделано из золота, что имеет хоть какое-то отношение к нему, и все, что можно купить за золото, — такой человек лишь с трудом может представить себе маленько бедное поселение, бывшее когда-то на месте мировой столицы мерцающего металла.

И подобно тому, как поднимаются и опускаются волны в гавани, как сталкиваются друг с другом и вновь навсегда расходятся люди в пестрой толпе на улицах, площадях и в общественных зданиях, так появляется и исчезает обманчивое счастье, так неверная судьба как мячиком играет человеком, казалось бы навсегда вознося его наверх, но в следующий миг обрушивая вниз, на дно, где борются за существование отбросы общества. Миллионер, еще вчера окруженный восхищением и завистью, сегодня снова, с лопатой, киркой и ружьем, тщится вернуть себе утраченное богатство. Такие люди имеют, как правило, весьма сомнительное происхождение, и многие блестящие светские кавалеры снова оказывались, когда игра была окончена, ничтожными, бессовестными искателями приключений, чье благополучие всецело зависело от того, какие числа выпадут на игральных kostях судьбы...

Из Акапулько курсом на Сан-Франциско шло парусное судно. Это был прекрасный трехмачтовый корабль, под бушпритом и на корме которого горели золотом буквы — «Оррибль». По форме одежды команды можно было судить о его принадлежности к военному флоту Соединенных Штатов, хотя некоторые особенности корпуса и рангоута позволяли сделать заключение, что первоначально оно для этой цели не предназначалось. В данный момент командир корабля стоял на квартердеке<sup>[21]</sup> и смотрел вверх на ванты, где повис один из его людей, через подзорную трубу внимательно наблюдавший за горизонтом.

— Ну, Джеймс, ты его видишь? — спросил он.

— Да, капитан, вот он, как раз на линии горизонта, — ответил тот, к кому он обращался, указывая рукой в подветренную сторону. Он назвал командира корабля капитаном, хотя на нем были погоны лейтенанта флота. Такая ошибка в чине вряд ли кого-нибудь обидит, особенно если тот, кого она касается, явно заслуживает более высокого положения.

— Каким курсом он следует?

— Хочет сесть нам на волну, мастер. Я думаю, он идет из Гуаякиля или из Лимы, а может, даже из Вальпараисо, так как он сильнее берет от запада, чем мы.

— Что за корабль, Джеймс?

— Пока не могу сказать, сэр; нужно, чтобы он подошел поближе.

— Он это сделает?

— Наверняка, капитан!

— Не хочется в это верить, — последовал ответ. — Любопытно посмотреть на корабль, способный обойти «Оррибль»!

— Мда, — хмыкнул моряк, спустившись с вант и передавая трубу лейтенанту, — я знаю лишь один корабль, которому это под силу.

— Который?

— «Своллоу», сэр.

— Этот да, но никто другой! Однако как «Своллоу» может оказаться в этих водах?

— Не знаю, капитан. Но это судно — там, за кормой, — не какая-то бостонская сельдяная бочка, а небольшой быстроходный клипер<sup>[22]</sup>. Будь оно покрупнее, его было бы лучше видно на таком удалении. А «Своллоу» — это клипер.

— Well, посмотрим! — решил лейтенант и, отпустив моряка, отправился с трубой на мостик.

— Парус? — спросил штурман.

— Да, в кильватере.

— Может быть, взять рифы?<sup>[23]</sup>

— Нет необходимости, — ответил командир, глядя в трубу. — У него отличный ход; он достанет нас и без рифов.

— Ба, сэр, это мы еще увидим! — В ответе заметен был легкий оттенок уязвленной гордости.

— Он буквально пожирает пространство. Видите, штурман, еще три минуты назад его можно было наблюдать только с марса, а теперь я вижу его, стоя на палубе.

— Может, немного отвернуть от ветра?

— Нет, я хочу посмотреть, сколько ему надо, чтобы догнать нас на параллельном курсе. Если это американец — что ж, буду только рад; если же нет, то лучше бы им утонуть ко всем чертям, чем плавать на таком корабле!

Прошло немного времени, и вот невооруженным глазом стали видны верхушки мачт, а затем и сам корпус чужого корабля.

— Это клипер с такелажем шхуны<sup>[24]</sup>, — высказал свое мнение штурман.

— Трехмачтовая шхуна с марселями, точь-в-точь как наш «Орибль».

— Yes. Тысяча чертей, прекрасный корабль. Смотрите, как он прет под всеми парусами.

Тот, кто им командует, похоже, не боится поймать немножко больше ветра, чем нужно. Сейчас он даже поставил брамсели<sup>[25]</sup>, так что шхуна подняла корму кверху и почти танцует на носу.

— Да, это смелый человек, сэр. Однако если налетит встречный шквал, то клипер опрокинется, и это так же верно, как то, что я штурман и зовут меня Перкинс! Парень явно переоценивает свои силы!

— Нет. Разве вы не видите, что фалы<sup>[26]</sup> и шкоты<sup>[27]</sup> лишь слегка закреплены? При шквальном ветре он их просто отпустит, и все. Он поднимает флаг. В самом деле американец! Видите звезды и полосы? Корабль буквально летит над водой и через пять минут будет рядом с нами. Летит над водой... Да, это подходящее выражение для такого хода. By God, у парня шесть орудийных люков с каждой стороны и по одной вращающейся пушке на носу и около руля. Картина ясна, штурман?

— Пока еще не совсем. Однако, если не ошибаюсь, это «Своллоу». В Хобокене мне довелось побывать на нем, и я внимательно осмотрел его оснастку, все тали и шкоты, каждый кусок каната и такелаж.

— Кто им тогда командовал?

— Не припомню имени, сэр; это был старый и, я бы сказал, порядком одряхлевший морской волк с лиловым носом, — видать, частенько прикладывался к бутылке. А вот штурмана я хорошо запомнил; его зовут Петер Польтер, он родом из Германии и отлично знает свое дело, на него вполне можно положиться... Вы хорошо видите корабль?

— Да. Это «Своллоу». Идет на два румба<sup>[28]</sup> краче к ветру; очевидно, хочет с нами поговорить.

Он вернулся на квартердек и скомандовал:

— Эй, ребята, все к брасам!<sup>[29]</sup>

Матросы полезли на ванты.

— Поднять флаг!

Звездно-полосатый стяг Соединенных Штатов пополз вверх.

— Обстенить реи!

Приказы выполнялись быстро и точно.

— Комендор!

Один из комендоров застыл у орудия.

— Убрать паруса! Огонь!

Паруса упали, и тут же над морем раскатился грохот пушечного выстрела.

— Внимание на руле: увалиться под ветер!<sup>[30]</sup>

Рулевой мгновенно выполнил команду, и с минимальным количеством поставленных парусов «Орибль» развернулся и лег в дрейф, ожидая «Своллоу». На борту последнего также прогремел пушечный выстрел. С почти сказочной быстротой клипер пронесся мимо. На его корме распостерла свои вырезанные из дерева тонкие золоченые крылья синяя ласточка. Расположенного под бушпритом названия судна сейчас не было видно. Свежий ветер наполнял всю громаду парусов. Наклонив корпус так, что ноки реев<sup>[31]</sup> едва не касались воды, корабль развернулся, проделав маневр с точностью и изяществом, подобно той прекрасной птице, имя которой он носил<sup>[32]</sup>. Теперь, когда его кливер<sup>[33]</sup>, казалось, имел почти такой же размер, как звездно-полосатый вымпел «Орибля», с его борта прозвучал голос стоявшего на шканцах<sup>[34]</sup> командира:

— Паруса долой!

Паруса мгновенно упали, корабль задрал нос кверху, выпрямил корпус, немного качнулся в другую сторону и гордо застыл на поверхности моря, слегка раскачиваемый волнами.

— Эй, что за корабль? — крикнул, сложив ладони рупором, командир «Оррибля»; он отлично знал название судна, которое находилось сейчас перед ним, однако требовалось соблюсти некоторые формальности.

— «Своллоу», лейтенант Уолпол из Нью-Йорка, следуем в Нью-Орлеан вокруг мыса Горн. А вы?

— «Оррибль», лейтенант Дженнер из Бостона, назначены крейсировать в этих водах, сэр!

— Весьма рад, сэр! Мне приказано кое-что передать вам лично в руки. Должен ли я спустить шлюпку или вы разрешите причалить борт в борт?

— Попробуйте, если у вас это получится, лейтенант!

— Ба, «Своллоу» может и кое-что посложнее!

Он отошел назад и кивнул своим. «Своллоу» слегка развернулся, описал короткую дугу и подошел столь близко к другому судну, что его матросы при желании могли цепляться за ванты «Оррибля»: маневр, который при таком ветре и с такой уверенностью и точностью мог отважиться выполнить только очень смелый и опытный моряк. В момент, когда корабли одновременно поднялись вверх на гребне соседних волн, Марк Уолпол легко прыгнул на палубу «Оррибля» и оказался рядом с лейтенантом Дженнером.

— У меня есть приказ передать вам эту запечатанную депешу, сэр! — сказал он, обмениваясь дружеским рукопожатием.

— Отлично! Быть может, пройдем в каюту? Я полагаю, стоит выпить, попав на «Оррибль»!

— Сожалею, но у меня мало времени, лейтенант. Прикажите принести сюда.

Дженнер отдал соответствующее распоряжение, после чего распечатал конверт.

— Вам известно, о чем здесь речь?

— Нет, но могу догадываться.

— Мне предписано следовать в Сан-Франциско, куда я, собственно говоря, уже держу курс. Об этом я должен поставить вас в известность.

— Well. В таком случае прошу передать эти пакеты находящимся там капитанам. Вы знаете, что Юг проиграл?

— Слышал об этом, но сам я здесь недавно. Однако полагаю, нам еще работы хватит, не так ли?

— Да, я тоже так думаю; Юг еще силен, у него в руках остались укрепленные гавани и огромные материальные средства. Нам придется драться, серьезно драться, и я думаю, свалить их будет нелегко. Хотел бы встретить врага вместе с вами, сэр, борт о борт!

— Буду рад, мастер, сердечно рад атаковать противника в паре с таким кораблем, как «Своллоу». Куда идете?

— Также в Сан-Франциско, где я получу дальнейшие приказания. Перед этим, однако, я должен некоторое время крейсировать на японских судоходных путях. Farewell<sup>[35]</sup>, «Оррибль»!

— Farewell, «Своллоу»!

Оба команда опустошили бокалы, после чего Уолпол прыгнул обратно на палубу своего корабля. «Своллоу» отвалил от «Оррибля», его паруса снова взмыли на мачты и наполнились ветром, и при оглушительном прощальном приветствии обоих экипажей суда разошлись. Столь же быстро, как и появился на юго-западе, «Своллоу» снова исчез в жарком мареве в западной части горизонта.

Казалось, будто привидение в образе прекрасного парусника поднялось из морских глубин, чтобы приветствовать одинокий корабль, и потом вновь исчезло в своих бесконечных,

исполненных тайн владениях. На «Оррибле» также поставили все паруса, чтобы с еще большей быстротой продолжить прерванный путь. Одиночное плавание длилось еще несколько дней; потом начали встречаться другие суда, шедшие навстречу или стремившиеся к той же цели; их становилось все больше, и наконец «Оррибл» встал на якорь на рейде «города желтого дьявола». Здесь Дженнер, предоставив своему штурману улаживать с чиновниками гавани необходимые полицейские и таможенные формальности, незамедлительно отправился на борт стоявшего рядом броненосца, капитану которого предназначалась одна из полученных им депеш. Другие суда из имевшегося у него списка, не считая тех, которые не успели прибыть в порт или ушли в море на короткое время, нужно было сначала найти на рейде. Капитан принял пакет и повел Дженнера вниз, в каюту, где они разговорились.

— Вам придется провести здесь некоторое время, — сказал в конце разговора командир бронированного гиганта. — У вас есть знакомые в городе?

— К сожалению, нет. В плане общества мне рекомендовали только несколько ресторанов и гостиниц.

— Тогда, если позволите, я мог бы дать вам возможность воспользоваться моими связями.

— Был бы весьма вам признателен.

— У меня здесь есть среди знакомых одна весьма приятная дама, — тут, недалеко, снимает целый этаж одного из самых красивых домов в городе. Это вдова какого-то плантатора с Мартиники, ее зовут мадам де Булетр; она из тех женщин, про которых говорят, что у них нет возраста, — такие выглядят вечно молодыми, пока образование, живость духа и умение держать себя в обществе позволяют противостоять течению времени. Живет на широкую ногу, кажется, очень богата, и бывают у нее почти одни только аристократы духа, денежные мешки и большие политики; мне она нравится потому, что, по ее рассказам, она много путешествовала, а ее познаниям в нашем деле могли бы позавидовать иные из мореходов.

— В таком случае мне бы очень хотелось с ней познакомиться.

— Могу вам предоставить эту возможность уже сегодня, вечером я приглашен к ней на ужин. Хотите присоединиться?

— Конечно, капитан.

— Ну что ж, отлично. Я вас представлю, а дальше вы можете чувствовать себя столь же свободно, как на палубе своего «Оррибля». Между прочим, отличный корабль, лейтенант, и я могу только пожелать вам удачи в командовании им. Вы так красиво и чисто прошли рядом с нами, ловко убрали паруса и встали на якорь. Он попал в собственность Соединенных Штатов от англичан?

— Да. Раньше это было, пожалуй, самое страшное судно в пространстве между Гренландией и обоими южными мысами<sup>[36]</sup>. Вы что-нибудь слышали о капитане Каймане?

— Почему нет? Может быть, даже больше, чем вы. Просто я никак не мог взять в толк, откуда мне известно это название — «Оррибл»; сейчас, однако, вспомнил. Корабль был застигнут в момент, когда он совершил рейс с черными рабами, и взят на абордаж. Вся команда была повешена на реях, а что касается капитана Каймана... да, так что случилось с ним?

— Его не было на борту, так по крайней мере говорят. И с тех пор о нем никто ничего не слышал. То ли полученный урок пошел ему на пользу, то ли он все-таки находился на корабле в момент захвата и был убит в бою, а может быть, его повесили на рее вместе с другими пиратами, как простого формарского.

— Это ему подошло бы в самый раз! Итак, сегодня вечером у мадам Булетр. Я за вами заеду, лейтенант, вы не против?

— Но я прошу только, прежде чем мы отправимся на берег, разрешить мне взглянуть на ваш прекрасный корабль.

Как раз во время этого разговора на пирсе появился мужчина, имевший вид человека, вполне располагающего собой и своим временем. Он едва достигал среднего роста, но при этом был довольно строен и одет как золотоискатель, который ненадолго выбрался из своей штолни, чтобы немного отдохнуть от изнурительной работы и посмотреть на город. Драная шляпа с широкими полями была надвинута на лоб, однако она не могла скрыть огромное пятно синевато-красного цвета, простиравшееся от уха через всю щеку до самого носа. Каждый, кто случайно видел его лицо, поскорее отворачивался или опускал глаза. Мужчина отлично это замечал, однако даже чересчур заметное отвращение, похоже, ничуть не нарушало его душевного равновесия. Но вот он остановился и не торопясь окинул взглядом рейд.

— Еще один встал на якорь, — пробормотал он. — Парусник, и, кажется, неплохо скилеван. Если только... — Внезапно он умолк и загородил глаза ладонью, чтобы получше взглянуться.

— Sacre nom de dieu<sup>[37]</sup>, это он, это «Оррибль»! Наконец-то, наконец-то я его снова вижу, но... Он слишком далеко от берега, я могу ошибиться. Необходимо проверить!

Он спустился по ступенькам туда, где праздно покачивалось множество лодок, и прыгнул одну из них.

— Куда? — спросил хозяин лодки, загоравший на гребной скамье.

— Кататься!

— Надолго?

— Пока мне не надоест.

— Есть чем заплатить?

— Вернемся — деньгами, а сейчас — руками. Выбирай!

— Хм, — проворчал лодочник, явно напуганный угрожающим блеском темных глаз чужака, — спрячьте ваши десять пальцев куда-нибудь подальше от моего лица. Вы справитесь с рулем?

Ответом ему был короткий кивок, после чего лодка была отвязана и стала медленно пробираться сквозь скопление всевозможных посудин в направлении открытой воды. Чужак умел обращаться с рулем как никто другой — это лодочник определил после первых ударов весла. Он не указал никакой конкретной цели и, широкой дугой обогнув броненосец и «Оррибль», привел лодку обратно на ее место, после чего выложил за поездку такое количество денег, на которое никак нельзя было рассчитывать, исходя из его внешнего вида.

— Да, это «Оррибль»! — вздохнул он с облегчением, поднимаясь вверх по ступеням. — Что ж, мадам де Булетр вскоре исчезнет так же бесследно, как в свое время пропала мисс Адмиральша. Однако пора в таверну!

И он направил свои стопы в ту часть города, где, как правило, не в ладах с законом, влачат жалкое существование самые темные представители общества. Ему пришлось пробираться сквозь лабиринт улочек и переулков, мимо строений, которые никак не заслуживали названия человеческих жилищ. Пустынная, изобилующая всяческими неровностями почва вкупе с непроглядной темнотой ночи предоставляли необозримые возможности сломать себе шею, а хижины, бараки и Палатки вместе образовывали нечто более похожее на цыганский лагерь, нежели на обычный городской район, где могучая рука уголовной и дорожной полиции подвергает немедленному удалению всякий ненадежный или подозрительный элемент, либо по крайней мере берет его под неусыпный жесткий контроль.

Наконец он остановился перед длинным дощатым сараем, над дверью которого мелом было нацарапано: «Taverne of fine brandy». Слева и справа от надписи, на потрескавшихся досках, тот же мел являл взору две большие бутылки. Он вошел. Длинное помещение было заполнено гостями, глядя на них сразу можно было сказать, что они не относятся к тем кругам общества,

по отношению к которым можно применить эпитет gentlemanlike<sup>[38]</sup>. Неописуемая смесь табачного дыма и винного перегара буквально отбрасывала входящего назад, а шум, царивший здесь, казалось, исходил не из людских глоток, а издавался какими-то неведомыми животными.

Человек с красным пятном на лице был нисколько не обескуражен всеми этими неудобствами. Он подошел к стойке и спросил застывшего в царственной позе хозяина:

— Длинный Том здесь, мастер?

Тот, к кому он обратился, смерил его недоверчивым взглядом и недружелюбно ответил:

— Зачем?

— Мне надо с ним поговорить.

— А кто это такой, Длинный Том, а?

— Ба! Не играйте в прятки. Я знаю его не хуже вас, и он сам просил меня прийти.

— Кто вы?

— Идите к черту, это не ваше дело! Я же не требую у вас метрику, на которой стояло бы ваше имя!

— Ха-ха, раз так, то вам придется очень долго спрашивать, прежде чем вы получите ответ, который вам понравится. Скорее, вы поимеете тут хороший удар по физиономии, а то и два!

— Это тоже можно при случае обсудить. Однако я хочу сказать, что вы окажетесь чертовски много должны Длинному Тому, если не дадите мне с ним побеседовать.

— Так? Ну, хорошо, давайте представим, что я с ним знаком; понимаете вы, сэр? Если ему действительно нужно, чтобы вы пришли, то он уж по крайней мере сказал бы вам одно слово, одно такое маленько словечко, без которого к нему никто и никогда не приходит.

— Он это сделал. Слушайте!

Он нагнулся к хозяину и зашептал ему на ухо. Тот согласно кивнул.

— Верно! Теперь я могу вам доверять. Пока что Тома тут нет; сейчас как раз такое время, когда сюда наведывается полиция, чтобы поискать кое-кого среди моих гостей. Как только они уйдут, я дам знак, и через пять минут он окажется здесь. Присядьте ненадолго!

— Не здесь, мастер. Том сказал мне, что у вас тут есть одно небольшое помещение, где можно посидеть не боясь лишних глаз.

— Да, есть такое, но оно не для первого встречного.

— Не для первого встречного? Тогда для кого?

— Если я это скажу, вам будет очень плохо.

— Скорей всего, не так плохо, как вы думаете!

Он положил на стойку золотую монету и пододвинул ее к хозяину, глаза которого вспыхнули жадным блеском.

— Хорошо! С вами все обстоит не так безнадежно, как я сперва подумал. Вы же понимаете, когда делаешь кому-нибудь приятное, отводя от него ищеек, то само собой разумеется, что твоё хорошее отношение не должно остаться без вознаграждения. Хотите выпить?

— Стакан вина.

— Вина? Вы что, с ума сошли? Здесь не употребляют столь благородные напитки. Согласно местным нравам и обычаям вы получите бутылку бренди... Вот так, и при ней стакан. А сейчас садитесь вон за тот стол, за широкой печью. Как раз около нее есть дверь, ее почти ниоткуда не видно. Я ее отопру; тогда будьте внимательны и при первом удобном случае быстро прошмыгните внутрь.

— Понял.

— В той комнате сейчас пусто. Но потом начнут приходить гости, и я вам советую им не досаждать. Это очень шустрые ребята, чуть что — сразу хватаются за ножи!

Все произошло именно так, как он говорил, и скоро чужак сидел в потаенной комнате. В

ней было всего два стола и около дюжины стульев, которые на данный момент пустовали. Но, как и сказал хозяин, вскоре в помещение начали проникать посетители, один за другим, и ловкость, с которой они это делали, показывала, что они частые гости в этом скрытом от посторонних глаз месте. Кинув на сидящего незнакомца короткий изучающий взгляд, в дальнейшем вошедшие не обращали на него ни малейшего внимания и, не спеша перебрасываясь негромкими фразами, вели себя так, будто в комнате вообще не было никого из чужих. Все они, казалось, принадлежали к сословию моряков; по крайней мере во время разговора было продемонстрировано отличное знание всего того, что относится к профессии морехода, а также памятных событий прошлых лет, произошедших на море. Подверглись обсуждению также корабли, стоящие в гавани и на рейде.

— Слыхали? — спросил один. — «Оррибль» встал на якорь.

— Это тот «Оррибль», что раньше был пиратским кораблем?

— Да, сейчас командром на нем лейтенант Дженнер. Великолепный корабль; трудно найти другое судно с таким корпусом и рангоутом<sup>[39]</sup>. Капитан Кайман это доказал.

— Жаль парня, пришлось ему попробовать веревки! Или нет, а?

— Да, жаль, очень жаль; из него и из его ребят мог выйти толк.

— Дело даже не в нем; говорят, у него был шкипер, — вот кто там действительно командовал.

— Слыхал об этом. Но вроде как шкипер этот был вовсе не мужик, а баба — чистая сатана. Между прочим, вполне можно поверить, ибо черт испытывает особенное удовольствие, прикинувшись бабенкой.

— Так оно и есть, — сказал третий, — это была женщина, и звали ее мисс Адмиральша. Я это знаю точно. Рассказывают, что она была дочерью одного старого морского волка, который всегда брал ее с собой в плавания. Она стала походить на мужчину, очень хорошо освоилась на море и в результате наблюдения и долгих упражнений научилась управлять кораблем лучше, чем иные капитаны. Каждый моряк знает, что подобные бабы были раньше и, возможно, существуют сегодня. А если кто хочет узнать больше, то пусть спрашивает Длинного Тома, ему про это известно все. Сдается мне, что негодяй плавал с капитаном Кайманом и знает «Оррибль» лучше, чем хочет в этом признаваться.

— Похоже на то, ему можно верить. И если это в самом деле так, то я бы не стал его за это упрекать — такой собачьей жизни, как на торговом корабле, на капере, конечно, нет. Дальше мне говорить не хочется, но кому надо, тот поймет.

— Хоп-ля-ля, давай выкладывай! А если боишься, то скажу я: если бы капитан Кайман был жив и владел «Орриблем», я бы тут же пошел к нему на борт. Вы меня слышали и, думаю, считаете, что я прав.

В этот момент дверь открылась, и, нагнувшись, в комнату вошел человек, которого все приветствовали как старого знакомого.

— Длинный Том! Заходи, старина, причаливай вот к этому стулу. Мы тут как раз про тебя говорили.

— Да, о тебе и об «Оррибле», — подтвердил другой.

— Оставьте «Оррибль» в покое, корабельные крысы, пусть себе плавает, сказал вошедший, сядясь на стул, и незаметно мигнул человеку с красным пятном.

— Какое вам дело до этой посудины?

— Нам никакого, а вот о тебе этого не скажешь. Мы считаем, что ты его лучше знаешь, чем мы; или тебе не приходилось гулять по его палубе?

— Я не скажу ни да ни нет; но вполне возможно, что так оно и было. Существует целая дюжина кораблей, которые видели Длинного Тома, и кто из вас может иметь что-нибудь

против, если «Оррибль» относится к их числу?

— Никто. Но скажи, это правда, что шкипером на «Оррибле» была баба?

— Как я слыхал, да.

— Хм, тогда, что бы там ни было, а на этом корабле, должно быть, завелись паршивые порядки!

— Это почему?

— Ну, не хотел бы я быть на корабле, когда им командует бабенка. Я считаю, что именно она, и никто другой, виновата в том, что «Оррибль» был взят.

— Вы считаете?.. — раздался вдруг сдавленный голос человека с красным пятном.

— Да, я так считаю. У вас есть возражения?

— Это не ваше дело; просто я хотел узнать, действительно ли вы так считаете.

— Не мое дело, да? Неизвестно кто вмешивается в мой разговор, и это не мое дело?

Покрепче держите язык за зубами, иначе я вам так заеду по физиономии, что она окажется у вас в брюхе!

— Неплохо бы поглядеть, как это у вас выйдет.

— Как?.. Что? Получай что хотел!

Он шагнул к своему непрошеному собеседнику — довольно щуплому мужчине, который был почти на голову ниже его, — и широко размахнулся, явно не для того, чтобы погладить. Однако тот, уклонившись от удара, мгновенно схватил его поперек туловища, приподнял и бросил на пол, так что нападавший едва смог подняться. Тотчас же с места вскочил еще один, сидевший ближе всех к месту драки, с намерением отомстить за позорное поражение своего товарища. Его постигла та же судьба: с кошачьей быстротой противник ускользнул от его ударов, поймал на замахе и со страшным грохотом опрокинул на пол. Их примеру уже готов был последовать третий, но тут Длинный Том вскочил с места и встал посередине.

— Стоп! — сказал он, хватая его за руку. — Не делай глупостей, приятель! С ним ты ничего не сможешь сделать, и десять других также ничего не смогут.

— Ну, это мы еще посмотрим!

— Попробуй, если тебе так сильно этого хочется, однако сдается мне, что мы имеем дело с офицером с «Оррибля».

— С «Оррибля»?

Двое других, которые как раз поднялись с пола и сейчас с угрожающим видом собирались возобновить нападение, удивленно застыли на месте.

— С прежнего или с нынешнего?

— Ну конечно, с прежнего; или ты думаешь, что какой-нибудь слабоумный офицер флота Соединенных Штатов рискнул прийти к нам сюда погулять?

— Это правда?

Человек с красным пятном утвердительно кивнул и произнес:

— Да, парни. Длинный Том знает меня давно, с тех самых пор, когда мы стояли на одной палубе и вместе обделявали кое-какие делишки.

— Ну, тогда другое дело. Раз так, можете тут у нас чувствовать себя спокойно, мы больше не будем распускать кулаки.

— Ага, — прозвучал презрительный ответ, — боялся я ваших кулаков. Однако я вижу, вы не простые мореходы, и готов поэтому не только забыть имевшее место недоразумение, но даже малость посидеть с вами.

— Забыть недоразумение? Я думаю, что виновником стычки были не мы, а вы. То, о чем мы говорим, вас, поскольку вы чужой, не касается.

— Хм, возможно, что вы и правы, однако я привык проверять своих людей, прежде чем

оказать им доверие.

— Своих людей? — переспросил один.

— Проверять? — произнес другой.

— Оказать доверие? — как эхо отозвался третий.

— Да, это так! Разве я здесь не слышал, что вы хотели бы плавать на «Оррибле»?

— Ну, это всего лишь болтовня. Вы же, наверное, помните, что была сделана оговорка: если бы капитан Кайман был жив и командовал бы этим кораблем.

— А вы точно знаете, что он мертв?

— Утонуть мне на месте! Вы хотите сказать, что он жив?

— Да. Можете мне поверить.

— Гром и молния! И где же он прячется, а?

— Ну, это дело не ваше, а мое.

— Уж во всяком случае, не на «Оррибле».

— Тут вы, пожалуй, правы. Ну а если он снова сумеет его заполучить?

— Как? Ну, сэр, это было бы чертовски здорово с его стороны!

— И с вашей.

— С нашей? Но каким образом?

— Дело в том, что вы можете принять участие в этом деле, если, конечно, хотите, — последовал тихий и осторожный ответ.

— Что вы хотите этим сказать, мастер?

— Я хочу сказать, что парням, которых Длинный Том называет своими друзьями, можно кое-что доверить, не так ли?

— Тысяча чертей, тут вы правы и попали как раз в точку! Само собой разумеется, мы всегда рады оказаться там, где пахнет золотом и где его можно честно заработать. Том может нас вам рекомендовать!

— Уже сделано, — сказал тот, о ком шла речь. — Считайте, что этот господин знает вас не хуже меня; я его пригласил специально, чтобы он на вас посмотрел и побеседовал с вами. Кстати, хотите новость?

— Ну?

— Я буду боцманом на «Оррибле».

— Боцманом? Кончай травить!

— Еще чего! Вы тоже можете найти себе на нем хорошенъкое местечко, если, конечно, не будете зевать.

— Мы-то не прочь! Но корабль принадлежит полосатым воротничкам.

— Сейчас да, но скоро это наверняка будет не так.

— Почему?

Том нагнулся над столом и прошептал:

— Потому что мы его у них отберем.

— Тысяча чертей, вот это было бы дело — такое, какого никогда до сих пор не бывало! О нас бы заговорили во всех Штатах, а может, и подальше.

— Вы что, этого боитесь?

— Боимся? Ба! Чем может повредить болтовня? У кого под ногами «Оррибл», тому перед всем светом нечего стыдиться!

— Да, и тогда вы сможете вести такую же жизнь, как Великий Могол<sup>[40]</sup>, или как там зовут того парня, у которого столько долларов, что когда ему вздумалось по глупости высыпать их в море, то оно вышло из берегов. И вы будете их иметь, все зависит только от вас!

— От нас? Говорите дальше, мастер!

Человек с красным пятном сунул руку в карман куртки и, вынув оттуда тугу набитый кошелек, извлек из него несколько банкнот и раздал их всем.

— Хотите иметь такие бумажки? — спросил он.

— Но что мы должны за это сделать?

— Ничего, просто мне захотелось их вам подарить. Но если вы настоящие мужчины, то завтра или послезавтра вы могли бы иметь в пять раз больше!

— Где?

— Хотите прогуляться на рейд?

— Почему бы и нет?

— И нанести визит полосатым воротничкам?

— Почему бы и нет?

— Возможно, придется кому-нибудь проломить башку или пощекотать ножиком.

— Плевать!

— Потом вы останетесь на корабле.

— Само собой! Но кто будет нами командовать?

— Кто же иной, как не капитан Кайман?

— Так он жив?

— Он жив и не обманет ваших ожиданий, если вы сделаете все как надо.

— За нами дело не станет, сэр, можете не сомневаться!

— Хорошо; тогда слушайте, что я вам скажу!

Все замолчали и приготовились слушать.

— Вы купите себе одежду получше, и чтобы в таком виде, как сейчас, вы больше нигде не появлялись!

— Будет сделано.

— По вечерам вы будете, не выходя никуда, сидеть здесь, ждать меня или того, кого я к вам пришлю!

— Вот это дело! Нам и так давно уже осточертело возиться с полицейскими ищейками.

— Как только я дам знать, вы вместе с Томом придете к... к дому мадам де Булетр.

— Тысяча чертей! Мы о ней слышали — это дьявольски богатая и важная леди. Какие дела мы можем с ней иметь?

— Среди ее гостей будут моряки с «Оррибля».

— О!..

— Вы изъявите желание наняться на корабль, и она рекомендует вас господам офицерам.

— Разрази меня гром... нас рекомендует... знатная, богатая леди? Да вы в своем уме, сэр?

— Думаю, все будет именно так!

Собеседники посмотрели на него с сомнением.

— Так вы что, с ней хорошо знакомы?

— Возможно! По крайней мере, вы будете приняты на службу и сразу же отправитесь на борт корабля.

— Как прикажете, сэр!

— Будет устроено так, что и старшие, и младшие офицеры сойдут на берег. Тогда-то к вам и присоединится капитан Кайман со своими людьми и... Ну, остальное не мое дело; я всего лишь его агент. Прочее из того, что вы должны знать, вам расскажет Том.

Все согласно кивнули. План мнимого агента настолько захватил их воображение, что отбил охоту к долгим разговорам. Агент, однако, продолжал:

— Еще вот что: Том теперь боцман, и с этого момента вы должны во всем ему повиноваться; вы меня поняли?

— Yes, сэр!

— Если вы окажетесь верны и не станете болтать, то можете рассчитывать на капитана Каймана. Но знайте, если нам станут известны малейшие признаки предательства, то вы пропали. Меры уже приняты. Так что держитесь!

— Нет проблем! Мы знаем, что нам предстоит, и давно хотели сделать что-нибудь в этом роде. Ну, а когда все так хорошо устроилось, то сами себе мы удовольствие портить не станем.

— Я должен идти, вот вам еще немного — выпейте за здоровье капитана Каймана. До встречи!

— До встречи, сэр!

В то время как все почтительно встали, он небрежно протянул Тому руку и исчез в проеме двери.

— Да... этот парень мог бы самого черта скрутить! — после некоторого молчания заметил один.

— И что самое главное, на вид он довольно хлипок, — добавил другой. — Смотреть не на что, и в то же время будто сатана в нем сидит.

— Присядьте, — сказал Том, — мне надо объяснить вам еще кое-что.

Они еще очень долго сидели и слушали речи своего товарища. Это был бывалый и знающий мореход, и он смог вполне убедить их в том, что как раз теперь, во время войны между северными и южными штатами, управляемое опытным и разумным капитаном киперское судно, которое между делом тайно промышляет пиратством, может приносить большой и надежный доход...

Апартаменты мадам де Булетр были ярко освещены. В этот вечер у нее собралось большое общество. В огромной гостиной танцевали под пианино; столы были уставлены изысканными винами и закусками; господа постарше собирались в соседней комнате, где велись оживленные разговоры и играли «по маленькой» — проигранные и выигранные доллары сотнями переходили из рук в руки. Сама зависть не смогла бы удержаться от признания, что среди всех присутствующих здесь дам первое место, без сомнения, принадлежит хозяйке дома. Своеобразная, полная изящества манера говорить, прирожденная грация, сквозившая во всех ее движениях, надолго приковывали к себе внимание каждого, кто ее видел. Сейчас она сидела в небрежной позе на бархатном диване, держа в руке усыпанный жемчугом раскрытый веер. Ее темные глаза с видимым участием были обращены на статного морского офицера, представленного ей знакомым капитаном.

— Вы обогнули мыс Горн, лейтенант? — спросила она.

— Да, но потом мне пришлось долго крейсировать вдоль берегов.

— Ах, наверное, это ужасно утомительное и неинтересное занятие, не правда ли? И у вас не было времени бросить якорь в нашем порту?

— К сожалению нет; правила службы весьма строги.

— А вы знаете, лейтенант, несмотря ни на что, я испытываю большой интерес к вашей профессии.

— О!.. Впрочем, морская стихия несет в себе нечто привлекательное даже и для женщин. Но то, что обычно имеют в виду, когда говорят о нашей профессии, обозначает род деятельности слишком обыденный и опасный, а науки, связанные с морем, довольно сухи и скучны. Поэтому я не могу себе представить леди, которая всерьез этим интересуется, так что...

— Нет, нет! — перебила она его. — Далеко не все женщины испытывают страх перед опасностями, так же как вовсе не каждый мужчина является собой Геркулеса. Я, например, родилась на маленьком островке, окруженном со всех сторон водой, и у нас имелись

многочисленные родственники на материке, так что мне с детства много раз приходилось пересекать пролив туда и обратно; бывала я и в Бостоне, и в Нью-Йорке, как-то раз даже оказалась на мысе Доброй Надежды, и мне так понравилось море, что я стала интересоваться всем, что с ним связано. В частности, я постаралась получить некоторое понятие о тех морских дисциплинах, которые, как вы только что сказали, столь трудны и скучны для новичков. Если вы не имеете ничего против посещения моего рабочего кабинета, то сами сможете убедиться в том, что мои слова — это отнюдь не пустой звук.

— Мадам, для меня это пока слишком большая честь!

— Вы не правы! У нас здесь не принято прибегать к светским условностям, и я не нарушу приличий, если попрошу вас сейчас взять меня под руку.

Они поднялись и, пройдя довольно большое число комнат, попали наконец в помещение, весьма мало заслуживающее наименования «рабочий кабинет». Это была небольшая и очень уютная комната, отделанная с исключительной роскошью. Тут хозяйка подошла к письменному столу, сделанному из драгоценных пород дерева, и, выдвинув один из ящиков, извлекла оттуда полное собрание надежнейших морских карт. В других ящиках стола находились приборы, употребляемые при навигации.

Дженнер, а это был именно он, не смог скрыть удивления при виде этого неожиданного богатства.

— Должен вам сказать, мадам, что у меня в каюте нет карт и приборов, которые бы превосходили эти, — признался он.

— Вполне возможно, ведь я не собираю бесполезные вещи.

— Но эти приборы и карты полезны только при их употреблении, а оно возможно лишь после глубокого изучения предмета.

— И вы полагаете, что женщинам это недоступно?

— Я не видел ни одной, которая бы убедила меня в обратном.

— Что ж, тогда я прошу вас устроить мне экзамен. — С улыбкой, в которой внимательный наблюдатель без труда заметил бы изрядную долю высокомерия и презрения к собеседнику, она посмотрела на его открытое, честное лицо.

— Экзамен? — переспросил он. — Сомневаюсь, что, сидя здесь, рядом с вами, я смогу сохранить необходимое для этого душевное спокойствие. На борту моего корабля у меня это получилось бы лучше.

— Вы имеете в виду «Орибль», не так ли? Да, это прекрасный корабль, сэр, пожалуй, самый прекрасный из тех, что я знаю; но представьте, именно из-за него я должна была бы вас ненавидеть.

— Ненавидеть? Почему?

— Я провела на нем самые горестные и страшные часы моей жизни.

— Вы бывали на «Орибле»? — удивленно переспросил он.

— Да. Вам, вероятно, известна история этого знаменитого, а точнее, пресловутого корабля?

— Довольно подробно.

— Тогда вы, конечно, слышали о женщине, которая находилась на его борту, когда корабль был взят на абордаж.

— Конечно.

— Она была с одним из пассажиров купца, когда его застигли в море пираты, и попала в лапы капитана Каймана.

— Да, так рассказывают. — Так вот... этой женщиной была я!

— Вы? Какое странное и удивительное совпадение, мадам! Когда-нибудь вы должны мне рассказать об этом подробнее!

— Могу ли я кое о чем вас попросить, сэр?

— Прошу вас, говорите!

— Я хотела бы побывать на «Оррибле», снова посетить те места, где мне довелось так много потерять. Быть может, мое появление в какой-то степени снимет... печать проклятия, которая, безусловно, еще осталась на этом корабле.

— Буду рад доставить вам это удовольствие, — ответил он, обрадованный возможностью показать ей свои небольшие, но хорошо обустроенные владения.

— И когда?

— Когда вам будет угодно!

— Тогда завтра, сэр, завтра утром!

— Охотно. Весьма охотно, мадам. Сочту за честь, если ваше присутствие освятит скромное жилище моряка!

— И тогда, я надеюсь, у нас появится возможность устроить мне экзамен, — лукаво улыбнулась она. — Но мне бы не хотелось, лейтенант, чтобы мой визит причинил вам излишние хлопоты. Я не адмирал и не коммодор<sup>[41]</sup> и не имею ни малейшего права рассчитывать на излишние почести.

— Не беспокойтесь, мадам! Даже если у меня и было бы желание, встречая вас, построить на палубе «Оррибля» экипаж в парадной форме, я все равно столкнулся бы с некоторыми трудностями. Как раз завтра утром часть моих матросов увольняется с корабля, и, чтобы снова иметь на борту полный комплект, я должен позаботиться о пополнении.

— Что вы говорите! Быть может, я смогу быть вам полезной в этом?

— Вы очень любезны. С величайшей благодарностью принял бы вашу помощь.

— О нет, нет, это я должна быть вам благодарна! Ваше замечание напомнило мне о нескольких бравых мужчинах, которые в свое время были у меня на службе; сейчас они хотели бы наняться на какой-нибудь хороший корабль. Все это бывальные моряки, и я о них самого лучшего мнения. Если вы не против, я могла бы вам их рекомендовать.

— Ваша рекомендация освобождает меня от необходимости дальнейших поисков. Нельзя ли вас попросить о более близком знакомстве с этими людьми?

— Они живут тут недалеко. Я могла бы за ними послать.

— Я восхищен вашей добротой, мадам. Не сомневаюсь в том, что все ваши протеже будут приняты на мой корабль.

— Благодарю вас! С вашего позволения, я дам нужные распоряжения.

Они возвратились в большую гостиную. Дженнер был очарован любезностью этой женщины, которая оказала ему такой теплый и дружелюбный прием. У этого честного, немного наивного, мало бывавшего в обществе и не имеющего никакого опыта общения с дамами моряка ее поведение не возбудило ни малейших подозрений. Когда ему передали, что люди, о которых шла речь, ждут в прихожей, он вместе с хозяйкой вышел к ним. Тому, а это именно его вместе с приятелями хозяинка приказала позвать из таверны, он задал несколько малозначащих вопросов, раздал всем, как принято в таких случаях, немного денег и приказал явиться на «Оррибл» на следующее утро...

— Ну, лейтенант, — спросил его капитан броненосца, когда они немного спустя возвращались к себе, — как вам понравилась дама?

— Она великолепна! — ответил Дженнер. — Она хочет нанести визит на «Оррибл».

— О! И когда?

— Завтра утром.

— Что ж, желаю счастья, лейтенант! Полагаю, что прием будет достойным.

— Вежливым, не более.

- Должен ли я при этом присутствовать?
- Вы позволите вас пригласить, капитан?
- Нет, нет, — рассмеялся тот. — Я хочу быть хорошим товарищем и не стану вам мешать... по крайней мере при соблюдении одного маленького условия.
- И оно состоит в том, что...
- По окончании визита вы вместе с дамой ненадолго заедете ко мне на корабль.
- Согласен.
- Договорились?
- Так точно!

Оба офицера сели в ожидающий их катер и вскоре уже были на палубах своих кораблей. На следующее утро жизнь на «Оррибле» текла несколько более напряженно, чем обычно. Команде было сообщено, что корабль хочет посетить дама из высшего общества. Присущие военному судну безупречные чистота и порядок делали излишними какие-либо дополнительные усилия в этом направлении, однако Дженнер подверг свой корабль придиличному осмотру и приказал еще раз надраить отдельные, недостаточно чистые, по его мнению, переборки и убраться в некоторых каютах; ему хотелось представить свое плавучее жилище в наивыгоднейшем свете.

Едва он закончил эти приготовления, как на борт прибыли вновь набранные матросы. Он изъявил свое формальное согласие принять их на службу, приказал распределить по каютам и тут же забыл об их существовании. Дальнейшая работа с новичками не входила в его обязанности, это было дело младших офицеров и боцманов. Но вот наконец появилась мадам де Булетр, которую он встретил с изысканной вежливостью.

— Великолепный корабль! — заметила она, когда после прогулки по «Орриблю» они с Дженнером разместились за столом, стоящим под натянутым по этому случаю на палубе тентом, где их ждал завтрак, приготовленный корабельным коком, который постарался показать все, на что он способен.

— Должна признаться, сэр, он стал еще лучше, чем был. Такелаж внушает восхищение, и я думаю, что судно сильно выиграло в скорости, с тех пор как попало в военный флот Соединенных Штатов.

— Хотя мне и неизвестно количество узлов<sup>[42]</sup>, на которые он был способен раньше, я вполне могу присоединиться к вашему мнению, причем вовсе не из желания приписать себе в связи с этим какие-то заслуги. Просто в том, что касается оснащения корабля, командование флота обладает гораздо большими возможностями, чем любое частное лицо.

- Мне кажется, что «Орриблю» нет равных по быстроте хода.
- Тут я тоже готов с вами согласиться, однако есть единственное исключение.
- И это исключение...
- «Своллоу», лейтенант Уолпол.
- «Своллоу»? Очень может быть, что я уже где-то слышала это имя. Что это за корабль?
- Клипер с такелажем шхуны.
- И где он сейчас?
- Развозит депеши, но скоро должен быть тут. Я встретил его несколькими градусами южнее и получил кое-какие свежие указания командования. Он отправился в сторону Японии, но потом вернется и встанет здесь на якорь.

— Хотелось бы посмотреть на этот прекрасный парусник!

— Полагаю, у вас вскоре будет такая возможность. Однако прошу вас, попробуйте это жаркое, хотя, конечно, трудно предположить, что оно вам придется по вкусу. Кок на военном корабле плохо годится для того, чтобы готовить завтраки для дам.

— Но некоторые дамы вполне способны приготовить хороший ужин для целой команды

бравых моряков. Могу я вас пригласить, господин лейтенант?

— Я полностью в вашем распоряжении.

— В таком случае я хотела бы сегодня вечером видеть вас у себя, и, если вы не возражаете, я буду ждать также всех офицеров вашего корабля. Вы не против?

— Насколько это позволяет служба — нет.

— Благодарю вас. Это будет ужин *entre nous* [43], и я постараюсь по мере сил завоевать ваше дружеское расположение.

— Это вам уже вполне удалось. Кстати, меня настоятельно просили получить ваше согласие на краткое посещение вон того бронированного фрегата. Его капитан будет весьма признателен вам за эту любезность.

— Я скажу «да», но у меня есть одно условие.

— Какое же?

— Вы меня проводите, господин лейтенант.

— Сердечно рад буду это сделать.

Когда завтрак закончился, он приказал приготовить катер и вместе с мадам де Булетр отправился на броненосец. Простодушный офицер не догадывался о тайной дели, которая послужила причиной этого визита. Равным образом он не подозревал о том, что матросы, принятые им только что на борт по рекомендации этой дамы, посягают на его корабль. А те в свою очередь, не поверили бы, если бы кто-нибудь им сказал, что мадам де Булетр — это как раз тот человек с красным пятном, что вчера вербовал их в таверне.

## УБЕЖИЩЕ

Ураган, с ревом несущийся по равнине, встречая на своем пути скальные стены горного хребта, обретает покой. Облака, медленно и торжественно плывущие в вышине неба или, подобно привидениям, в беспорядке гонимые бурей над самой землей, пролив на леса и нивы свою холодную, бесцветную кровь, успокаиваются. Крохотный ручей, небольшая речка, огромный, могучий поток, что, подчиняясь закону тяготения, неустанно несут свои воды меж берегами, достигнув наконец моря, тоже обретают покой. Движение и покой составляют основу общих и частных элементов мироздания и равным образом — человеческой жизни.

В дикой прерии нет мирных хижин, где у домашнего очага собираются счастливые семьи, вкушая радость уюта и мирного отдыха после трудового дня. Осторожно, стараясь быть незаметным, подобно дикарю, крадется по саванне охотник, подстерегаемый со всех сторон беспощадной смертью. Отнюдь не всегда способен он с успехом противостоять грозящей опасности, поскольку постоянное изматывающее напряжение может лишить сил даже самый могучий и выносливый организм. Как всякий человек, охотник нуждается в отдыхе и покое. И он находит их в труднодоступных безлюдных местах, где устраивает — частью для этой цели, частью с намерением хранить там охотничью добычу или намытый золотой песок — заботливо укрытые от посторонних глаз небольшие удобные стоянки, так называемые убежища, или *hiding-holes*...

Спустя несколько дней после того, как Дедли-Ган со своими трапперами и гостями оказался у себя в убежище, по прерии, держа на поводу нескольких мулов, ехали верхом трое мужчин.

Один из них был низкорослый и толстый, другой очень длинный и тощий, а третий висел на своем коне так, будто он каждую минуту ожидал сильного повторного приступа холеры.

— Проклятье, — произнес этот последний, сделав неудачную попытку сесть прямо, — черт меня понес шляться тут с вами верхом по этим мерзким лужайкам, подобно фрегату, у которого сломался компас и отказалось рулевое управление! Сидел бы я лучше в нашей дыре. Наобещали, мошенники будто бизонов тут как муравьев вокруг муравейника. Мы здесь уже три дня крейсируем и ни тебе быка, ни коровы ни даже самого завалящего теленка в глаза не видели! К тому же эта кляча трясет меня почище, чем аптекарь пузырек с лекарством, так что у меня скоро суставы разъедутся и вообще я забуду, кто я такой и как меня зовут. Давайте бросим якорь где-нибудь поблизости! Кто хочет есть мясо, пусть сам себе его и добывает, а я обойдусь.

— Обойдешься ты без мяса или нет, это все равно, — заметил Дик, — но вот что ты будешь есть если мы его не добудем?

— Хм, не иначе как жирного Хаммердала! Или ты считаешь, что я должен приняться за Пита Холберса, хотя нам трудно на что-либо рассчитывать кроме костей и дубленой кожи?

— А ты что скажешь, Пит Холберс, старый емот? — рассмеялся Хаммердал.

— Если ты полагаешь, что эта старая морская рыба должна сама о себе позаботиться, то я вполне готов с тобой согласиться. Что касается меня, то я рыбу не ем.

— Можно подумать, что я сам о себе не позабочусь! Но если вдруг кому-то взбредет в голову съесть Петера Польтера из Лангедорфа, то это должен быть совсем другой парень, а вовсе не... Черт возьми! Поглядите-ка сюда — кто-то здесь ходил! Не знаю, человек или зверь, но если вы внимательно осмотрите следы, то, наверное, сможете определить, что это было за

существо.

— Смотри, Пит Холберс, — сказал Хаммердал, — так и есть, трава примята.

Оба охотника слезли с лошадей и внимательно осмотрели место.

— Что ты думаешь об этом, старый Пит? — спросил Хаммердал.

— Что тут думать? Если ты считаешь, что это были краснокожие, Дик, то ты наверняка прав.

— Краснокожие это были или не краснокожие, это все равно, но это не был кто-то другой. Петер Польтер, слезь с коня, а то тебя отовсюду видно.

— Благодарение Богу, ребята, что мы наткнулись на этих краснокожих мерзавцев и в результате у меня есть возможность слезть с моей клячи! — ответил тот, сползая с коня с таким выражением на лице, будто он ускользнул от грозной опасности. — А сколько их было?

— Пять, это наверняка. И в том, что это огаллала, тоже нет сомнения.

— Откуда ты это узнал?

— У них есть недавно пойманные лошади. При этом один из мустангов ушел от нас, когда мы на них напали, и был использован для отлова остальных. Будьте готовы драться. Мы должны последовать за ними и посмотреть, чего они хотят!

Все трое тщательно осмотрели свои ружья, проверили, на месте ли ножи, и пошли по следам, направление которых не позволяло пока определить цели тех, кто их оставил. Они привели к неширокой, но довольно глубокой речке, через которую индейцы, по всей видимости, переправились, так как те же самые следы можно было различить на другом берегу.

Спрятавшись в кустарнике, Хаммердал внимательно посмотрел через реку на широко раскинувшуюся холмистую местность.

— Придется переправляться. Ничего хорошего у них на уме нет, и когда я увижу, что мы...

Договорить он не успел: в воздухе просвистело лассо и, подобно змее обвившись вокруг горла, опрокинуло его на землю. Та же участь постигла и остальных; прежде, чем они смогли подумать об обороне, они уже лежали на земле, придавленные коленями вязавших им руки и ноги врагов. Это были пятеро индейцев.

Напрягая мускулы, штурман попытался освободиться; у него ничего не вышло, так как сделанные из бизоньей кожи ремни были слишком прочны; единственным результатом его усилий были презрительные взгляды краснокожих. Дик Хаммердал и Пит Холберс восприняли происшедшее гораздо спокойнее. Они молча и без сопротивления покорились судьбе.

Самый молодой из дикарей подошел к ним. В его волосах красовались три орлиных пера, с плеч ниспадала шкура ягуара. Он смерил их угрожающим взглядом и, сделав презрительный жест рукой, сказал:

— Белые люди слабы, как щенки койотов, они не в силах порвать ремни!

— Что сказал этот мерзавец? — спросил Петер Польтер своих спутников, — для него артикуляция дикарей была непонятна.

Ответа он не получил.

— Белые люди не охотники. Они не видят, не слышат и не имеют разума. Красный человек заметил, что они идут следом. Чтобы их обмануть, он пересек реку и вернулся. В них нет хитрости, вот они и лежат на земле, подобно жабам, которым достаточно удара палки, чтобы умереть.

— Да скажите же наконец, о чем болтает этот тип! — заорал штурман, ерзая по земле.

Спутники снова не удостоили его ответом.

— Белые люди трусливы, как мыши. Они боятся говорить с красным человеком, им стыдно валяться перед ним, как...

— Ради всего святого, негодяи, ну скажите же, что он там такое говорит! — проревел

Петер, больше задетый их молчанием, чем тем положением, в котором они оказались из-за собственной неосмотрительности.

— Говорит он что-нибудь или не говорит, это все равно, — изрек наконец Хаммердал, — но он назвал тебя глупой, трусливой жабой, потому что ты был неосторожен и дал себя поймать.

— Глупая... трусливая... жаба... Он меня так называл... Меня одного? А вы что, не попались? Подождите, проказники, он, а заодно и вы сейчас узнаете, кто такой Петер Польтер из Лангедорфа! Он меня обозвал, меня одного, ха-ха-ха! Ну погоди, сейчас я тебе покажу, что как раз я один-то и не имею причин бояться!

Он медленно сгруппировал затекшие конечности. Как раз в это время индейцы отошли в сторону и негромко что-то обсуждали, поэтому они ничего не заметили.

— Раз, два... три... Привет, Дик Хаммердал... привет, Пит Холберс... надеюсь, вы скоро последуете за мной!

Доверие к своей непомерной физической силе его не обмануло. Ремни не выдержали сверхчеловеческого напряжения мышц и лопнули; он вскочил на ноги, бросился к своему коню, прыгнул в седло и пустил животное в галоп.

Дики считали невозможным побег кого-либо из пленников, а действия штурмана были столь стремительными, что, прежде чем они схватились за ружья, бежавший успел проскакать довольно большое расстояние. Пули его не достали; тогда двое индейцев сели на лошадей и бросились в погоню. Прочие остались сторожить пленных.

Во время связанной с побегом суматохи не было сказано ни слова; теперь же тот юный дикарь, который уже говорил с охотниками, снова подошел к ним и спросил:

— Вы знакомы с Дедли-Ганом?

Лежащие на земле не удостоили его ответом.

— Вы знаете его, он ваш вождь. Однако вы знали и Матто-Си, Медвежью Лапу, который пал от ваших рук. Сейчас он в Полях Вечной Охоты, а его сын стоит перед вами, и он отомстит за смерть отца белым людям. Он пошел вместе с другими юношами вслед за старыми воинами, что хотели поймать огненного коня, и дважды видел трупы своих братьев. Избежавшим смерти он поймал новых лошадей, и теперь они приведут убийц к огненному столбу.

Он замолчал и отвернулся. Охотников привязали к лошадям, и все тронулись в путь — вдоль речки, к лежащему у неровной линии горизонта лесу. Дики знали, что двое их соплеменников, отправившихся в погоню за штурманом, сумеют сами о себе позаботиться.

К вечеру добрались до леса. Сначала они двигались вдоль его кромки, потом повернули вглубь. Проехав некоторое расстояние, увидели группу индейцев, сидевших вокруг неярко горевшего костра. Это были юноши, отправившиеся под началом сына вождя навстречу взрослым воинам, ушедшим грабить поезд. Они видели трупы своих отцов и старших братьев и теперь горели жаждой мести. Увидев пленных, они пришли в восторг. Затаив дыхание, слушали они речь своего вождя, который сообщил им подробности случившегося и рассказал о предполагаемом плане дальнейших действий.

Судя по частым возгласам «Уф!», его речь получила полное одобрение у слушателей. Потом вперед выступил единственный бывший среди них белый и начал:

— Великий Дух да откроет уши красных братьев, чтобы они поняли то, что я сейчас скажу!

Кашлянув несколько раз, он продолжил:

— Дедли-Ган — великий охотник; он силен как медведь и мудр как рысь, сидящая в ветвях сикоморы, но он враг красных людей и взял у них больше ста скальпов. Он умертвил Матто-Си, знаменитого вождя огаллала, убил половину племени и, попав к вам в руки, снова сделал себя свободным. В вигваме у Дедли-Гана много золота, но никто не знает, где он живет. Он мой враг, и поэтому я собрал моих людей, чтобы найти его вигвам и взять золото. Мы встретили красных

братьев и объединились с ними: им нужна была кровь врага, а нам — его золото. Но небо отвернуло от нас свой лик и не послало нам удачи; все белые кроме меня были убиты, а среди красных братьев лишь немногие сохранили жизнь. Мы остались без лошадей и оружия и погибли бы, если бы не встретили юных воинов племени, которые горят желанием показать, что они достойны того, чтобы сражаться в рядах храбрейших. Они отомстят за убитых и возьмут скальпы врагов, но сделают это не тем путем, как это предлагает юный вождь.

Среди слушателей поднялся удивленный ропот. Говоривший продолжил:

— Я нашел вход в вигвам врагов. Он живет в большой пещере, куда ведет вода, смывающая следы их ног и копыт их коней. Мои братья хотят проникнуть туда в темноте ночи и убить их во сне. Но я думаю, что они выставляют на ночь посты, кроме того, один из их людей от вас убежал и он сообщит им о вашем приближении. Я знаю лучший путь туда.

— Пусть белый человек говорит! — закричали все.

— Вода, которая течет в вигвам, не остается внутри, но должна где-то вытекать наружу. Я отыскал это место и хочу сейчас повести к нему вашего юного вождя, чтобы посмотреть, нельзя ли оттуда проникнуть внутрь пещеры. Надо спросить пленных, знают ли они об этом!

При громком одобрении собравшихся предложение было принято; круг индейцев распался, из него вышел вождь и подошел к Питу Холберсу и Дику Хаммердалу, которые, связанные по рукам и ногам и с кляпами во рту, лежали поблизости.

Они слышали каждое слово. Замысел вражеского траппера имел свой резон, однако им самим ничего не было известно о втором входе в убежище.

Убежище Дедли-Гана представляло собой пещеру, созданную природой внутри меловой горы. Вход в нее был промыт ручьем, который, с шумом низвергаясь в дальнем углу пещеры в темное нутро земли, не имел больше, по мнению охотников, выхода на поверхность. Дедли-Ган сам нашел эту пещеру, оборудовал ее под жилье и никогда не упоминал о том, что у нее имеется еще один вход, помимо того, что был образован втекающим в нее ручьем.

У пленников вынули кляпсы изо рта, после чего их втащили в круг, и белый траппер начал допрос:

— Вы люди Дедли-Гана?

Не удостоив его взглядом, Хаммердал повернулся к своему товарищу.

— Пит Холберс, старый енот, как ты считаешь, стоит ли нам отвечать этому мерзавцу?

— Хм, если ты думаешь, Дик, что потом нам не будет стыдно, то скажи ему пару слов.

— Скажу я ему их или нет, это все равно, но он может подумать, что мы от страха перед ним и его индейцами потеряли дар речи. Поэтому давай-ка дадим ему возможность немножко нас послушать!

Траппер не обратил внимания на «мерзавца» и повторил вопрос:

— Ваш главарь — Дедли-Ган?

— Да, но не ваш, потому что Полковник не держит у себя подонков.

— Ругайтесь сколько влезет, если считаете, что это вам что-то даст, пока что я ничего не имею против. Как ваше имя?

— Если бы вы искали меня лет сорок и лет двадцать назад спустились бы вниз по Миссисипи, возможно, вам и встретился бы кто-нибудь, кто знает, как меня зовут. А сейчас уже слишком поздно.

— Ну что же, это не имеет значения. У вас есть золото в убежище?

— Конечно, есть, и много, очень много, — между прочим, намного больше, чем вам удастся его там взять.

— Где оно спрятано?

— Это все равно, где оно спрятано; попробуйте его найти!

— Сколько у вас людей?

— Достаточно, и каждый способен в одиночку противостоять всем вам, вместе взятым.

— Кто был тот индеец, который помог Полковнику у железной дороги?

— Это я могу вам сообщить: его зовут Виннету.

— Апач?

— Апач или не апач, это все равно, но это был именно он.

— Сколько входов у вашего убежища?

— Ровно столько, сколько людей.

— А именно?

— На каждого по одному, ни больше, ни меньше, не так ли, Пит Холберс, старый енот?

— Раз уж ты так считаешь, Дик, то я не имею ничего против!

— Что представляет собой ваша пещера?

— Посмотрите сами, сразу все узнаете!

— Хорошо, как вам угодно! У вас была возможность облегчить свою участь, но вам, как видно, не хочется ничего иного, как только быть привязанными к столбу и сожженными заживо. Вас отвезут в стойбище огаллала, и полагаю, вы и сами догадываетесь, что там произойдет!

— Тыфу! Сожгут или не сожгут, это все равно, но пока что мы еще не там, а здесь, и можете себе представить, сколько раз я поверну вас на вертеле, чтобы вы получше прожарились, если судьбе будет угодно вдруг поменять нас местами.

Траппер отвернулся.

— Пусть мои красные братья покрепче связуют этих белых собак, они вполне заслужили смерть у столба пыток!

Индейцы подтянули ремни, которыми были связаны Хаммердал и Холберс, и снова бросили пленников на землю. Костер все еще горел, но огонь в нем поддерживался столь экономно, что дым от него нельзя было заметить уже на расстоянии нескольких шагов. Вечерние сумерки, казалось только что золотившие верхушки деревьев, сменились темнотой, которая с каждой минутой становилась все более мрачной и непроницаемой; под пологом леса лишь тренированный глаз индейца или опытного белого охотника с трудом мог различить даже ближайшие предметы.

Именно в это время уже знакомый нам траппер решил показать предводителю краснокожих пещеру Дедли-Гана. Они отправились туда вдвоем, прочие остались на месте. Юный вождь бесшумно шагал вслед за белым. Их путь, а, несмотря на темноту, траппер двигался весьма уверенно, пролегал между мощными стволами вековых дубов и буков, пока наконец они не оказались на берегу небольшой речки, скорее даже ручья, вверх по которому они и пошли с удвоенной осторожностью.

Спустя некоторое время они достигли места, где поток вырывался на поверхность из толщи скалы. Вокруг рос густой кустарник. Раздвинув руками ветви, траппер мгновенно исчез в зарослях. Индеец последовал за ним. Они оказались в тесном природном туннеле; его пол служил ложем ручья, в воде они медленно поползли вперед.

Путь, по которому им теперь приходилось двигаться, оказался необычайно тяжел. Трапперу он тоже не был знаком, днем он дошел только до входа в туннель. Уже более получаса ползли они внутри горы, следя прихотливым извивам, проделанным в скале неутомимым потоком, и с трудом преодолевая небольшие стремнины, как вдруг из глубины туннеля стало доноситься легкое шипение, которое, с каждой секундой становясь все громче и громче, вскоре превратилось в мощный рев, делающий неслышным любой, даже самый громкий человеческий голос.

Они стояли перед подземным водопадом. Наверху, над ними находилось убежище Дедли-

Гана; у их ног, в глубоком колодце, пробитом в скале падающим сверху ручьем, бурлила вода. Если подземное русло действительно использовалось в качестве тайного выхода, значит, поблизости должно было иметься какое-то приспособление, делающее возможным безопасный спуск рядом с низвергающимся потоком.

Траппер пошарил в темноте. Его ожидания не были обмануты: он нашупал сплетенный из лианы двойной канат, достаточно толстый и надежный, с навязанными на нем многочисленными узлами, так что забраться по нему наверх не составляло большого труда.

Знаками, поскольку услышать друг друга из-за шума падающей воды было невозможно, он сообщил своему спутнику о находке и о тех действиях, которые требовалось вследствие этого предпринять; потом, удостоверившись, что на другом конце канат хорошо закреплен, он осторожно полез вверх.

Индеец последовал за ним. Это была тяжелая и опасная для непосвященного работа — карабкаться по отвесной стене, под дождем брызг, оглохнув от многократно усиленного в тесном пространстве рева водопада, когда внизу — лишь пропасть, а наверху, возможно, затаился бдительный враг. Двоих искателей приключений это не остановило; одного гнала вперед ненасытная жажда золота, которого, как рассказывали, было необычайно много там, куда они стремились попасть; другому не давал покоя избыток юношеских сил.

Подъем закончился благополучно, и они очутились в верхнем русле ручья. Рев водопада исключал возможность услышать какие-либо звуки впереди; им пришлось пробираться вперед на ощупь, пока давящий на уши шум снова не превратился в легкое шипение. Вдруг траппер остановился — ему показалось, что он услышал звуки человеческих голосов. Вытащив нож, он разрезал взятый с собой сверток, достал оттуда заботливо оберегаемый от воды револьвер и вместе с готовым к бою индейцем бесшумно двинулся вперед. Пройдя еще немного, они легли на пол и, затаившись, услышали негромкий разговор:

— Проклятье, ремни врезались мне в тело, будто в них навязаны железные колючки! Черт бы побрал этого Дедли-Гана вместе со всей его гоп-компанией!

— А я тебе скажу: брось жаловаться, лучше все равно не будет. Мы сами во всем виноваты. Веди мы себя более внимательно, нас не застали бы врасплох. Этот Виннету — просто дьявол, Полковник, настоящий Геркулес, а остальные, судя по всему, на собственной шкуре знают, что такое удар ножа. Одно утешение — похоже, они нас не убьют, и это вселяет некоторую надежду. Скоро я сумею освободить руки, и тогда... тогда я сумею с ними рассчитаться, потому что...

— Мертенс, Генрих Мертенс, это вы? — прозвучал вдруг неожиданный вопрос из глубины помещения, в котором лежали Мертенс и Летриер.

— Кто здесь? — удивленно отозвался тот, к кому обратились.

— Скажите сначала, кто вы!

— Генрих Мертенс и Петер Вольф, больше тут никого нет. Нас бросили сюда связанными и заперли. Наши враги сейчас достаточно далеко, и они нас не услышат. А вы кто?

— Это вы скоро узнаете. Ну-ка, повернитесь, сначала мы избавим вас от ремней.

Несколько уверенных движений — и пленники оказались свободны от пут. Обменявшиеся парой слов, четверо мужчин узнали друг друга.

— Как вы попали в пещеру? — спросил Мертенс. — Она кончается у водопада!

— Для не умеющих шевелить мозгами дураков — да, однако, хорошенько обдумав все дело, я быстро раскусил старика Дедли-Гана. Вода не может исчезать внутри горы.

— О!

— Где-то у нее должен быть сток.

— В самом деле. И как это мне не пришло в голову!

— Я нашел место, где она вытекает, и еще кое-что в придачу.

— Дальше, дальше! — нетерпеливо потребовал Мертенс.

— Рядом с водопадом вниз сброшен конец прочного каната, другим концом он закреплен наверху. С его помощью можно легко спуститься в нижнее русло ручья, а оттуда наружу. Хотите с нами? Конечно хотите!

— Весьма охотно, но, к сожалению, так не пойдет.

— Почему? Вы боитесь разок слазить по канату?

— Тьфу! Скорее всего, мы гораздо больше вашего имели дело с разными тросами да канатами. Просто если мы последуем за вами, то все испортим. И вам, и нам.

— Не понял...

— Будет гораздо лучше, если вы нас снова свяжете и оставите на месте до тех пор, пока не вернетесь обратно со всеми вашими индейцами.

— И все же я никак не возьму в толк, почему вам тут так понравилось.

— Если бы я чего-нибудь боялся, то, конечно, поостерегся бы остаться. Но вспомните, сколько золота спрятано тут, в пещере. Если наш побег будет не вовремя обнаружен, мы все потеряли, потому что, вернувшись, наткнемся на такой прием, что будем безмерно рады, если нам удастся унести ноги.

— Черт возьми, вы правы, — я бы и сам мог до этого додуматься! Нам потребуется несколько часов, чтобы снова оказаться здесь, и за это время все будет потеряно. У вас действительно хватит мужества на то, чтобы находиться здесь еще некоторое время?

— Пустой вопрос! Постарайтесь лишь устроить так, чтобы мы не остались в этой пещере навечно.

— Само собой! Эти краснокожие джентльмены хотят кое-что сказать компании Дедли-Гана, да и я не настолько глуп, чтобы оставить желтый металл лежать там, где он сейчас лежит.

— Хорошо, тогда свяжите нас снова!

— Идет! Я не буду вязать вас накрепко; кроме того, вот вам на крайний случай нож, он вам наверняка пригодится. Ну что же, все готово и нам пора!

Оба смельчака бесшумно исчезли в темноте. Пленники заняли свое прежнее положение; теперь они чувствовали себя намного лучше и увереннее, чем еще несколько минут назад...

Пока внутри убежища происходили описанные события, вне лагеря, недалеко от входа в пещеру, прислонившись к стволу дерева, стоял Бен Каннинг и внимательно вслушивался в каждый шорох, доносившийся из темноты ночи. Он находился в дозоре, охраняя покой компании от непрошеных гостей.

Вдруг он услышал негромкий всплеск, будто кто-то торопливо шел по ручью. Он мгновенно бросился на землю, чтобы, оставаясь незамеченным, получше рассмотреть приближающегося человека, ведшего на поводу лошадь. Неизвестный остановился недалеко от него и стал вглядываться в темноту.

— Have care... attention... внимание! Есть тут, на борту, кто-нибудь из вахты? — спросил он.

— Это ты, Петер Польтер?

— Ну да, а кто это еще может быть кроме Петера Польтера из Лангедорфа, а? Кого тут Полковник поставил? Темно, хоть глаз выколи, даже свой собственный бушприт не разглядишь!

— Кто я? Значит, Петер Польтер, стоя, как ствол гикори [44], в двух шагах от Бена Каннинга, не может его узнать? А где остальные?

— Которые остальные, старина?

— Ну как же — Хаммердал и Холберс! И как обстоят дела с мясом, которое вы должны были добить?

— Мясо, а также Толстого, равно как и Тонкого, вам придется добывать самим. Все это вместе взятое вы найдете там, — он неопределенно махнул рукой, — у индейцев, около реки, если за это время они не ускакали еще куда-нибудь.

— Индейцы... у реки? Что все это значит?

— Это значит, что у меня нет времени долго с тобой трепаться, — ответил Петер Польтер маленькому Бену, — я должен срочно увидеть Полковника, остальное ты потом узнаешь у него.

Он направился к входу в пещеру. Там горел костер, вокруг которого сидели охотники. Дедли-Ган узнал пришедшего.

— Вернулись, штурман? — спросил он. — Остальные, с мясом, пооотстали?

— Да, сэр, но только это мясо красного цвета! Их схватили и сейчас, вероятно, уже повесили или застрелили, а может, сожрали, большой разницы я в этом не вижу.

От неожиданности все вскочили со своих мест.

— Схватили? Кто? Рассказывай! — закричали охотники.

— Сейчас. Однако дайте мне сначала промочить горло и отрежьте какой-нибудь кусок пожирнее вон от той штуки. Я мчался как посыльный катер, и теперь мои суставы разболтаны подобно шпангоутам<sup>[45]</sup> у потерпевшего кораблекрушение фрегата. Пусть меня сожрут черти, если я еще хоть раз залезу в эти проклятые прерии и окажусь на хребте той мерзкой скотины, которая растряслас меня по кочкам так, что я потерял всякое представление о правильном курсе. Если бы животное само собой не приплелось в убежище, я так бы и дрейфовал по этим лугам еще лет десять!

Требуемое было ему дано, и он начал свой рассказ, возбудивший немалое волнение среди слушателей, хотя молчаливые, привыкшие себя сдерживать охотники проявили охватившие их чувства далеко не самым шумным образом.

— Хаммердал и Холберс в плена? — воскликнул Полковник. — Их необходимо освободить, и как можно скорее, потому что судебный процесс, который учинят над ними краснокожие, будет очень и очень коротким.

— Предлагаю отправиться немедленно! — высказал свое мнение Тресков, которому оба траппера пришли по душе. Он хотел как можно скорее помочь им.

— Да, — согласился Тиме, — мы должны немедленно идти им на помощь, иначе индейцы окажутся так далеко, что мы не сможем их догнать!

Дедли-Ган невесело усмехнулся.

— Вам придется подождать до рассвета, поскольку в темноте невозможно различать следы. Я сильно сомневаюсь, что штурман в состоянии привести нас сейчас к реке, где на них напали.

— Я? К реке? — обозлился Петер Польтер. — Какое мне дело до этого ничтожного водоема, где мы потерпели такое ужасное крушение? Пусть меня распилят пополам, если я смогу сказать, где находится эта мерзкая лужа — направо или налево отсюда. Я не взял с собой ни компаса, ни лота. Толстый и Тонкий тащили меня на буксире, и я, к сожалению, не дал себе труда обратить внимание на курс, которым мы следовали. И потом, эта чертова бестия понесла меня оттуда таким манером, что у меня немедленно отшибло и зрение и слух. Откуда я знаю, где находится эта река? Не лезьте ко мне с этим!

— Хи-хи-хи, — в своей обычной манере захихикал подошедший Бен Каннинг, — взрослый человек скачет по прерии и не знает, где он был! Теперь мы должны воспользоваться его следами, чтобы узнать, куда делись краснокожие. Весело, не правда ли?

— Побереги свой нос, крошка! — накинулся на него задетый насмешкой штурман. — Когда я стою на палубе корабля, то всегда знаю свои координаты; но тут, в прерии, и тем более на спине у такой чумовой твари чувствуешь себя настолько не в своей тарелке, что недолго и вовсе лишиться рассудка. Если хочешь найти этих краснокожих негодяев, ищи их сам!

— Я полагаю, что нам не надо ни идти по следам штурмана, ни искать краснокожих каким-либо другим способом, — сказал Дедли-Ган. — Юноши огаллала, охваченные воинственным пылом, последовали за взрослыми воинами, обнаружили их трупы и сейчас горят жаждой мести. Наверняка у них имеется тайный лагерь, куда они и уволокли обоих пленников. Там они их допросят и попытаются узнать местонахождение убежища, но Хаммердал и Холберс скорее умрут, чем скажут хоть слово об этом. Поэтому индейцам будет трудно его обнаружить; однако не исключено, что они наткнулись на своих отколовшихся товарищей, а этим последним отлично известно, где находится наше убежище, поэтому они могут решиться напасть на нас, и очень скоро, чтобы успеть сделать это раньше, чем сбежавший от них штурман сумеет нас предупредить. Поэтому я думаю, что они уже в пути и нам их вовсе не нужно разыскивать, мы просто-напросто должны ждать их появления здесь. Следовательно, дозорные могут снова занять свои места; посты должны быть удвоены. Остальным приготовиться к бою! И погасите костер перед входом, ребята! Факелы внутри пещеры могут гореть и дальше. Я пойду погляжу на наших пленных.

— И я с тобой, дядя, — сказал Тиме. — У меня есть свои причины беспокоиться о том, на месте ли пленные.

Он взял один из горевших факелов и пошел рядом с Полковником, освещая ему путь.

Придя к пленным, Дедли-Ган бросил на них изучающий взгляд, обратив при этом внимание на влажный и вследствие этого немного мягкий меловый пол грота. На его лице появилось и тут же исчезло легкое выражение удивления, едва заметное в слабом красноватом свете факела, падавшем на него лишь с одной стороны.

— Все в порядке, идем! — сказал он спокойно и вместе со своим сопровождающим покинул помещение.

Но, вернувшись обратно, он немедленно собрал всех.

— Послушайте, парни, все обстоит именно так, как я и предполагал. Краснокожие не просто на пути к нам, они уже побывали в убежище. Они нас обнаружили!

На лицах собравшихся отразилось близкое к ужасу удивление, пальцы потянулись к рукояткам ножей и револьверов. Полковник продолжал:

— Я должен поделиться с вами одной тайной, о которой я до сих пор из соображений общей безопасности никогда никому не открывал. У пещеры есть еще один выход.

Ответом ему был общий тихий возглас изумления.

Я нашел его в тот же день, когда первый раз увидел пещеру. Ручей имеет сток в ее дальнем конце. Падая вниз с большой высоты, вода пробила глубокий колодец и нашла выход наружу внутри горы. Рядом с водопадом я закрепил прочный двойной канат и, спустившись вниз и проравшись по подземному руслу ручья, обнаружил, что таким путем можно выбраться на поверхность. Канат висит до сих пор и находится в хорошем состоянии. Когда я сегодня ходил посмотреть на пленных, то увидел на полу чужие следы; взглянув на связанных, я убедился, что ремни повреждены.

— Как это могло случиться? — спросил Тресков. — Я вязал их сам и сделал так, что они никак не могли освободиться без посторонней помощи.

— Индейцы выслали разведчиков, которым удалось найти запасной выход. Они проникли внутрь, поднявшись по канату, нашли пленников, освободили их от пут и наверняка снабдили кое-каким оружием. Потом они ушли, чтобы привести своих.

— Почему же они не взяли с собой капитана и Марка Летриера? — спросил Тиме.

— Если бы мы преждевременно обнаружили пропажу, это вконец бы расстроило их планы. Значит, когда мы снова будем вязать обоих опасных парней, надо обязательно сделать так, чтобы они остались целы и невредимы. За мной, племянник, мы пойдем первыми! Остальные

пусть тихо следуют сзади и, когда начнется драка, а без нее нам, конечно, не обойтись, немедленно придут нам на помощь. Но мы должны любой ценой избежать кровопролития!

Во время этого обсуждения в гроте состоялся негромкий разговор.

— Марк, ты видел этот взгляд? — шепотом спросил Мертенс, когда Дедли-Ган и Тиме ушли.

— Какой взгляд?

— Я хочу сказать — ты обратил внимание на то, как Полковник посмотрел себе под ноги?

— Нет.

— Он все понял.

— Не может быть! Он ушел совершенно успокоенный.

— Это не более чем притворство! Он увидел следы охотника и краснокожего; несмотря на плохое освещение, я это сразу определил. У него лицо передернулось. Потом он на мгновение впился взглядом в наши ремни, и тон, которым он сказал «все в порядке», только подтвердил мои подозрения насчет того, что он разгадал наш план.

— Черт! А если он ушел только затем, чтобы привести сюда людей и связать нас снова? Свихнуться можно!

— Думаю, он именно это и сделает.

— Я буду драться насмерть. Если они нас опять поймают, тогда все пропало. Запрут нас в другом месте, а сами станут дожидаться индейцев. Вместо нас.

— Наверняка! Но в драке нет необходимости.

— Почему?

— Самый простой и к тому же единственный путь спасения состоит в том, чтобы не медля ни секунды бежать.

— Капитан, а если вы ошибаетесь и старик ничего не заметил?

— Тогда все было бы по-другому. Они бы не пришли сюда до появления индейцев — так что наш план нападения на убежище ими, вне всякого сомнения, раскрыт. Надо уходить, нам известен путь, который может привести нас к спасению. Быстрее, а то как бы не оказалось слишком поздно!

Легко освободившись от ремней, они поднялись на ноги и поспешили вниз, на шум воды. Оказавшись там, они, после лихорадочных и несколько затянувшихся поисков нашли наконец канат, по которому начали осторожно спускаться вниз. Добравшись до подножия водопада, где на поверхности бездонного природного колодца бурлил и клокотал, избавляясь от лишней энергии, низвергнутый с огромной высоты поток, Мертенс, спускавшийся первым, не выпуская из рук каната, прощупал ногами тесные скальные стены и обнаружил низкий проем, куда уходила поступающая сверху вода. Одним прыжком он оказался там и потянул на себя канат, чтобы показать направление своему спутнику. Это был опасный для обоих беглецов момент, так как из-за рева водопада нельзя было сказать друг другу ни слова, но все закончилось благополучно, и, хотя им пришлось потом долго ползти на коленях по дну ручья, они, промокнув насеквоздь, но во всем остальном не потерпев никакого ущерба для здоровья, очутились через некоторое время на свободе.

Кашляя и отряхиваясь, они поднялись во весь рост и так и застыли на некоторое время, отдыхая от пережитого напряжения.

— Мы должны подождать здесь, пока не придут индейцы, — высказал свое мнение Летриер.

— Не годится. Полковник пошлет за нами погоню, как только обнаружит наше отсутствие. Надо уходить.

— Но мы не знаем, где находится лагерь краснокожих!

— Неважно. Нам не следует слишком удаляться отсюда, будет лучше, если мы найдем укромное место где-нибудь поблизости и понаблюдаем за развитием событий.

— Да, лучше и не придумаешь, капитан; ведь если мы встретим индейцев, нам придется снова лезть обратно, а лично я, например, нахожу в этом чертовски мало удовольствия. Гораздо разумнее, на мой взгляд, если кто-то другой станет таскать для нас каштаны из огня.

— И я того же мнения! Пошли!

Они отошли на некоторое количество шагов в сторону и спрятались в густом кустарнике. Там, стараясь по возможности не двигаться, они стали напряженно вслушиваться в темноту ночи.

Через некоторое время их ушей достиг еле слышный звук, подобный стрекоту насекомого.

— Индейцы... — прошептал Мертенс.

Он не ошибся. Во главе с белым охотником и сыном Матто-Си они приближались, один за другим, осторожной длинной цепочкой. Остановившись у тайного выхода, они устроили короткое совещание, после чего стали по очереди исчезать в небольшом отверстии, через которое вытекал ручей. Двое, однако, остались снаружи.

Прошло очень много времени. Небо, которое ночью, из-за темноты, сливалось с кронами деревьев, начало медленно светлеть. Стали видны мощные стволы столетних великанов, вскоре уже можно было различить отдельные ветви, проснулись и запели свои утренние песни птицы, — ночь нехотя уступала свои права дню; наступил рассвет.

Двое индейцев, оставленных сторожить выход, неподвижно стояли около того места, где ручей вытекал из горы. По всей видимости, они испытывали немалое беспокойство из-за неожиданно долгого отсутствия своих соплеменников, хотя ни один мускул на их юных, бронзового цвета лицах не выдавал их волнения. Опершись на ружья, в полном индейском вооружении, они застыли как два изваяния.

Вдруг тишину раскололи два выстрела, прозвучавших настолько одновременно, что они буквально слились в один. Пораженные в голову, оба краснокожих мгновенно свалились на землю. В следующее мгновение около них выросли фигуры двух людей, сумевших незаметно от своих жертв приблизиться к ним по дну ручья. Это были Дедли-Ган и Бен Каннинг.

— Хи-хи-хи, — захихикал Бен, — юнцы слишком рано вообразили, что они уже достаточно умны, а между тем еще не научились ни видеть, ни слышать как следует. Не правда ли, Полковник? Кроме того, они забыли уничтожить следы, и теперь мы сможем легко найти их лагерь, где они держат Толстого с Длинным.

— Ты сможешь один подняться в пещеру, Бен?

— Почему нет? Или вы думаете, что Бен Каннинг боится наглотаться воды?

— Тогда возвращайся в пещеру и, пока я пойду по следам, обходным путем, вокруг горы, приведи сюда остальных. Думаю, достаточно будет оставить одного часового — все чисто. Отсюда вы пойдете за мной, и постарайтесь догнать меня как можно быстрей.

Согласно кивнув, маленький траппер исчез в темной дыре, а Дедли-Ган занялся следами. Отпечатки ног были столь отчетливы, что по крайней мере в начале преследования не требовалось особого напряжения внимания, чтобы их различить, и он не стал тратить время на внимательный осмотр местности. Поэтому этот столь проницательный человек не обратил внимания на примятую ночью беглецами траву и вскоре, идя по следам индейцев, исчез в лесу за деревьями.

Снова прошло довольно много времени, потом капитан прошептал:

— Все это плохо, очень плохо! Эти маленькие храбрые индейцы благополучно поднялись по веревке в пещеру и были сразу же безжалостно убиты. Мне жаль их! Мы снова оказались совсем одни против Дедли-Гана и его людей.

— Быть может, было бы лучше, капитан, если бы мы незаметно отправились вслед за ним? — спросил Марк Летриер. — Нам все равно нужны лошади, а рассчитывать мы можем только лишь на индейских мустангов.

— Это невозможно. За ним пойдут охотники, а они мгновенно обнаружат наш след.

— А что нам мешает укокошить старика? У нас есть нож.

— Марк, мы умеем делать очень и очень многое, но вестменами [46] нас назвать нельзя. У Полковника отличный слух, и вооружен он намного лучше, чем мы. Даже если мы сумеем с ним справиться и доберемся до лошадей, то все равно через короткое время нам придется иметь дело со всей его разъяренной бандой.

— Когда старика не будет, остальных можно не бояться. Сумасшедший штурман, Тиме и эта невзрачная полицейская ищейка, — они смысят в прериях не больше нас и...

— А Виннету, апач? — прервал его Мертенс.

— Черт! Да, вот о нем я не подумал. Он в состоянии в одиночку догнать нас и раскроить нам черепа своим мерзким томагавком. Но что делать? Мы же не можем торчать здесь вечно.

— Ты глуп, Марк. В убежище лежит целая куча золота. Мы спокойно подождем, пока охотники уйдут, и...

— И тогда?

— Тогда, — как можнотише прошептал капитан, хотя подслушивать их было некому, — тогда мы вернемся обратно тем же путем, которым пришли.

— Черт возьми! В пещеру?

— Разумеется!

— Нас убьют!

— Нет. Ты же слышал, что в качестве часового там останется всего один охотник. Он будет стоять достаточно далеко от пещеры, у ручья, и ничего не заметит.

— Ага... Верно! Полковник сделал большую ошибку, не оставив никого здесь, внизу.

— Само собой. Итак, мы идем обратно в пещеру.

— Обратно в пещеру! — лихорадочно повторил его слова спутник, которому новое приключение начинало нравиться.

— Поищем золото...

— Золото...

— Найдем его и...

— И?

— Как следует вооружимся, потому что в убежище полно оружия, как огнестрельного, так и холодного.

— Ну да, там у них целый арсенал.

— Потом прикончим часового.

— Это, безусловно, необходимо.

— Выберем себе по хорошему коню.

— А где они стоят, капитан?

— Этого я пока не знаю, но думаю, что их нетрудно найти. Вверх по ручью охотники всегда ездят верхом, значит, недалеко от него должно быть место, где они их привязывают. Если мы внимательно осмотрим берега, то, скорее всего, найдем их.

— И тогда? — спросил Летриер.

— Тогда уедем отсюда. Куда — это мы потом уточним, во всяком случае — в сторону запада. Если у нас в руках будут деньги или золото, то мы посмотрим, почем в Сан-Франциско...

Он оборвал свою речь на полуслове. Негромкий треск ветвей, несколько в стороне от того

места, где они спрятались, заставил его замолчать.

Стал слышен звук шагов. Между кустами пробирался Бен Каннинг и вслед за ним — все обитатели убежища, за исключением оставленного у входа в пещеру часового. Не останавливаясь, они пошли дальше по хорошо заметным следам, которые оставил для них Дедли-Ган. Оба беглеца затаили дыхание; опытный и наблюдательный апач мог случайно бросить взгляд на еле заметные теперь отпечатки их ног. Однако опасность миновала, поскольку Виннету, полагаясь на шедшего впереди траппера, не слишком внимательно смотрел по сторонам.

— Grace a dieu! — сказал Летриер, когда треск сучьев затих вдали. — Воистину все висело на волоске, и, хотя я и без того насквозь мокрый, у меня такое ощущение, будто меня окунули с головой, до такой степени я вспотел.

— Теперь пора, но надо быть осторожными, — мы должны уничтожить свои следы.

Это занятие ввиду отсутствия необходимых навыков потребовало от них значительных усилий, и прошло довольно много времени, прежде чем они снова исчезли в подземном русле ручья. Они знали путь, который уже однажды прошли, и поэтому без особых затруднений оказались наверху. Карабкавшийся вслед за своим господином Летриер уже выпустил из рук канат, ступив твердой ногой на дно пещеры, когда Мертенс остановил его, положив руку ему на плечо. Под ногами у них лежало множество человеческих тел. Ощупав их, они убедились, что эхо убитые юноши индейцы. Они перешагнули через трупы и, пройдя еще немного, попали в грот, где еще недавно лежали связанными. Здесь они снова смогли поговорить друг с другом.

Летриера трясло.

— Бэр, капитан, бедных мальчиков спокойно хватали одного за другим, как только они оказывались наверху, и сразу же резали как баранов. Какое счастье, что мы не пошли с ними, иначе нас ждала бы та же судьба!

— У нас нет времени философствовать. Вперед, к оружию!

Они вошли в убежище, покиннутое трапперами. Всего один человек стоял на часах снаружи. К главному помещению пещеры примыкали несколько небольших комнат. Стены одной из них были увешаны всякого рода оружием, какое только может понадобиться в прериях. Имелись тут также в большом количестве порох, свинец и формы для отливки пуль. В соседней комнате лежал небольшой запас продовольствия. В главной пещере горела масляная лампа.

Первым делом Мертенс и Летриер запаслись всем необходимым, после чего начали искать спрятанные сокровища.

Но все их усилия оказались тщетными. Драгоценное время шло, и поиски с каждой минутой принимали все более лихорадочный характер, не принося тем не менее никакого результата.

— Слишком хорошо они его спрятали, Марк, — сказал наконец Мертенс, когда они добрались до последней оставшейся необъисканной комнаты. — И если даже мы его найдем, что мы будем делать дальше? Золото вещь тяжелая, и я не знаю, как нам быть.

— Мы его погрузим на запасных лошадей.

— Это единственный возможный выход, но мы не сможем двигаться быстро. Однако смотри, похоже, это жилище Полковника!

В помещении, которое было увешано невыцубленными шкурами, служившими для поглощения выступающей на стенах влаги, стояли несколько грубо сколоченных стульев и ящиков, причем последние возбудили особенный интерес ищущих, которые к ним немедленно кинулись. Однако среди лежавшей там одежды и разных не представлявших в данном случае ни малейшего интереса предметов не оказалось никаких следов золота. В спешке вещи беспорядочно раскидывались по полу. Вдруг капитан издал негромкий радостный возглас: он

увидел старый потертым бумажник, заботливо уложенный на дно одного из ящиков.

— Это, конечно, не золото, но явно не без цены! — сказал он.

Вернувшись в главную пещеру, так как там было светлее, он развернул находку.

— Что там, капитан? — взволнованно спросил Летриер.

— Ничего, совсем ничего, я опять ошибся, — внешне спокойно ответил тот, однако внутри у него все ходило ходуном.

Внутри оказались в высшей степени ценные депозитные бумаги. Дедли-Ган поместил большую часть золота под проценты в различных банках на востоке страны, получив взамен векселя. Обладатель этих векселей мог в любой момент обратить их в звонкую монету в первой попавшейся банковской конторе. Но Летриеру было вовсе не обязательно об этом знать.

Денежные суммы, соответствующие этим банкнотам, принадлежали не одному только Полковнику, но всей компании в целом, именно поэтому они были столь велики. По всей видимости, здесь должны быть также запасы золотого песка и самородков, но найти их оказалось невозможно. Пока Мертенс и Летриер обменивались замечаниями по этому поводу, они вдруг услышали шум. Это был часовой, вошедший в пещеру. Мертенс застрелил его одним из найденных им револьверов, который он уже успел зарядить.

— Теперь прочь отсюда! — сказал он, убирая револьвер. — Нам нужны лошади. Надеюсь, что мы их найдем.

Они взяли с собой из найденного все, что сочли нужным, и пошли к основному выходу из пещеры. Выйдя наружу, они двинулись вдоль ручья и вскоре наткнулись на тропинку, которая привела их на поросшую травой поляну, где компания держала своих лошадей. Здесь же на деревьях висели седла и узелки.

Осадлав двух коней, они сели на них и поскакали прочь...

Между тем все охотники, за исключением одного часового, оставленного, на его несчастье, в одиночестве охранять убежище, шли по следам юных индейцев, чтобы освободить Дика Хаммердала и Пита Холберса. Вскоре они догнали шедшего впереди Дедли-Гана. Он решил взять всех, так как было неизвестно, со сколькими краснокожими придется иметь дело. Вместе с Виннету они двигались впереди, читая следы. Отпечатки ног были очень отчетливы, потому что индейцы совершили свой марш ночью, и поэтому не составляло труда не потерять их. Однако прошло несколько часов, прежде чем они наконец увидели тот лес, где находился лагерь краснокожих и куда сын вождя притащил вчера Хаммердала и Холберса. Напрямик идти было нельзя, потому что индейцы их сразу бы обнаружили, они отклонились от следов и резко взяли в сторону, так что попали в лес примерно в пятнадцати минутах ходьбы от того места, где должны были это сделать, продолжая движение по прямой.

Оказавшись среди деревьев, они были вынуждены сделать еще один крюк, чтобы подойти к лагерю с тыла. С каждым шагом требовалось быть все более осторожными. Охотники перебегали от одного куста к другому, прятались за стволами деревьев, пока Виннету, шедший впереди, не подал условный знак. Он услышал голоса, и, оставив прочих на месте, они вдвоем с Дедли-Ганом поползли дальше. Вскоре они увидели то, что искали. Полковник сразу понял, что, взяв с собой всех своих людей, он проявил излишнюю осторожность, так как кроме двух лежащих на земле связанных пленников здесь находились еще лишь три человека, а именно два индейца и тот белый, что подбивал вчера краснокожих напасть на убежище. Понадобилось лишь несколько минут, чтобы окружить их. Троим пришлось сдаться без сопротивления, и они были тут же застрелены, хотя и против воли Виннету и Дедли-Гана. Пленников освободили от ремней.

— Судя по всему, Дик Хаммердал, вы вели себя достаточно неосторожно, раз уж вас удалось взять в плен таким молокососам, — сказал Дедли-Ган.

— Осторожно мы себя вели или неосторожно, это все равно, — проворчал Дик, разминая затекшие суставы. — Они застали нас врасплох. Ничего нельзя было сделать. А ты что думаешь по этому поводу, Пит Холберс, старый енот?

— Хм! — откликнулся Длинный. — Если ты считаешь, Дик, что ничего нельзя было сделать, значит, так оно и есть, тем более что мы, собственно говоря, ничего и не сделали.

— И белый был с ними! — удивился Полковник.

— Да, — кивнул Хаммердал, — именно этот парень и обнаружил убежище. Он водил туда молодого вождя, показывал место, но потом не пошел с ними, а остался тут. Как там у вас дела? Краснокожие обратно не пришли.

— Пришлось их всех кончить; подробности мы тебе расскажем по дороге. Сейчас мы должны как можно скорей возвращаться, дома у нас остался всего один человек.

Какую большую ошибку он совершил, Дедли-Ган понял сразу, как только снова оказался в убежище. Они нашли труп часового, увидели перерытые помещения пещеры; в том, кто это сделал, ни у кого не возникло ни малейших сомнений. Немного успокоило Полковника то обстоятельство, что тайник с большим запасом самородков и золотого песка не был найден. Тем больше было его огорчение, когда он обнаружил пропажу ценных бумаг. Гнев, охвативший его, передался остальным, всех обуревало единственное желание: немедленно броситься в погоню за Мертенсом и его приятелем.

Деньги должны были помочь ворам ускользнуть от преследователей, если бы им удалось добраться до какого-нибудь населенного пункта, поэтому нельзя было терять ни минуты. Участвовавших в погоне трапперов также требовалось снабдить необходимыми денежными средствами на тот случай, если от их наличия будет зависеть успех дела. Как говорится, нет худа без добра, и то обстоятельство, что грабители не смогли найти самородки, оказалось как нельзя более кстати...

## ПИРАТСКИЙ НАЛЕТ

Подъезжая верхом к Сан-Франциско с востока, путник вынужден сделать остановку в Окленде из-за лежащего на его пути залива шириной примерно одиннадцать километров. Серьезным препятствием залив, однако, не является ввиду наличия удобных, в том числе и для всадника с лошадью, средств для пересечения этой значительной водной преграды. Между Оклендом и Сан-Франциско курсируют широкие и надежные паромы.

С одного из таких паромов сошли как-то двое верховых, которые за все время плавания так и не сочли нужным покинуть седла. Их породистые кони имели весьма загнанный вид. Всадники же производили впечатление людей, давно забывших, что такое блага цивилизации. Их спутанные бороды клочьями свисали на грудь, лица скрывались под надвинутыми на лоб охотничими шляпами с широкими полями, кожаные куртки, казалось, были сделаны из потрескавшейся древесной коры, а вся прочая одежда свидетельствовала о страшных испытаниях, выпавших на долю этих мужчин.

— Наконец-то, grace a dieu! — вздохнул один из них. — Вот мы и у цели, Марк, и я думаю, что нашим невзгодам скоро придет конец.

— Извините, капитан, но я никак не могу разделить вашей уверенности. Лично я почувствую себя спокойно, лишь стоя на палубе корабля, находящегося в нескольких милях от берега. Черт меня возьми со всеми потрохами, если Полковник не мчится за нами по пятам со всей своей шайкой!

— Это возможно, но не слишком вероятно. Полагаю, что нам удалось ввести его в заблуждение и он считает, что мы направились к перевалу, намереваясь попасть в Британскую Колумбию<sup>[47]</sup>. Мы не зря сделали этот огромный крюк.

— Хотелось бы думать, что вы не ошибаетесь, но я ни на йоту не верю этим паршивым трапперам и считаю за лучшее как можно скорей попасть на какое-нибудь судно и навсегда забыть об этой проклятой стране.

— Прежде всего нам надо снова обрести приличный вид.

— Для этого нужны деньги.

— Само собой. Посмотри туда. — Он показал направо, на стоявший невдалеке барак, под низкой крышей которого красовалась вывеска с грубо намалеванной на ней надписью: «Джонатан Ливингстон, торговля лошадьми».

— Торговля лошадьми? — сказал Марк. — За наших полуодыхлых кляч здесь много не дадут!

— Увидим.

И они повернули коней к дому с вывеской. Едва они спешились, как открылась дверь и из дома вышел человек, в котором за тысячу шагов можно было узнать еврея — торговца лошадьми.

— Кто вам нужен, джентльмены? — спросил он.

— Мы хотели бы видеть достопочтенного мистера Ливингстона, сэр.

— Так это я и есть.

— Вы покупаете лошадей?

— Хм... да... Таких, правда, нет, — ответил он, сопроводив свои слова пренебрежительным жестом, бросив, однако, при этом внимательный взгляд на измученных животных.

— Well, в таком случае, good-bye, сэр! — Мартенс мгновенно вскочил обратно в седло и

сделал вид, что собирается удалиться.

— Мистер, потише, потише... Хотелось бы еще немного посмотреть на ваш товар.

— Если вы не покупаете «таких», то нам больше не о чем говорить. Мы вовсе не какие-нибудь там гринхорны!

— Так-так. Спуститесь, пожалуйста, снова! Хм, ужасно, ну просто ужасно! Вы приехали из прерии?

— Yes!

— Вряд ли смогу вам что-нибудь предложить; надо бы подождать, возможно, они еще выпрявятся, — ворчал он, внимательно осматривая лошадей со всех сторон. — Сколько вы за них хотели бы?

— А сколько вы дадите?

— За двоих?

— За обоих.

— Хм, тридцать долларов, не больше... но и не меньше.

В следующее мгновение Мертенс снова оказался в седле и не отвечая поехал прочь.

— Стоп, сэр, а сколько вы хотите получить? Сдается мне, что вы вовсе не прочь их продать.

— Да, но не вам.

— И все же вернитесь. Я даю сорок.

— Шестьдесят!

— Сорок пять!

— Шестьдесят!

— Пятьдесят!

— Шестьдесят!

— Не могу! Пятьдесят пять, и ни цента больше!

— Шестьдесят, и ни цента меньше. Всего хорошего!

— Шестьдесят? Это мне вовсе не подходит... Но стойте, эй, подождите же... останьтесь, вы их получите, свои шестьдесят, хотя эта скотинка и не стоит таких денег!

Мертенс, ухмыляясь, повертил коня и снова спешился.

— Ну что же, забирайте. Между прочим, вместе с седлами и уздечками!

— Зайдите, мистер, а ваш приятель пусть пока постоит тут.

Торговец привел его в небольшой чулан, разделенный на две части старым дырявым занавесом. Исчезнув за ним, он через короткое время появился с деньгами.

— Вот шестьдесят долларов. Вы получили бешеные деньги!

— Ба, не смешите меня! Однако... хм... вас знают в Сити?

— Лучше, чем многих.

— Тогда вы мне, вероятно, можете подсказать...

— Где находится гостиница?

— Нет, мне нужен ближайший банк или ломбард.

— Ломбард... хм, а что вы хотели бы заложить?

— Не имеет значения.

— Это имеет значение, сэр, если вы действительно хотите, чтобы я дал вам именно те сведения, которые вам нужны.

— Я хочу продать одну ценную бумагу.

— Под какое обеспечение она выдана?

— Под золотой песок и самородки.

— Черт возьми! Покажите мне ее.

— Это не имеет смысла.

— Отчего же? Если эта ваша бумага в самом деле имеет ценность, я куплю ее сам. Я иногда совершаю подобного рода сделки — в тех случаях, заметьте, когда это сулит какую-то выгоду.

— Вот она! — Он достал найденный в Hide-Spot бумажник, вытащил оттуда одну из банкнот<sup>[48]</sup> и протянул ее торговцу. Пристально посмотрев на странного типа в ветхой, рваной одежде, тот изобразил на лице крайнее удивление.

— Двадцать тысяч долларов на предъявителя, банк Чарлза Брокмана, Омаха! Банкнота настоящая. Сколько же вы за нее хотите?

— А сколько дадите вы?

— Половину.

Мертенс взял бумагу у него из рук и направился к выходу.

— Всего доброго, мастер Ливингстон!

— Стойте! Сколько вы хотите за нее?

— Любой банкир не торгуясь выложит мне восемнадцать тысяч, но я уже сижу здесь у вас и, кроме того, тороплюсь. Выкладывайте шестнадцать, и банкнота ваша.

— Это невозможно. Я ведь не знаю, являетесь ли вы законным...

— Well, сэр, вам она ни к чему, и закончим на этом!

Ливингстон, схватив его за рукав, стал поднимать цену все выше и выше и кончил тем, что принес из-за драного занавеса требуемую сумму. Он принадлежал к тому типу готовых торговать всем подряд деловых людей, которые, несмотря на свой невзрачный и не свидетельствующий о кредитоспособности внешний вид, никогда не испытывают недостатка в необходимой наличности.

— Вот вам деньги; сегодня у меня такой день, что я все время вынужден уступать. Может быть, у вас есть еще векселя для продажи?

— Нет. Всего доброго.

Он ушел. Ливингстон проводил его во двор и там занялся купленными лошадьми. Оба чужака удалились. Появился работник, принявшийся освобождать животных от сбруи.

— Хороший барыш, — проворчал Ливингстон, — великолепная порода, ладно сложены; их, конечно, загнали, но при хорошем уходе они скоро снова будут выглядеть как надо.

Он все еще ходил вокруг них, когда на узкой улице раздался громкий топот копыт. Между домами галопом неслись двое всадников, прибывших со следующим паромом. Один из них был индеец, другой — белый, с густыми, падающими на плечи волосами. Заметно было, что им тоже пришлось пройти через немалые испытания, но ни в их посадке, ни в поведении их великолепных коней не было заметно ни малейших признаков усталости.

На скаку индеец случайно обратил внимание на знакомого нам торговца и в ту же секунду осадил коня.

— Пусть мой белый брат посмотрит на этих лошадей! — крикнул он.

Белый последовал за ним к дверям барака. Мельком взглянув на вывеску, он подъехал вплотную к торговцу и поздоровался:

— Good day, сэр! Похоже, вы купили этих лошадей весьма недавно?

— Yes, мастер, — ответил тот.

— У двоих, которые выглядят следующим образом? — И он дал подробное описание Мертенса или, по-другому, Бретиньи, и Вольфа, которого, как известно, прежде звали Летриер.

— Да, кажется, это были они, мастер.

— Они все еще здесь?

— Нет.

— Куда они направились?

— Не имею понятия; честно говоря, мне до этого нет никакого дела.

— Но вы должны хотя бы знать, в каком направлении они от вас ушли?

— Они завернули за угол вон там. Больше я ничего не могу сказать.

Траппер на мгновение задумался, потом бросил острый, проницательный взгляд на торговца и продолжил:

— Вы покупаете только лошадей?

— Лошадей и кое-что еще.

— Также и золотые самородки?

— Да. У вас они есть?

— Не здесь; они следуют за нами. Могу я вам предложить несколько штук?

— Да, но не сейчас. Я только что отдал все свои наличные деньги.

— Тем двоим?

— Одному из них.

— Он продал вам ценное письмо?

— Да.

— На какую сумму?

— Двадцать тысяч долларов.

— Не будете ли вы столь добры, сэр, дать мне посмотреть на эту бумагу?

— Зачем?

— Чтобы определить, не был ли у вас именно тот джентльмен, с которым нам очень хотелось бы встретиться.

— Хм, так! Бумагу вы увидите, но в руки я ее вам не дам. — Он ушел в барак и немного погодя вернулся с банкнотой. Внимательно ее рассмотрев, белый покачал головой.

— Вы получили у него лишь одну эту банкноту?

— Только эту.

— Благодарю вас, сэр! Эти люди, по всей видимости, к вам больше не придут, но, если это все-таки случится, не покупайте у них больше ничего, а заявите в полицию. Эти ценные бумаги принадлежат мне, они их у меня укради. Вероятней всего, я снова появлюсь у вас!

Он повертил коня, индеец сделал то же самое, и оба, с места пустив животных галопом, снова понеслись вдоль по улице.

Они не сказали друг другу ни слова, пока не достигли гавани. Там белый спросил:

— Мой красный брат сопровождал меня, когда мы преследовали грабителей в просторах прерии. Останется ли он со мной, если я буду вынужден взойти на корабль?

— Виннету обойдет вместе с Дедли-Ганом всю землю и не покинет его на большой воде. Хуг!

— Скорее всего, грабители захотят убежать за океан; они станут справляться об уходящих кораблях. Мы поступим точно так же и будем искать их среди пассажиров на всех отплывающих судах.

— Пусть мой брат сделает так, как он говорит, и останется у воды, чтобы я смог его найти потом. Виннету вернется туда, где мы сошли с парома, чтобы подождать и привести на это место остальных охотников, которые отстали от нас, потому что их лошади утомились.

Дедли-Ган согласно кивнул:

— Мой брат умен, пусть он поступит так, как сочтет нужным.

Он спешился у ближайшей гостиницы и отдал поводья подошедшему слуге. Апач же в одиночестве поскакал обратно тем же путем, которым они прибыли вместе с Дедли-Ганом...

В это время Бретини и Марк Летриер продолжали свой путь. Не спеша идя по улице, они обратили внимание на мужчину, вышедшего из одного из тесных переулков, который, не оглядываясь по сторонам, пересек улицу на некотором удалении от них. Среднего роста, но при

этом довольно стройный, он был одет как золотоискатель, ненадолго выбравшийся из своей штольни, чтобы немного отдохнуть от изнурительной работы и посмотреть на город. Драная шляпа с широкими полями была надвинута на лоб, однако она не могла скрыть огромное пятно синевато-красного цвета, простиравшееся от уха через всю щеку до самого носа.

Пораженный Бретини остановился и схватил своего спутника за руку.

— Марк, ты его узнал? — лихорадочно спросил он.

— Этого? Нет, капитан.

— Правда нет?

— Да, конечно.

— Я неправильно спросил. Это должно звучать так: ты ее узнал?

— Ее? Гром и молния! Фигура, осанка, походка... Нет, этого не может быть!

— Это она, говорю я тебе, она, и никто другая! Мы выглядим как дикари, я думаю, что на этом расстоянии она нас не узнала. Счастливый случай еще раз свел нас. Мы должны пойти за ней!

Они зашагали вслед за мужчиной, который спустя немного времени вошел в дощатый сарай, над дверью которого мелом было нацарапано: «Taverne of fine brandy». Слева и справа от надписи, на потрескавшихся досках, тем же мелом было изображено по бутылке.

— Что ей нужно в этом кабаке? У нее достаточно средств для того, чтобы посещать приличные заведения. Значит, все это не более чем маскарад и в ее действиях присутствует какая-то тайная цель.

— Может, стоит пойти за ней, капитан?

— Не годится, Марк. Несмотря на то, что мы сильно смахиваем на бродяг, она нас узнает мгновенно. Заведение сколочено очень грубо, в стенах есть щели; спереди подходить нельзя, но, может быть, я сумею найти сбоку или сзади какую-нибудь дыру, сквозь которую мне удастся что-нибудь подслушать. Ты останешься здесь и будешь наблюдать за входом. Если она выйдет раньше, чем я вернусь, сразу же беги ко мне.

Он завернул за угол. Обстоятельства оказались благоприятными. Пивная не имела дверей с обратной стороны и была отделена от другого подобного строения небольшим свободным пространством шириной в три шага. Бретини тихо пошел вдоль стены и вскоре обнаружил маленькую дыру от сучка, через которую он мог наблюдать большую часть зала со стойкой, — там сидело множество посетителей.

Человек с красным пятном занял место около широкой печи, но потом неожиданно исчез где-то в дальнем углу зала. Дальше в этом направлении, решил Бретини, должно существовать отдельное помещение, предназначенное для частных дел. Он осторожно двинулся дальше до тех пор, пока ему не показалось, что через тонкую стенку ему слышны негромкие голоса. Он остановился и, прижавшись ухом к доске, стал слушать.

— Где мы встретимся, сэр? — Этот вопрос был первым, что он услышал.

— Не здесь, это было бы невозможно, но также и не на набережной, а в маленькой бухте, той, что находится за последней рыбакской хижиной.

— Когда?

— Когда это случится, еще не совсем ясно; к одиннадцати часам вы должны собраться, но ничего не предпринимать до моего появления.

— Прекрасно. Придется, наверное, изрядно повозиться, прежде чем корабль будет наш.

— Не так уж и изрядно, как вы думаете. Офицеры и унтеры сегодня вечером приглашены на раут<sup>[49]</sup> на берегу, а на борту будет праздничное настроение, и это должно сыграть нам на руку.

— Посмотрим. На борту есть свои люди?

— Длинный Том и еще кое-кто из тех, что ждут нашего прихода.

— Тысяча чертей, вы хорошо обделываете дела. А что, капитан Кайман, он и в самом деле будет с нами?

— Обязательно. Мы сразу же поднимем якоря; ветер благоприятен; как раз будет отлив, и это нам в самый раз; если не случится непредвиденных неприятностей, об «Оррибле» скоро будут рассказывать те же самые истории, что прежде.

— На нас вы вполне можете положиться, сэр Нас около тридцати человек, и при хороших офицерах, стоя на палубе такого парусника, можно не бояться всех флотов мира.

— Я тоже так думаю. Вот вам подъемные и еще кое-что сверх того, на выпивку. Но пока не напивайтесь, иначе уже занесенный кулак может угодить мимо цели.

Раздался грохот отодвигаемого стула, говоривший последним ушел. Хотя голос был явно изменен и в нем преобладали низкие тона, Бретины узнал его сразу. Услышанное было настолько необычайно, что, не в силах совладать с охватившим его волнением, он на некоторое время застыл неподвижно, и неизвестно, сколько еще времени он продолжал бы так стоять, если бы его не вывел из оцепенения тихий короткий свист. В конце узкого проема, делая ему знаки, стоял Летриер.

— Она ушла. Быстрей, быстрей!

Капитан выбрался из тесного пространства между строениями как раз вовремя, чтобы увидеть, как объект его наблюдения исчезает за углом. Вдвоем они поспешили за ним по грязным переулкам пригорода, потом по широким улицам более приличных кварталов, пока наконец не оказались у решетки расположенного несколько особняком сада. Здесь он оглянулся и, не заметив ничего подозрительного, ловким кошачьим прыжком перемахнул через забор. Преследователи напрасно прождали больше часа — никто не появился.

— Скорей всего, она здесь живет, Марк. Давай-ка поищем дом, к которому относится этот сад.

Чтобы сделать это, им пришлось пройти целый переулок. Выйдя из него, они увидели великолепный экипаж, стоявший перед дверью дома, который, очевидно, был именно тем, который они искали. В экипаж как раз вошла дама и подала кучеру знак двигаться. Капитан и Летриер отступили обратно в переулок; роскошная карета проехала рядом, так что можно было легко разглядеть черты лица ее обладательницы.

— Это она! — воскликнул Марк.

— Да, это она, здесь не может быть ошибки. Я останусь здесь, а ты иди в дом и попытайся разузнать ее нынешнее имя.

Летриер повиновался приказу и через короткое время вернулся с нужными сведениями.

— Ну?

— Мадам де Булетр.

— О! Где она живет?

— Она занимает весь первый этаж.

— Идем в гавань, дальнейшее ты узнаешь там!

Они двинулись в названном направлении и по дороге зашли в «Магазин одежды», посещение которого полностью изменило их внешний вид. Медленно пробирались они сквозь толпу на набережной. Неожиданно Летриер вздрогнул от ужаса; он схватил капитана и затащил его за большую кучу мешков с каким-то товаром.

— Что случилось? — спросил тот.

— Выгляните, капитан, посмотрите и скажите, узнаете ли вы человека, стоящего под большим краном!

— Ах... тысяча чертей, это он — Полковник, Дедли-Ган! Значит, они не дали ввести себя в

заблуждение и все время следовали за нами по пятам. А где могут прятаться остальные?

— Как пить дать проклятый полицейский распределил их по городу, чтобы выяснить наше местопребывание.

— Наверняка. Старик нас заметил?

— Не думаю. Он глядел в другую сторону, когда я его увидел, к тому же ему будет трудно узнать нас в наших нынешних костюмах, во всяком случае если мы не станем подходить к нему слишком близко.

— Верно. А теперь посмотри-ка на рейд. Не кажется ли тебе знакомым корабль, стоящий рядом с броненосцем?

— Хм... да... это... это он... гром и молния, это не кто иной, как наш «Оррибль», я его сразу узнал, даже с измененными парусами и такелажем!

— Тогда пошли!

Стараясь все время находиться среди самой густой толпы, они нашли стоящий несколько особняком трактир, где заказали себе отдельный кабинет. Здесь они могли обсудить положение не опасаясь чужих глаз и ушей.

— Значит, ты узнал наш «Оррибль»? — спросил Бретиньи-Мертенс.

— Сразу, капитан.

— Знаешь, кто им сейчас командует?

— Нет.

— А известно ли тебе, кто им будет командовать завтра в это же время?

— Видимо, тот же, кто и сегодня.

— Нет.

— Значит, предстоит смена капитана?

— Думаю, да. Нынешнему придется выпить из большой кружки, а на его месте окажется небезызвестный Кайман, или, если тебе так больше нравится, капитан Кайман.

Марк Летриер ухмыльнулся.

— В таком случае мисс Адмиральша, вероятно, снова окажется шкипером? — спросил он, решив продолжить шутку.

— Определенно так.

— И будет, как в былье времена, мести палубу своей девятихвостой плеткой?

— А может, и нет. Я подберу для этой пантеры такой ошейник, который она не сможет перегрызть, даже если очень захочет, можешь не сомневаться!

— А верный Марк Летриер, какое место уготовано ему?

— Найдем что-нибудь подходящее.

— Как мне жаль этот карточный домик!

— А если это вовсе не карточный домик, но твердый, надежный и прекрасный корабль?

Летриер был искренне поражен его серьезным, уверенным тоном. Он посмотрел капитану в лицо и проворчал:

— Хм, на свете иногда происходят невозможные события. Во всяком случае, по отношению к нам это, безусловно, справедливо.

— Конечно. Послушай, что я тебе скажу, Марк!

Он рассказал ему о том, что ему удалось подслушать сквозь стену пивной, присовокупив свои собственные подозрения и выводы, к которым его привел услышанный разговор. Марк застыл от удивления.

— Черт! От этой бабы всего можно ожидать.

— Она выполнит задуманное, это наверняка.

— А мы?

— Разве я не сказал тебе, что сегодня вечером я буду командовать «Орриблем»?

— Прекрасно! Но так просто она не уступит.

— Тыфу! Я и раньше ею командовал, и сейчас постараюсь сделать так, чтобы в этом смысле все осталось по-старому. Но она все та же. Украдь корабль! В Сан-Франциско, посреди гавани! Чудовищно! Но это как раз именно то, что нам нужно. Какое счастье, что мы ее встретили и узнали, несмотря на весь этот маскарад!

Пока они вели этот разговор, в апартаментах мадам де Булетр в самом разгаре были приготовления к великолепному званому ужину. Здесь оказались представлены лакомства всех стран и изысканные вина из самых знаменитых винодельческих регионов планеты. Давно возвратившись с прогулки, хозяйка уделяла самое пристальное внимание этим последним. Открыв некоторое количество бутылок, она аккуратно всыпала в каждую из них незначительное количество приятного на вид белого порошка, после чего снова тщательно их закупоривала.

Вечер приближался; становилось темно, и из окон ее жилища струились потоки яркого света, затмевавшие мерцание уличных фонарей.

Гости, в том числе командир броненосца, вместе с приглашенными офицерами с других кораблей были уже у нее и наслаждались предложенными удовольствиями. Куча зевак из простого народа толпилась у дверей, норовя заглянуть в богато украшенные внутренние покои, и жадно вдыхала распространявшийся вокруг аромат благосостояния.

В этой толпе было двое парней в матросской одежде. Они молча стояли рядом, равнодушно поглядывая на остальных. Их внимание в основном было направлено на одно из освещенных окон. Они ждали долго, очень долго. Наконец шторы раздвинулись и тень чьей-то руки за окном несколько раз поднялась и снова опустилась, после чего свет в окне погас.

— Это знак, — прошептал один.

— Пошли, — ответил второй.

Они зашагали прочь и вскоре завернули за угол. У садовых ворот стоял чемодан, около которого маячила одинокая мужская фигура. Темнота скрывала подробности, но все же позволяла разглядеть, что мужчина едва достигал среднего роста, а нижнюю часть его лица скрывала густая темная борода. Это была не кто иная, как мадам де Булетр, в очередной раз изменившая облик. В чемодане находились ее ценные навигационные инструменты.

— Экипаж заказан? — спросил чернобородый.

— Да, — прозвучало в ответ.

— Вперед!

Его голос звучал повелительно, как у человека, с юности привыкшего отдавать приказы. Матросы взяли чемодан и пошли дальше. Он последовал за ними. На углу одной из улиц стояла коляска. Чемодан поставили на козлы, трое заняли места, и лошади помчали их рысью через весь город. Оказавшись за городской чертой, экипаж остановился. Пассажиры вышли, взяли чемодан и, пока коляска разворачивалась, направились к морю.

Не доходя до берега, они услышали прозвучавший из-за кустов вопрос:

— Стой, кто идет?

— Капитан Кайман.

— Добро пожаловать!

Целая толпа темных мужских фигур вынырнула из черноты ночи и почтительно сгрудилась вокруг чернобородого.

— Шлюпки в порядке? — спросил он.

— Да.

— Оружие?

— Все готово.

— Кто-нибудь не пришел?

— Все на месте.

— В таком случае сопе on<sup>[50]</sup>; я буду в первом ялике!

Чемодан был погружен, старатально обмотанные тряпьем весла опустились в воду, и легкие лодки бесшумно заскользили по волнам.

Сначала взяв направление в открытое море, они сделали через некоторое время правый поворот на правый борт и с величайшей осторожностью начали приближаться к застывшему в темноте «Ориблю», на носу и корме которого тускло мерцали неяркие корабельные фонари.

Они настолько приблизились к судну, что при обычной бдительности их непременно должны были бы с него заметить. Тот, кто назвал себя капитаном, встав у руля во весь рост, вперил свой острый взгляд в темную громаду парусника. Это был миг, когда решалась судьба всего предприятия, и от него требовалось полное напряжение всех сил.

Вдруг прозвучал негромкий резкий крик чайки. Люди в шлюпках облегченно вздохнули, — это был заранее оговоренный с Длинным Томом условный знак, говоривший о том, что на борту все идет как надо. У кормы сверху свисали несколько канатов.

— Причаливай и наверх! — последовала тихая команда.

Несколько мгновений спустя все уже стояли на палубе. Том ждал их.

— Как дела? — спросил бородатый.

— Все в порядке. Я и все наши стоим на вахте. Остальные пьянятся в кубрике, а кое-кто уже валяется на полу.

— Всем вниз! Но по возможности не убивать. Мы их связем и запрем в трюме, потом заставим поклясться в верности и сделаем такими же, как мы. Чем больше рабочих рук мы получим, тем лучше для нас.

Этот приказ был быстро и без шума выполнен. Сопротивление одурманенной грого, ничего не подозревающей команды было быстро подавлено, моряки были связаны и брошены в трюм. Тогда на борт был поднят чемодан, немедленно отнесенный в капитанскую каюту, и перерезаны веревки, которыми были привязаны шлюпки, использованные для налета. Они могли теперь плыть куда угодно — корабль находился во власти пиратов.

Чернобородый созвал своих людей и указал каждому его место.

— Мы выходим в море. Смажьте маслом кабестан и блоки, чтобы не было лишнего шума. Командовать обычным порядком я не смогу, иначе меня услышат на броненосце, но я надеюсь, что каждый из вас знает свое дело.

Все разбежались по местам. Командир ходил от одного к другому и негромко отдавал команды; был поднят якорь, поставлены и наполнились попутным ветром паруса. Послушный рулю корабль слегка развернулся и, разрезая носом волны, направился в открытое море.

И только тогда с борта броненосца раздался пушечный выстрел... за ним другой... третий. Там знали, что офицеры «Орибля» сошли на берег, и, хотя и слишком поздно заметив движение парусника и заподозрив в этом что-то неладное, если не вовсе противозаконное, тремя выстрелами подали сигнал тревоги.

Новый командир «Орибля» стоял на квартирдеке. Рядом с ним был Длинный Том.

— Послушай, Том, они заметили, что мы уходим! — сказал он.

Его собеседник бросил испытующий взгляд вверх, на вздымающуюся к небу громаду парусов.

— Они уже ничего не смогут сделать. Слишком поздно прорвали глаза. Однако... вы знаете, как меня зовут, сэр?

— Я думал, ты узнал капитана Каймана, ведь мы так долго плавали вместе.

— С вами? Не хочу сказать ничего плохого, вы хороший офицер, я уже успел это заметить,

но то, что вы не Кайман, это точно, его я хорошо знаю.

— Ну что же, тогда мне придется стать им.

— Не выйдет. Люди хотят служить только под его началом, и тот тип с красным пятном, я имею в виду агента, который нас завербовал, пообещал нам, что он жив и вечером будет на палубе.

— Человек с красным пятном? Ты его в самом деле не узнал?

— Узнал?.. Его?.. Этого парня я видел первый раз в жизни!

— Его, а лучше сказать ее, ты видел тысячу раз, Том, тысячу раз, а может, больше, говорю я тебе! Подумай хорошенько!

— Его?.. Ее?.. Гром и молния, она... она?.. Так это... это была мисс Адмиральша?!

— Это была она. Разве ты не веришь, что ей вполне по силам сыграть капитана Каймана? Пораженный Том отступил на несколько шагов назад.

— Утонуть мне на этом месте, сэр... мисс, я хочу сказать, что это совершенно удивительная история. А я-то думал, что вас повесили, когда англичане взяли «Оррибл».

— Не совсем. Но послушай, на борту только ты один знаешь капитана в лицо, и ты никому не скажешь о том, что я и тот агент — это одно и то же лицо, а оставил их при убеждении, будто я и есть капитан Кайман. Понял?

— Вполне!

— Внакладе не останешься!

— А мне безразлично — сэр нами какой-нибудь командует или мисс, если при этом мы берем хорошую добычу. Можете на меня положиться.

— Прекрасно. Но оглянись — в гавани и на рейде зажглись огни. За нами послали погоню. Однако я думаю, уже через два часа они потеряют нас из виду, будь это даже при свете дня.

Бородатый, приказав поставить все паруса, так что сильно накренившееся судно стало рассекать волны с удвоенной быстротой, вцепился рукой в ванты и повис, в полной мере вкушая неизъяснимое наслаждение от ощущения качки и стремительного хода корабля, от которого он столь долго был отлучен.

Лишь когда забрезжил рассвет и отпала необходимость в его присутствии на палубе, он спустился вниз и зашел в каюту. Там стоял его чемодан. Горела лампа.

— Мда, — усмехнулся он, явно обрадованно оглядываясь вокруг, — Дженнер не такой болван, как я думал, все устроено очень изящно. Но прежде всего я должен взглянуть, на месте ли ящичек, о котором даже Кайман не имел ни малейшего понятия.

Он отодвинул в сторону одно из зеркал и нажал на скрытую за ним крохотную кнопку. Открылась небольшая двустворчатая дверца, явив взору углубление в стене, в котором лежало большое количество всевозможных бумаг. Он жадно стал разбирать их.

— В самом деле, ничего не тронуто! Тайник хороший, я тотчас же им снова воспользуюсь.

Он вытащил из кармана ключ и открыл чемодан. Одно из его отделений было доверху набито деньгами и банкнотами.

Он затолкал все это в тайник и, закрыв его, задвинул зеркало на место. Потом извлек из чемодана груду белья и одежду, аккуратно уложил все это во встроенный шкаф и занялся наконец теми драгоценными инструментами, которые лейтенант Дженнер в свое время видел у мадам де Булетр.

— Если бы бедный лейтенант знал, для чего его знакомая дама научилась обращаться с такими скучными предметами! Клянусь всеми святыми, сегодня я провернула лучшее дело в моей жизни, и мне очень хочется знать, что сказал бы капитан, окажись он сейчас здесь и...

— Он сказал бы: браво, Кларион! — неожиданно прозвучало за ее спиной, и чья-то тяжелая рука опустилась на ее плечо.

Она обернулась и, застыв от ужаса, уставилась широко открытыми глазами в лицо того, чье имя она только что произнесла.

— Кай... Кай... Кайман! — запинаясь, пролепетала она со всхлипом.

— Капитан Кайман, — кивнул тот, спокойно и задумчиво улыбаясь.

— Не может быть! Это его... его... дух...

— Ой-ля-ля! Неужели шкипер «Оррибля» верит в привидения?

— Но как... где... когда... как ты попал во Фриско<sup>[51]</sup> и потом на борт?

— «Как» я попал сюда — это я объясню тебе позже, но вот что касается «почему»... Может быть, ты и сама знаешь?

— Я не знаю ничего!

— В том числе и о моих деньгах, которые благодаря твоим стараниям пропали вместе с тобой в Нью-Йорке, когда ты оставила меня гнить там, как никому не нужное дерьмо?

— Не знаю.

— Так! К сожалению, мне теперь выпало редкое счастье стоять перед тобой с полным набором неопровергимых доказательств. Но сначала давай-ка немножко поразмыслим. Ты угнала «Оррибль»...

Она не ответила.

— И под это дело навербовала людей...

Она промолчала и на этот раз.

— Пообещав им, что командовать будет капитан Кайман.

Она все еще находилась во власти страха, вызванного его неожиданным появлением.

— Желая дать тебе возможность сдержать слово, я приплыл на корабль раньше вас и спрятался среди бухт якорных канатов до той поры, пока не решил, что наступило время поставить тебя в известность о моем присутствии на борту. Ты воистину чертова баба, но, принимая во внимание ловкость, с которой ты сумела устроить это дело, я готов, хотя и только на время, пока мы не рассчитаемся, снова предоставить тебе прежнее место шкипера. Кстати, сними эту идиотскую бороду. Тебе она совершенно не идет, а капитана Каймана весь этот маскарад никоим образом не способен ввести в заблуждение.

Его спокойный, рассудительный тон привел ее в бешенство, на щеках заиграл румянец, глаза начали мерцать, как у кошки.

— Я — шкипер? А если я вообще не знаю, кто ты такой?

— В таком случае меня очень хорошо знают Длинный Том и Марк Летриер. И они гораздо больше привязаны ко мне, чем к той наводящей на всех ужас пантере, которую являла собой мисс Адмиральша.

— Марк Летриер? Где он?

— Здесь, на борту. Он пришел со мной и сейчас беседует с Длинным Томом, и уже, конечно, сообщил ему, что я здесь.

— Ничего у вас не выйдет! — злобно прошипела она.

Выхватив револьвер, она повернула его дулом к нему. Молниеносный удар выбил оружие у нее из рук; в следующее мгновение он схватил ее за плечи и намертво прижал ее тонкую, гибкую фигуру к стене каюты.

— Слушай и запоминай, что я тебе скажу, мисс Адмиральша! Ты хотела, чтобы я умер, и, пока я доверял тебе, моя жизнь всегда была в опасности. Я — капитан моего корабля, а ты — я сделаю так, что ты больше не сможешь мне повредить!

Страшный удар кулака по лицу свалил ее на пол и лишил сознания. Сняв с чемодана ремни, он связал ее и, покинув каюту, поднялся наверх.

Уже наступило утро, так что можно было одним взглядом оценить положение. Люди

собрались на палубе, образовав тесную толпу вокруг Длинного Тома и Летриера, которые,казалось, их в чем-то убеждали. Вдруг Марк увидел капитана. Растилья осталых, он подбежал к нему и, сорвав с головы зондвестку, закричал:

— Это он, ребята! Виват капитан Кайман!

Шапки полетели в воздух, тот же возглас вырвался из всех остальных глоток. Пират, с достоинством кивнув головой, гордым шагом вышел на середину расступившегося круга. Все по очереди дали обычную в таких случаях клятву, после чего каждый получил от капитана изрядную сумму так называемых парусных денег. Были поделены оружие и вахты, определен порядок службы, и, когда все оказалось надлежащим образом упорядочено, капитан Кайман с Летриером снова отправились в свою каюту посмотреть на мисс Адмиральшу.

Она была в сознании, но сразу же закрыла глаза, когда он вошел. Нагнувшись к ней, он спросил:

— Где деньги, которые ты у меня украла?

Ее глаза открылись, сквозь прищуренные веки блеснул исполненный ненависти взгляд. Он повторил свой вопрос.

— Спрашивай сколько влезет, ответа ты все равно не получишь! — сказала она.

— Как вам угодно! — рассмеялся он. — Большая часть, конечно, потрачена, — потребности мадам де Булетр стоили недешево. Остальное здесь, на борту, — я тебя знаю.

— Поищи!

— Само собой разумеется, я этим займусь. И если ничего не найду, тем хуже для тебя, у меня, как ты сама понимаешь, найдутся средства, чтобы развязать тебе язык. Марк!

— Капитан?

— Эта баба останется связанной здесь, в моей каюте. Ее сторожем буду только я, никто другой не должен иметь к ней доступа, в том числе и ты. Тот, кто сделает хотя бы малейшую попытку к ней приблизиться, получит пулю. Кстати, никто, кроме тебя, не должен знать, где она находится. А сейчас выводи по одному на палубу прежнюю команду «Оррибля»! Я хочу посмотреть, что можно сделать из этих людей.

Марк ушел. Капитан втащил свою узницу в соседнюю каюту и удвоил количество ремней, которыми она была связана. Он сказал правду: она больше не имела над ним власти.

## СРАЖЕНИЕ НА МОРЕ

Наступил вечер, было уже больше десяти часов. Дедли-Ган все еще ходил взад и вперед по набережной, стараясь не упустить ни одной из отплывающих лодок. Для одного человека такая задача была чрезвычайно трудной, скорее даже, вовсе непосильной, и действительно, кое-какие лодки отчалили от берега без того, чтобы внимательный траппер сумел выкроить время и хотя бы бегло посмотреть на них самих или на их пассажиров. Вокруг царила темнота, которую не могли рассеять редкие уличные фонари и далекие огни кораблей. Дедли-Ган стоял на берегу, отдыхая от утомительного патрулирования, как вдруг прямо рядом с ним к ступеням набережной причалила не занятая пассажирами лодка.

— Добрый вечер, приятель, откуда путь держите? — спросил он лодочника.

— С рейда.

— От какого корабля?

— Ни от какого.

— Ни от какого? Вы что же, просто так прогуливались?

— Вот уж нет! — ответил лодочник, останавливаясь рядом с ним и разминая одеревеневшие от гребли руки.

Траппер насторожился.

— Вы кого-нибудь отвозили?

— А как же иначе, мастер.

— И, не прикалив ни к одному из судов, вернулись пустым. Вы их что, утопили, что ли?

Лодочник рассмеялся.

— Приблизительно так. К сожалению, вам придется подождать несколько часов, прежде чем я смогу удовлетворить ваше любопытство.

— Отчего не раньше?

— Потому что мне нельзя этого сделать.

— Почему же нельзя?

— Потому что я обещал.

Мужчина, казалось, находил удовольствие в том, что ему задавали вопросы, однако отвечать на них он явно не был готов. Движимый неясным чувством, траппер, однако, не унимался:

— А почему вы это обещали?

— Потому... потому что... послушайте, сударь, вы, надо вам сказать, чертовски настойчивы... Дело в том, что, как вы понимаете, каждому приятно, когда у него есть на что выпить.

— Ах так! Значит, вы не можете сказать, кого вы везли, из-за того, что вам дали на выпивку?

— Да, это так.

— Но тем не менее вы мне все расскажете, если я дам вам больше?

Лодочник бросил недоверчивый взгляд на сильно потертую кожаную куртку своего неожиданного собеседника.

— Больше? Боюсь, для вас это окажется затруднительным!

— Сколько же вы получили?

— Обычную плату за перевоз и доллар сверху.

— И только?

— Что значит — и только? К вам что, доллары падают в карман через дыры в куртке?

— Доллары? Нет. Денег я при себе не имею, зато у меня есть золото!

— Правда? Так это еще лучше!

Рыбак по опыту знал, что иной оборванец золотоискатель может иметь при себе большие наличности, чем сто разодетых в пух и в прах франтов, вместе взятых.

— Вы так считаете? В таком случае взгляните-ка сюда! — Дедли-Ган встал под фонарь и, вытащив из сумки кусок намытого золота, показал его рыбаку.

— Тысяча чертей, мастер, этот самородок потянет никак не меньше чем на пять долларов! — воскликнул тот.

— И он будет ваш, если вы сообщите мне то, о чем обещали молчать.

— Не обманете?

— Нет. Итак, кто были ваши пассажиры?

— Двое мужчин.

— Ого! Как они были одеты? Как охотники?

— Нет, это были моряки; в новой, неношеной форме.

— Тоже возможно. Как они выглядели?

Лодочник дал описание, которому Кайман и Летриер полностью отвечали, при условии что они приоделись и привели себя в порядок.

— Куда им нужно было попасть?

— К «Орриблю», он болтается тут недалеко на якоре.

— К «Орриблю»? — Дедли-Ган удвоил внимание. — О чем они между собой говорили?

— Этого я не разобрал.

— Почему?

— Они спросили меня, понимаю ли я по-французски, и, когда я ответил «нет», начали так мешать слова, что у меня заломило в ушах.

— Это они! Где они сошли?

— А прямо в море. Прыгнули в воду.

— Невероятно!

— Именно так, и никак иначе. Они сказали мне, что они моряки с корабля и несколько задержались, веселясь на берегу. Теперь им бы не хотелось, чтобы их возвращение было замечено начальством, поэтому они, дескать, и выбрали такой странный способ добраться до своего судна.

— И вы им дали обещание...

— В течение нескольких часов никому об этом не рассказывать.

Дедли-Ган хотел задать еще несколько вопросов, но вдруг почувствовал у себя на плече чью-то руку.

— Пусть мой брат поговорит со мной.

Это был Виннету. Он отвел его на несколько шагов в сторону и спросил:

— Как называется большое каноэ, что стоит там, на большой воде?

— «Оррибль».

— А как звали каноэ, вождем которого был белый, по имени Мертенс?

— «Оррибль». Это одно и то же.

— Не уплыл ли этот белый туда, — и он махнул рукой в сторону рейда, — чтобы вернуть себе свое каноэ?

Вздрогнув, Дедли-Ган спросил:

— Почему моему красному брату пришла в голову эта мысль?

— Виннету покинул пост. Он хотел посмотреть, как дела у его брата. Он ехал вместе с белыми людьми, которые говорили об этом каноэ. У большой воды они подождали других белых и сели вместе с ними в лодки. У них был чемодан.

— Мой брат слышал, о чём они говорили?

— Они хотели попасть на большое каноэ и убить живущих там людей. Они ждали капитана Каймана.

— Они направились в море?

— Да. У них были ножи и топоры.

— Дедли-Ган ненадолго задумался.

— Мой брат вернется обратно на свой пост. Охотники должны появиться раньше чем рассветет.

Апач последовал указанию.

Лодочник также исчез вместе со своим куском золота, и Полковник снова остался один. Неужели на «Оррибле» действительно должно произойти нечто из ряда вон выходящее? Виннету, во всяком случае, не ошибся; но, если корабль в самом деле подвергнется нападению, откуда этим людям так точно известно о появлении пытающихся ускользнуть от преследования преступников?

Он все еще продолжал размышлять, когда на рейде один за другим прогремели три пушечных залпа и, несмотря на поздний час, набережная быстро заполнилась изрядным числом людей, жаждущих узнать о причине объявленной таким образом тревоги. Темнота не позволяла различить все стоящие в гавани и на рейде суда, но быстрое перемещение зажженных на них фонарей ясно говорило о том, что произошло нечто из ряда вон выходящее.

Рядом с Полковником к берегу причалил военный катер с шестью гребцами под командованием мичмана. Случайно оказавшийся на суше штурман, которому мичман по долгу службы обязан был отвечать, подойдя к нему, спросил:

— Что случилось на рейде, сэр?

— «Орриблъ» под всеми парусами ушел в море.

— И все?

— Что значит — все? Весь его офицерский состав находится на берегу; по всей видимости, имеет место угон корабля, и у меня есть приказ немедленно оповестить их.

— Кто стрелял?

— Мы, на бронемониторе. Наш капитан находится вместе с офицерами «Оррибля». Good night, сэр! — И он поспешил к мадам де Булетр.

Поняв, о чём идет речь, Дедли-Ган непроизвольно последовал за ним и вскоре оказался у дома мадам де Булетр. Здесь также царило явное напряжение. Прошло довольно много времени с тех пор, как хозяйка бесследно исчезла. Почти все приглашенные гости лежали без чувств в гостиной — вино было подмешано яд, как установили прибывшие вскоре врачи. Вместе с мадам де Булетр пропало большое количество морских карт и навигационные инструменты.

Все это траппер узнал, стоя в собравшейся вокруг толпе. Вокруг сновали врачи, полицейские и моряки. Дедли-Ган тоже начал волноваться. Он не мог объяснить себе, какова связь между Мертенсом и мадам де Булетр, но для него являлось почти очевидным, что тот угнал корабль с ее помощью, хотя попытка восстановить детали происшествия была бы, конечно, абсолютно бесплодной.

Имел ли для него смысл изложить свои наблюдения полиции? Это повлекло бы за собой необходимость выполнения различных формальностей, длительную дачу показаний в участке и только повредило бы его целям. Существовал единственный надежный и быстрый путь, до которого полиция, безусловно, могла додуматься и сама: нужно было как можно скорее

броситься в погоню за «Орриблем». Дедли-Ган решил организовать преследование независимо от всех остальных. Чтобы нанять подходящий пароход, прежде всего нужны были деньги, а для этого он должен был дождаться своих людей, которые везли с собой весь золотой запас, взятый в убежище. На набережной ему было больше нечего делать, поэтому, смирив свое нетерпение, он решил вернуться к Виннету.

Перебравшись на пароме через залив, он отыскал индейца и улегся на землю рядом с ним. Виннету спал, но к нему сон никак не шел. Его мучила мысль о том, что грабители, оказавшись в океане, наслаждаются жизнью, ощущая полную безнаказанность, в то время как он, среди опасностей и лишений преследовавший их по прерии шаг за шагом, в конце концов позволил им ускользнуть и лежит теперь тут, на суще, не в силах ничего изменить. Беспокойно ворочаясь с боку на бок, он считал минуты, которые отделяли его от встречи с товарищами.

Ввиду того, что остальных задерживало имущество, которое они везли с собой, он вдвоем с апачем уехал далеко вперед. По его расчетам они могли появиться утром, поэтому со все нарастающим нетерпением он ожидал наступления дня.

Движение звезд по небосводу неподвластно человеческой воле; миллионы лет величественно и спокойно следуют они предначертанным им путем; но, как бы ни была долгая ночь, ей рано или поздно приходит конец, всепобеждающий день струит потоки света над широкими просторами земли.

Наступило утро. Дедли-Ган, завидуя крепкому, спокойному сну апача, подумывал уже о том, чтобы его разбудить, как вдруг Виннету резко поднялся сам и, посмотрев живым и ясным взглядом вокруг себя, тут же снова лег на землю и прижался к ней ухом. Выпрямившись через некоторое время, он сказал:

— Пусть мой брат приложит ухо к земле!

Сделав это, траппер услышал постепенно усиливающийся слабый шум. Сын прерии почувствовал его во сне. Виннету прислушался еще раз.

— Приближаются всадники на уставших лошадях. Слышит ли мой брат ржание одного из животных? Это злой конь чужака с большой воды.

Он имел в виду dakотского рысака, на котором ехал штурман Петер Польтер. Дедли-Гана не удивила острота чувств индейца, он давно привык к ней и знал, что его друг способен и не на такое. Он нетерпеливо вскочил на ноги и стал напряженно смотреть на край зарослей, которые скрывали от них приближавшихся путников.

Прошло немного времени, и они наконец появились. Это были Тресков с племянником Полковника. За ними скакал штурман, как всегда, имевший проблемы со своим конем. Дальше ехали охотники — Дик Хаммердал, Пит Холберс, Бен Каннинг; остальные вернулись в убежище для его охраны. Каждый из всадников вел на поводу несколько тяжело нагруженных лошадей или мулов.

— Видите скопление домов вон там, прямо по курсу? — воскликнул Петер Польтер. — Я думаю, что это как раз и есть Сан-Франциско, который я отсюда не узнаю, потому что до сих пор видел его только с моря.

— Видим мы его или нет, это все равно, — сказал Хаммердал. — А ты что по этому поводу думаешь, Пит Холберс, старый енот?

— Если ты считаешь, что это Фриско, Дик, так я ничего не имею против, — ответил тот. — Когда нас там, у речки, перехитрили краснокожие и утащили в свой лагерь, я решил, что больше никогда не увижу этих мест.

— Да, старая мачта, — заметил штурман, — не случись тогда с вами Петера Польтера из Лангедорфа, они, конечно, содрали бы с вас обоих кожу, и лежали бы вы сейчас в лоне Авраамовом<sup>[52]</sup> отдельно от ваших дубленых шкур. Но гляньте-ка в наветренную сторону! Пусть

мне приделают киль, а потом проконопатят, если это не Полковник и...

— И не Виннету, апа! — прервал его Треков и, перейдя на рысь, скоро оказался рядом с Дедли-Ганом и индейцем.

— Благодарение Богу, наконец-то вы прибыли! — облегченно вздохнул Дедли-Ган. — Мы вас ждали как манны небесной.

— Быстрее никак не вышло, дядя, — сказал Тиме. — Мы скакали всю ночь. Посмотри на наших несчастных животных, они еле стоят на ногах.

— Как у вас дела, Полковник? — спросил Треков. — Вы их догнали?

— Мы опоздали буквально на мгновение. Им удалось ускользнуть.

— Ускользнуть? Когда, как и куда?

Дедли-Ган рассказал о том, что произошло. Кончив говорить, он не удержавшись сердито выругался.

— Вы обращались в полицию? — поинтересовался Треков.

— Нет; это только бы отняло у нас время.

— Совершенно правильно. Существует другой путь. Мы сейчас же наймем пароход и отправимся за ними в погоню.

— У меня такое же мнение, поэтому я с нетерпением ждал вас. У нас нет сейчас ни цента, и мы срочно должны обменять золото.

— Это не слишком поможет делу! — раздраженно высказал свое мнение штурман.

— Почему?

— Не выношу пароходы, — это самый презренный из всех типов кораблей, какие только есть на свете. Хороший парусник всегда найдет ветер, а для этой грязной посудины нужен уголь, который не всегда можно раздобыть. Тогда ее ставят на якорь, или, что гораздо хуже, она оказывается в таком положении в открытом море.

— Мы запасемся им как следует.

— Извините, Полковник, вы, конечно, неплохой траппер, тут уж ничего не скажешь, но в мореходы вы не годитесь. Для начала нам надо заполучить пароход, и тут возникает вопрос: а имеется ли он в наличии? И даже если это так, янки наверняка устроят волокиту на целый день, прежде чем вы сможете распоряжаться судном по своему усмотрению.

— Я хорошо заплачу.

— Ради Бога! Но вам придется еще позаботиться о провианте, боезапасе и погрузить уголь, чтобы мы смогли выдержать долгий рейс. Потребуется еще проверить остойчивость [53], и на все это, вместе взятое, уйдут часы и дни, и, пока мы будем возиться в порту, «Оррибл», черт бы его побрал, спокойно обогнет мыс Горн.

Наступило молчание.

— Я не хочу подвергать сомнению сказанное, — заметил наконец Треков, — но, если мы так и будем сидеть здесь сложа руки и глазеть на море, то это ни к чему не приведет. У «Оррибля» уже и так достаточно преследователей, что может служить нам некоторым утешением. Однако в любом случае мы тоже должны броситься в погоню. Но куда?

Все вопросительно посмотрели на штурмана.

— Это не так уж легко сказать, — ответил тот. — Будь на «Оррибле» достаточный запас провианта, они взяли бы курс на Японию или Австралию. Океан на этом направлении свободен, и можно легко уйти. Если же они плохо оснащены, то, скорее всего, подались на юг, чтобы там, в каком-нибудь месте, снабдить себя всем необходимым.

Правильность этих рассуждений ни у кого не вызвала сомнений.

— Значит, мы должны навести справки по этому вопросу! — подбодрил остальных Треков.

Они миновали Окленд, пересекли залив и, попав в город, нашли банковскую контору. Полковник продал там наличный золотой запас.

— Это необходимо было сделать, — сказал он. — А теперь каждый из вас получит свою долю.

Тут вперед выступил Хаммердал.

— Получим мы ее или нет, это все равно, Полковник; но на что мне эти бумажки? Мне они не нужны, а вот вам пригодятся. Пит Холберс, старый енот, а ты что на это скажешь?

— Если ты считаешь, Дик, что нам следует отдать деньги Полковнику, то я не имею ничего против; я без них обойдусь. Мне больше по вкусу жирная медвежья лапа или бизоний окорок. А тебе, Бен Каннинг?

— Согласен, — кивнул тот. — Я бумагу не ем, и моя лошадь тоже, хи-хи-хи. Когда у Полковника появится возможность, он нам все вернет.

— Друзья, я чрезвычайно благодарен вам за доверие, — сказал Дедли-Ган, — но никому не известно, как все повернется в будущем. Я отсчитаю вам то, что я вам должен; мне все равно останется более чем достаточно. Если в будущем мне понадобятся дополнительные средства, надеюсь, я смогу получить их у вас, хотя мне и не слишком хочется брать вас с собой в море.

— Хочется вам этого или не хочется, это все равно, Полковник. Я иду с вами.

— И я тоже, — добавил Холберс.

— И я! — воскликнул маленький Бен.

— Это мы уточним позже, — охладил пыл своих верных людей Дедли-Ган, — сейчас нам надо определиться!

Прямо в конторе каждый получил то, что ему полагалось; после чего, покинув банк, они сели на лошадей и поскакали в гавань.

Кроме стоящих на якоре торговых парусников там можно было увидеть лишь несколько неуклюжих каботажных пароходов. Все остальные оснащенные машинами быстроходные суда покинули гавань, чтобы принять посильное участие в устроенной военными кораблями охоте на угнанный «Оррибль». Из этих последних на рейде остался лишь броненосец, командир которого, все еще в бессознательном состоянии, находился на берегу.

Расторопной полиции уже удалось пролить некоторый свет на темныеочные события. Один из обитателей первого этажа того дома, где жила мадам де Булетр, случайно находился в саду, когда мимо прошли трое мужчин с чемоданом. Найден был также кучер, везший этих троих из города. Хозяин крайней рыбацкой хижины добровольно явился в полицию и дал показания, что в предыдущую ночь около его дома причалило множество лодок. Он тайно наблюдал за ними и видел, что в лодки сели около сорока человек, предводитель которых, сопровождаемый еще двумя мужчинами, несшими чемодан, на вопрос выставленного дозора: «Кто идет?» — ответил: «Капитан Кайман».

Эти данные, а также общее убеждение, что шкипером у капитана Каймана была женщина, и, наконец, найденные в жилище мадам де Булетр оставленные ею разного рода бумаги и предметы позволяли обрести твердый взгляд на эти, казалось, столь невероятные события. Все это охотники узнали на набережной, стоя в толпе, приведенной в состояние крайнего волнения известием о том, что ужасный морской разбойник сумел, обманув команду, украсть из надежной и весьма оживленной гавани мощное военное судно.

Штурман изучающе посмотрел на корабли.

— Ну что? — нетерпеливо спросил Полковник.

— Ничего подходящего; одни сельдяные бочки, едва способные покрыть расстояние в две мили за десять месяцев. И там, в море...

Он не договорил. Он хотел сказать, что дальше, в море, также не видно подходящего судна,

но его острые глаза увидели нечто такое, что заставило его замолчать.

— Там, в море... что там? — спросил Полковник.

— Хм, не будь я Петер Польтер, если на горизонте не видна маленькая белая точка, которая не может быть ничем иным, как только парусом.

— Значит, ни одно из судов, стоящих здесь, в гавани, нам не подходит?

— Ни одно. Эти деревянные корыта ползают как улитки, их не стоит брать даже с доплатой. К тому же они под разгрузкой, а это надолго.

— А тот парус, что на горизонте?

— Надо подождать. Может быть, он идет мимо, а может, и в гавань. Особенно не надейтесь! На один военный корабль приходится тридцать торговых, а эти увални ни черта не годятся для того, чтобы бегать по морям за капрером. Судно, которое пустит его ко дну, найти трудно, оно должно отвечать многим требованиям и, конечно, стоит больших денег.

— Тем не менее надо попробовать, это единственное, что нам остается. Через какое время этот корабль окажется здесь?

— Через час, может быть, через два или три, в зависимости от того, как он построен и кто им командует.

— Выходит, у нас есть время. Если мы найдем корабль, то выйдем в море, если нет — тогда нам придется спокойно ждать результатов преследования, прежде чем мы решим, что нам делать дальше. Не опоздай мы на десять минут, негодяи оказались бы в наших руках. Сейчас нам прежде всего следует позаботиться о наших лошадях и поискать магазин, где мы могли бы поменять наши обноски на приличное платье!

Они поехали в гостиницу, где смогли разместить и накормить лошадей и утолить собственные жажду и голод, после чего отправились в близлежащий магазин и нашли там все необходимое.

За всеми этими делами прошло некоторое время, и они решили вернуться в гавань и посмотреть на заинтересовавший их парусник.

Штурман шел впереди. Достигнув места, с которого хорошо были видны гавань и рейд, он, испустив радостный вопль, вдруг остановился.

— Силы небесные, что за корабль! Он влетает в гавань как... *mille tonnere, sacre bleu*<sup>[54]</sup>, святые угодники, клипер с такелажем шхуны. Это «Своллоу», «Своллоу», ура, о-го-го!

От переполнившей его радости он ударил в ладоши так, что хлопок прозвучал подобно выстрелу из мортиры, и, схватив одной рукой в охапку толстого Хаммердала, другой — тощего Пита Холберса, закружил их в танце. На них обратили внимание окружающие, вокруг охотников собралась толпа любопытных.

— О-го-го или нет, это все равно, — заметил недовольный вынужденным танцем Хаммердал. — Отпусти же меня наконец, бестолковое морское чудище. Что нам за дело до твоего «Своллоу»?

— Как — что за дело? Это решает все, скажу я вам, — пояснил Петер Польтер, аккуратно поставив на землю невольных танцоров. — «Своллоу» — это военный корабль, к тому же он легче на ходу, чем «Оррибль». И кто его капитан? Лейтенант Уолпол, которого я отлично знаю. Повторяю — теперь оба негодяя никуда не денутся, они, можно сказать, уже почти в наших руках.

Радость штурмана передалась остальным. Ошибки быть не могло, — под бушпритом приближавшегося прекрасного корабля распостерла свои вырезанные из дерева тонкие золоченые крылья синяя ласточка. Лейтенант Уолпол был, видимо, храбрым и умелым моряком и вполне мог положиться на каждого члена своей вышколенной команды, — находясь уже у границы гавани, он все еще не взял ни одного рифа. Круто накренив узкий корпус, увенчанное

тяжелой белой громадой парусов судно неслось вперед словно под действием паровой тяги. На его юте появилось белое облачко, над морем раскатился грохот пушечного салюта; гавань ответила тем же. Потом стал слышен ясный, звонкий голос командира:

— Эй, на руле, увалиться от ветра!

Корабль уверенно описал неширокую дугу.

— Трави шкоты, ребята!

Паруса, отпустив ветер на свободу, с шумом упали на мачты. Корабль задрал кверху бушприт, потом корму и, выпрямив корпус, гордо застыл на месте, слегка раскачиваясь на волнах, отраженных от мощных плит набережной.

— Ура, «Своллоу», ура! — кричали тысячи людей на набережной.

Все знали или по крайней мере слышали об этом прекрасном паруснике, и никто не сомневался в том, что он примет участие в той охоте, на которую было сейчас направлено внимание всего Сан-Франциско.

Сквозь толпу пробирались двое моряков. Они были чем-то увлечены и крайне взволнованы. Один из них одет в форму лейтенанта военно-морского флота, на другом можно было заметить штурманские знаки различия.

Ни у кого не спрашивая разрешения, они прыгнули в одну из пустых лодок и, отвязав ее от причала, налегли на весла, направляясь в сторону «Своллоу». Стоя у релинга [55], его командир смотрел на приближающуюся лодку.

— О, лейтенант Дженнер, так это вы? А где «Оррибль»? — спросил он.

— Быстрее, подайте какой-нибудь конец или трап, сэр! — ответил тот. — Мне необходимо быть у вас на борту!

Веревочный трап был опущен; двое мужчин быстро поднялись по нему наверх.

— Перкинс, мой штурман, — представил Дженнер своего спутника. И вне себя от волнения, добавил: — Сэр, вы немедленно должны отдать мне свой корабль!

— Отдать мой корабль? Что это значит?.. Почему?..

— Я должен догнать «Оррибль».

— Вы должны... я вас не понимаю.

— У меня его украли.

Уолпол посмотрел на него, как обычно смотрят на сумасшедших.

— У вас странные шутки, господин лейтенант!

— Шутки? Какие тут, к черту, шутки! Мне не до веселья. Сначала меня отравили мошенники, потом измучили врачи, потом полиция, и в конце концов мне еще досталось от портовых властей. Так что у меня и в мыслях нет шутить.

— Вы говорите загадками.

— Позвольте, я вам все расскажу! — Дрожа от гнева, он кратко описал случившееся, в заключение повторив то, с чего начал: — Как я уже сказал, вы должны отдать мне свой корабль!

— Это невозможно, сэр!

— Что значит — невозможно? — воскликнул Дженнер, сверкая глазами. — Почему?

— «Своллоу» доверен мне, лейтенанту Уолполу, я могу передать его другому лицу лишь на основании приказа командования.

— Это позор, трусость, это...

— Господин лейтенант...

Дженнер осекся. Сделав усилие, он с трудом овладел своими чувствами. Уолпол же продолжал успокаивающим тоном:

— Будем считать, что оскорблений не было; гнев не отдает себе отчета в словах. Законы и должностные инструкции вам известны не хуже, чем мне, поэтому вы должны хорошо

понимать, что я не могу передать командование моим кораблем другому лицу по собственной воле. Но хочу вас успокоить. С максимально возможной в данном случае быстротой я намерен предпринять преследование «Оррибля». Хотите присоединиться?

— Хочу ли я? Я должен это сделать, даже если мне придется спуститься в ад!

— Отлично! Каков был запас провианта на «Оррибле»?

— На неделю, не больше.

— Значит, им не остается ничего иного, кроме как следовать в Акапулько; уже Гуаякиль или Лима<sup>[56]</sup> для них недоступны.

— Значит, мы их скоро достанем. Я уже имел возможность убедиться, что «Своллоу» превосходит «Оррибл» в скорости. Поднимайте якорь, сэр; скорее, вперед, вперед!

— Не спешите так, лейтенант! Во многих случаях спешка вреднее, чем промедление. У меня имеются здесь некоторые дела.

— Дела? Боже мой, как можно в подобных обстоятельствах думать о каких-то других делах? Мы должны немедленно выйти в море!

— Нет, сначала я должен сойти на берег, чтобы привести в соответствие мои инструкции и то дело, которым нам предстоит заняться. Затем, у меня недостаточно провианта; почти нет питьевой воды и практически полностью отсутствует боезапас. Требуется также позаботиться о буксирном пароходе, который вытащил бы меня из гавани против течения, и... Кстати, сколько пушек на «Оррибле»?

— По восемь с каждой стороны, две на корме и одна на врачающемся лафете спереди.

— Значит, он превосходит меня вооружением. Форстер!

— Здесь, сэр! — ответил, подходя ближе, штурман, не упустивший, стоя на своем прежнем месте, ни одного слова из разговора.

— Я сойду на берег и позабочусь там обо всем, что нам нужно. Отправьте человека за буксиром, кажется, работы у него немного и через час он сможет заняться нами. Я к этому времени вернусь.

— Well, сэр!

— Может быть, у вас есть свои соображения по поводу того, что нам нужно?

— Нет, капитан. Я ведь точно знаю, что вы, как всегда, все предусмотрели!

Уолпол хотел уже снова повернуться к Дженнери, как вдруг один из его людей доложил:

— Шлюпка у трапа, сэр!

— Кто в ней?

— Штатские, восемь человек, среди них один индеец, как кажется.

Уолпол подошел к релингу и, посмотрев вниз, спросил:

— Что случилось?

От имени всех Тресков попросил разрешения подняться на борт. Оно было дано. Когда все оказались на палубе, Дедли-Ган изложил свою просьбу. Хотя у Уолполя, собственно говоря, не было времени, он, внимательно выслушав, дал ему разрешение принять участие в погоне. Итак, на «Своллоу» оказалось восемь человек: Полковник, его племянник, штурман, Холберс, Хаммердал, Каннинг, Виннету и Тресков.

— Передайте штурману, чтобы он нашел вам места, — сказал Уолпол. — Я сойду на берег, но скоро вернусь, и через час мы уже поднимем якорь!

— Возьмите меня с собой, — попросил лейтенант Дженнер, — там я могу вам быть полезен, а здесь сойду с ума от нетерпения!

— Ну что же, пойдемте!

Оба спустились в лодку, приведенную к кораблю Дженнером, и направились к берегу. Едва они отвалили от судна, как на нем разыгралась забавно-трогательная сцена.

Петер Польтер подошел к штурману.

— Форстер, Джон Форстер, старина, я не верю своим глазам, но сдается мне, что ты сделался штурманом! — воскликнул он.

Тот, к кому он обратился, с недоумением посмотрел на дочерна загорелого, обросшего густой бородой человека.

— Джон Форстер?.. Старина?.. Скажите, пожалуйста, ну откуда ему известно мое имя? Кто ты, а?

— Вот это да, парень не хочет знать со своим старым штурманом, а между прочим, не раз получал от него по носу... Какого черта!

Он подступил поближе к Перкинсу, которого как раз только что заметил.

— А вот мастер Перкинс, или как его там зовут, помните, как я водил его по «Своллоу» в Хобокене а он, из благодарности, так меня потом напоил у матушки Додд, что я чуть было не оказался под столом!

Перкинс тоже посмотрел на него непонимающе. В том, что они его не узнали, не было ничего странного. Вся команда толпилась на палубе, и Петер, вне себя от радости, переходил от одного к другому.

— Вот Бловис, Миллер, Олдстоун, кривой Балдингс, а это...

— Да это же штурман Польтер! — крикнул наконец кто-то, узнавший его в этом огромном чужаке.

— Польтер... Польтер... Ура, Петер Польтер! Качай его, негоднику! Гип-гип, ура!

Среди этих восклицаний, рева и крика шестьдесят рук протянулись к нему, схватили и, оторвав от палубы, подняли вверх.

— Раз-два, раз-два, раз-два! — затянул кто-то мощным басом.

— Раз-два, раз-два! — Остальные подхватили такты марша. Толпа пришла в движение, и с этим «раз-два, раз-два» дорогой гость был несколько раз пронесен кругом по всей палубе.

Он бушевал, ругался и изрыгал проклятия, просил отпустить его, но ничего не помогало, пока наконец штурман не протиснулся в середину и, дружески смеясь, не помог ему снова обрести власть над собственными руками и ногами.

— Изволь сойти с трона, Петер Польтер. Пойдем-ка на бак!<sup>[57]</sup> Теперь ты должен рассказать нам, где тебя все это время носило, старая акула!

— Конечно, я сейчас все расскажу, но только отпустите меня наконец, черти! — воскликнул он и расправил свои могучие руки, так что окружившие его моряки разлетелись в стороны как дети.

Среди общего шума и веселья, в сопровождении лиżąщей толпы матросов он торжественно прошествовал на бак, где волей-неволей ему пришлось дать полный отчет о своих удивительных приключениях.

При всем том служба на корабле продолжала идти установленным порядком. Штурман выполнил данный ему приказ; требуемые для текущих работ люди отделились от собравшейся на баке веселой компании, хотя они с гораздо большей охотой остались бы послушать, как Польтер травит байки.

Охотники молча смотрели на происходящее. Испытывая дружеское расположение к Польтеру, они охотно предоставили ему возможность без помех справлять свой триумф и сами при этом чувствовали себя на палубе настолько удобно, насколько этоказалось возможным в этой непривычной для них обстановке.

Индеец никогда раньше не бывал на корабле. Опершись на ружье, он медленно и равнодушно скользил глазами по окружающим предметам и людям. Но от того, кто его достаточно хорошо знал, не укрылось бы, что за показной невозмутимостью скрывается

глубокий интерес к мельчайшим деталям происходящего.

Не прошло и половины назначенного срока, как на набережной появились заказанные лейтенантом провиант и боеприпасы. Их погрузили в шлюпки и перевезли на корабль. Когда на палубе возник Уолпол, эта работа была уже завершена. Поблизости дымил пароход, готовый подать на «Своллоу» буксирный конец.

Все это потребовало от капитана и его команды полной отдачи, и лишь в открытом море, когда буксир, издав длинный прощальный гудок, бесследно исчез за кормой, после того как поставили паруса и обрасопили реи, у находившихся на судне людей появилась возможность перевести дух.

За время пребывания на берегу оба лейтенанта, видимо, имели возможность сказать друг другу все что требовалось. Теперь Уолпол подошел к штурвалу, у которого рядом с Форстером стоял Петер Польтер.

— Вы — Петер Польтер? — спросил он.

— Петер Польтер из Лангедорфа, — ответил тот, встав по стойке смирно, — бывший старший боцман на военном корабле ее королевского величества «Нельсон», затем штурман на американском клипере «Своллоу», а сейчас...

— А сейчас — штурман *par honneur*<sup>[58]</sup> на этом же судне, — продолжил за него лейтенант.

— Капитан! — вне себя от радости воскликнул Польтер и набрал в легкие побольше воздуха, намереваясь произнести соответствующую случаю благодарственную речь, но командир только отмахнулся:

— Пустяки, штурман! Что вы думаете по поводу курса, который избрал «Оррибль»?

Петер Польтер отлично понял, что лейтенант задает этот вопрос только затем, чтобы подвергнуть дополнительной проверке свое собственное решение. Чувствуя себя как рыба в воде, он ответил коротко и ясно, как и положено отвечать старшему по званию:

— Считаю, что ввиду недостатка съестных припасов они пошли на Акапулько.

— Сумеем мы их там достать?

— Да, ветер благоприятен, а в оснастке и ходовых качествах мы их превосходим.

— Хотите меняться с Форстером за штурвалом?

— Весьма охотно.

— Тогда внимательно смотрите на карту и компас у нас нет права сбиться с курса!

Он уже отвернулся, собираясь отойти, но неожиданный вопрос Петера Польтера удержал его:

— На Акапулько или Гуаякиль?

— Почему на Гуаякиль?

— Тогда мы их обгоним и зайдем с другой стороны. Это надежней, потому что они ждут преследователей сзади.

В глазах Уолпола появился блеск.

— Штурман, а вы не из простых. Вы абсолютно правы, и я без колебаний последую вашему совету, хотя «Оррибль» может повернуть на Сандвичевы острова, не доходя до Акапулько.

— Тогда мы должны крейсировать между южным и западным курсами.

— Верно! Возьми на два румба круче к западу, Форстер! Я принял решение поставить все паруса. У меня есть приказ как можно скорее быть в Нью-Йорке, погоня за «Орриблем» должна быть не более чем кратким эпизодом.

Он сказал это таким спокойным и небрежным тоном, будто плавание вокруг мыса Горн и поимка пиратов являлись для него докучными ежедневными мелочами. Потом он подошел к группе охотников. Особое его внимание, казалось, привлек к себе индеец.

— Разве Виннету не ощущает тоски по родине апачей? — спросил он.

— Родина апачей — это битва с врагами! — последовал гордый ответ.

— Сражаться на море труднее, чем на суше.

— Вождь большого каноэ не увидит Виннету дрожащим от страха!

Уолпол кивнул, — он знал, что Виннету говорит правду.

Напряжение, которое принес с собой этот день, улеглось, и жизнь на борту вошла в свое привычное монотонное русло. День проходил за днем, и они были так похожи один на другой, что привыкшие к неограниченной свободе прерий охотники начали скучать.

Прошли уже почти сутки с того момента, когда позади осталась широта Акапулько, и Уолпол приказал идти переменным курсом, чтобы держать под контролем оба направления — на Гуаякиль и Сандвичевы острова.

Поднялся легкий, ровный бриз, солнце на западе скрылось за небольшими темными облаками.

— Завтра будет изрядно ветreno, капитан, — сказал Петер Польтер Уолполу, когда тот, меряя шагами палубу, оказался около руля.

— Нам это в самый раз, особенно если к этому времени капр окажется у нас на виду. Во время шторма он не сможет так же хорошо маневрировать, как мы.

— Вижу парус! — раздался крик с мачты, где сидел марсовый.

— Где?

— С северо-северо-востока, ближе к норду.

Лейтенант, мгновенно оказавшись наверху, выхватил из рук матроса зрительную трубу, чтобы получше рассмотреть обнаруженное судно. Затем, явно торопясь, он спустился вниз и побежал на шканцы, где его ждал Дженнер.

— К брасам, ребята! — последовал приказ.

— Что случилось? — спросил Дженнер.

— Пока еще не совсем ясно, но, во всяком случае, это трехмачтовый корабль, как и «Оррибл». Мы поменьше размером и к тому же находимся со стороны солнца, поэтому они пока нас не видят Я поменяю паруса.

— Что?

Уолпол усмехнулся.

— Небольшая хитрость, обычная в тех случаях, когда нужно ввести противника в заблуждение на большом удалении... Живо на реи!

Вышколенные матросы попрыгали на ванты и как кошки полезли вверх.

— Убрать кливер и лисели!<sup>[59]</sup> Эй, на марсах! Взять на гитовы!

Команды выполнялись быстро и точно. Корабль наполовину сбавил ход.

— Внимание всем! Ставим черное полотно!

Матросы вынесли на палубу и подготовили к подъему паруса темного цвета.

— Поменять марсели на грот-, фок- и бизань-мачтах!

Уже через несколько минут на месте обычных светлых парусов оказались темные; «Своллу» был теперь невидим для приближавшегося судна.

— Штурман, курс юго-юго-запад!

«Своллу» медленно двигался на виду у другого корабля. Команда собралась на палубе. Уолпол еще раз забрался на мачту, чтобы уточнить обстановку. Когда через полчаса он спустился обратно, уже стало темно. Его лицо выражало полное удовлетворение результатами наблюдения.

— Свистать всех наверх!

Строго говоря, в этом приказе не было никакой необходимости, все и так уже тесной толпой стояли вокруг него.

— Ребята, это «Оррибль»! Слушайте внимательно, что я вам скажу!

Затаив дыхание, все придвинулись ближе.

— Нам необходимо избежать артиллерийской дуэли. Я хорошо знаю, что среди вас нет трусов, но корабль нам нужен целым. Капитан Кайман поставил себя вне закона, и с ним следует обращаться как с опасным преступником. Мы возьмем «Оррибль» хитростью.

— Правильно, капитан!

— Сейчас новолуние и море черного цвета. Мы плетемся у них перед носом под одним грот-марселеем. Они наверняка примут нас за потерпевших крушение, повернут в нашу сторону и сочтут за хороший приз.

— Так, верно! — раздались голоса.

— Но прежде, чем они до нас доберутся, мы спустим шлюпки. Штурман справится с кораблем, имея на борту шесть человек. Остальные сядут в шлюпки, и, когда привлеченные легкой добычей пираты сберутся у себя на баке, мы поднимемся на «Оррибль» с кормы. А сейчас приготовьтесь к абордажу!

Пока «Своллоу» не спеша рассекал носом волны, «Оррибль» мчался вперед со своей обычной скоростью. Наступила ночь, вокруг не было видно ни одного паруса, и команда чувствовала себя в полной безопасности. Капитан пиратов, только что в очередной раз впустую побеседовал со своей узницей и, испытывая желание немного успокоиться, вернулся к себе в каюту, как вдруг на значительном удалении глухо прозвучал пушечный выстрел.

Он быстро оказался на палубе. Стал слышен еще один выстрел, за ним третий.

— Сигнал бедствия, капитан, — сказал стоявший рядом Длинный Том.

— Будь они слышны за кормой, это могло оказаться военной хитростью, но с этой стороны такая возможность слишком маловероятна. По всей видимости, стрелял терпящий бедствие корабль без мачт, иначе мы видели бы паруса вечером. Комендор, ракету и три выстрела!

Ракета взлетела вверх, и вслед за ней прогремели три пушечных выстрела. Сигналы бедствия с неизвестного корабля повторились.

— Мы подойдем ближе, Том. Это всего лишь приз, не более того. — Он поднес к глазам подзорную трубу. — Посмотри, вот он: у него только один марсель на гроте. Видно не слишком хорошо, я подойду ближе, надо поговорить с ним!

Он отдал необходимые приказы. На «Оррибле» убавили парусов, корабль развернулся и, подойдя к «Своллоу», пошел рядом с ним на параллельном курсе.

— Эй, что за корабль? — прозвучало в темноте.

Почти вся команда «Оррибля» сгрудилась на палубе носовой части судна.

— Крейсер Соединенных Штатов! А вы там, на баке, кто?

— Крейсер Соединенных Штатов «Своллоу», лейтенант Уолпол! — ответили почему-то с правого борта кормы пиратского корабля.

Прицельный залп угодил в самую середину толпы морских разбойников, и в следующее мгновение на них, совершенно не ожидавших нападения и поэтому почти безоружных, бросилось множество темных фигур Уолпол выполнил свой план.

Лишь один-единственный человек на «Оррибле» заметил приближение неизвестных шлюпок — это была мисс Адмиральша. Едва капитан запер за собой дверь, как она ценой невероятных усилий подползла к двери каюты и достала из неприметной щели случайно обнаруженный ею длинный гвоздь. Уже много ночей подряд она неустанно трудилась, процарапывая связывавшие ее ремни, и именно в этот вечер наступил такой момент, когда она могла окончательно от них освободиться. Она как раз принялась за дело, как вдруг, один за другим, прогремели три пушечных выстрела. Вскоре она услышала плеск весел.

Их атаковали? Предстоит сражение? Или оказываются помочь потерпевшим бедствие?

Любой из этих вариантов был ей на руку. Пяты минут лихорадочной работы хватило ей для того, чтобы освободить руки. Еще через некоторое время, когда ремни упали с ног, наверху прогремели первые выстрелы и стал слышен шум ночного сражения. Она не стала задаваться лишними вопросами, зная, что капитан Кайман все еще наверху. Сильным ударом ноги она распахнула запертую дверь в каюту и, увидев развешанные на стенах ножи и пистолеты, вооружилась так, как сочла нужным. Потом она осторожно выглянула наружу через иллюминатор правого борта. К свисавшему сверху канату, который неосмотрительно забыли на ночь вытянуть наверх, были привязаны три шлюпки.

— На нас напали, — пробормотала она. — Но кто? Ха, да это погоня! «Оррибл» снова потеряна, и уж я постараюсь подвести Каймана под нож. Скорее к узникам! Я освобожу их, а потом сбегу. Мы находимся южнее широты Акапулько. Если я смогу незаметно прыгнуть в шлюпку, то уже через два дня почти наверняка окажусь на берегу!

В углу каюты лежал небольшой чемодан. Она взяла с тарелки бисквиты и стоявшие на столе две бутылки лимонада, потом открыла тайник и, вынув оттуда свои сокровища, запихнула все это в чемодан. Поднявшись наверх, она выглянула в люк, чтобы оценить обстановку. Подвергшихся нападению пиратов оттеснили на ют<sup>[60]</sup>, они явно проигрывали.

Быстро подавшись назад, она бросилась в трюм и сбила замок с люка.

— Живые есть? — спросила она запертых там моряков из прежней команды «Оррибля».

— Да, да! Что там, наверху?

— Идет бой, на пиратов напали. Вы связаны?

— Нет.

— Тогда бегите наверх и исполните свой долг! А впрочем, постойте! Если капитан Кайман переживет этот день, передайте ему большой привет от мисс Адмиральши!

Она поспешила обратно в каюту и, схватив чемодан, бросилась на палубу. Ей удалось незамеченной добраться до фальшборта. Зажав в одной руке чемодан, она уже хотела, воспользовавшись канатом, спуститься в шлюпку, но этого ей сделать не удалось.

Увидевший ее Петер Польтер одним прыжком оказался рядом с ней и крепко схватил за плечи.

— Постой, парень! — проворчал он. — Куда это ты так спешишь с чемоданом? Обожди малость!

Не удостоив его ответом, она попыталась вырваться, но все ее усилия оказались напрасны. Она ничего не могла противопоставить его гигантской силе. Не давая ей шевельнуться, он позвал на помощь нескольких товарищей, которые помогли ее связать.

Ошеломленный поначалу внезапным нападением, капитан пиратов быстро очухался.

— Ко мне! — громовым голосом крикнул он, прыгнув к гроб-мачте с намерением обеспечить своим соратникам плацдарм для обороны.

Подчиненные последовали его приказу.

— У кого есть оружие, оставайтесь здесь! Остальные пусть бегут вниз за абордажными топорами, через запасные люки!

Это был единственный возможный путь к спасению. В то время как те немногие, в чьих руках в момент нападения случайно оказалось оружие, отражали мощный натиск противника, остальные бросились вниз и через несколько минут вернулись, вооруженные топорами и короткими абордажными тесаками.

Понеся потери от первого неожиданного удара, пираты тем не менее намного превосходили команду «Своллоу» численностью. Началась кровавая драка, тем более страшная, что все ее детали и само место, где она происходила, из-за темноты невозможно было охватить взглядом.

— Факелы сюда! — прорычал Кайман.

Этот приказ также был исполнен. Но, едва лишь языки пламени осветили палубу, он в ужасе отпрянул, будто увидев привидение. Возможно ли это? Напротив него, с томагавком в правой руке и ножом для снятия скальпов в левой, стоял Виннету, апач; рядом с ним разевалась густая копна волос Дедли-Гана.

— Белая змея отдаст свой яд! — воскликнул Виннету и, раскидав в разные стороны стоявших на его пути, схватил морского разбойника за горло.

Тот хотел сбросить врага, но это ему не удалось. Полковник также кинулся на него. В мгновение ока они накрепко связали ему руки.

Неожиданное нападение казалось пиратам кошмарным сном; внезапность удара привела их в состояние оцепенения, а потеря вожака украла последние силы и лишила остатков мужества.

В этот момент открылись люки и на палубе появились выпущенные из трюма моряки. Один из них заметил лейтенанта Дженнера.

— Ура, лейтенант Дженнер, ура, бей гадов! — заорал он.

Каждый, схватив первое, что попалось под руку из валявшегося под ногами оружия, ринулся на врага. Пираты очутились между двух огней — их участь была решена.

В самой гуще сражения спиной к спине стояли двое; осмелившийся приблизиться к ним тотчас же падал, сраженный насмерть. Это были «крутящиеся тосты» — Хаммердал и Холберс. Один из них повернул голову вбок, чтобы товарищ мог его услышать:

— Дик, если ты думаешь, что вон то дермо зовут Петер Вольф, то я готов с тобой согласиться.

— Этот Петер... проклятое имя, я так и не научился его выговаривать. Где он?

— У того здоровенного дерева гикори, которое эти странные ребята называют мачтой.

— Мачта она или нет, это все равно. Пойдем, старый енот, мы должны взять его живым!

Был еще один человек, узнавший Летриера, а именно Петер Польтер, штурман. Отложив в сторону нож, револьвер и абордажный топор, он взял в руки плеть, которая показалась ему более удобным оружием. С каждым взмахом он валил наземь человека. Прорубив таким образом просеку в толпе пиратов, он вдруг увидел Летриера. В следующее мгновение он уже стоял перед ним.

— Кого я вижу, Марк! Не забыл меня еще, мошенник? — воскликнул он.

Марк бессильно опустил поднятую для удара руку и сделался бледен как смерть, — он узнал противника, противостоять которому было свыше его сил.

— Иди-ка сюда, дорогой, я хочу тебе рассказать, по ком звонил колокол!

Схватив его одной рукой за волосы, а другой за пояс, он поднял его в воздух и с такой силой бросил на бизань-мачту, что, с грохотом ударившись об нее, Летриер свалился на палубу как мертвый. Оба охотника подоспели слишком поздно.

Наконец пираты поняли, что у них нет никаких надежд на спасение, и побросали оружие, хотя и понимали, что рассчитывать на пощаду им не приходится.

Громкое «ура!» прогремело над палубой, «Своллоу» ответил тремя пушечными залпами. Он подтвердил свою репутацию и увеличил новыми подвигами прежнюю славу.

А у матушки Додд в Хобокене все осталось по-прежнему. И сама добрая женщина была все та же, а если в чем и изменилась, то, вероятно, лишь в том, что к размерам ее неохватной фигуры прибавилось еще несколько дюймов. Начинался вечер, и в заведении было полно посетителей.

В те дни всеобщее внимание привлекали к себе последние новости войны и политики. Счастье, до сей поры неизменно остававшееся на стороне хлопковых баронов-рабовладельцев,казалось, окончательно от них отвернулось. Каждый успех на театре военных действий с ликованием воспринимался теми, в чьих душах находила горячий отклик деятельная и глубоко человечная политика президента Авраама Линкольна.

Открылась входная дверь, и на пороге появились несколько моряков, явно находившихся в состоянии приятного возбуждения.

— Привет, парни, хотите знать свежую новость? — воскликнул один из них, одновременно, для привлечения внимания, с такой силой ударив кулаком по столу, что тот затрещал.

— Что? Что такое? Что происходит? Давай, рассказывай! — раздалось со всех сторон.

— Что происходит или, лучше сказать, что произошло? Ну а что же иное, как не морская битва, сражение, равного которому так просто и не найдешь!

— Морская битва?.. Сражение?.. Где?.. Как?.. Когда?.. Между кем?..

— Где?.. На широте Чарльстона. Как?.. Блестяще, великолепно! Когда?.. Конкретный день мне, к сожалению неизвестен, во всяком случае, это было очень недавно. А вот между кем и кем — попробуйте отгадать.

— Между нами и мятежниками! — воскликнул один.

Раздался взрыв смеха. Вошедший ухмыльнулся и сказал:

— Гляди-ка, какой ты у нас умный парнишка, это же надо — сразу до такого додуматься! Ты бы еще нам сообщил, что в море вода соленая. Что драка произошла между нами и Югом — это само собой понятно, а вот какие корабли в ней приняли участие, этого твоей мудрой башке так просто не определить!

— Что за корабли? Назови имена и скажи, кто победил!

— Что собой представляет монитор «Флорида»...

— Так там была «Флорида»? — перебила его матушка Додд, своими полными руками расчищая себе путь сквозь скопление гостей: она хотела подобраться поближе к говорившему. — «Флорида» — это новейшее, самое большое и самое мощное судно у южан, а этот его чертов таран делает его и вовсе непобедимым. У него полностью железный корпус. Кто отважился сразиться с этим Левиафаном?<sup>[61]</sup>

— Хм, кто? Маленький лейтенант на небольшом корабле, и этот корабль — клипер, только что обогнувший мыс Горн. Я имею в виду «Своллоу» и лейтенанта Уолпола.

— «Своллоу»... Лейтенант Уолпол?.. Не может быть! С «Флоридой»<sup>[62]</sup> не сможет справиться десяток линейных кораблей! Как могло взбрести в голову командиру какого-то клипера атаковать такое чудовище...

— Стоп! — прервала говорившего матушка Додд. — Потише с клипером, о котором тебе ровно ничего не известно! Я знакома со «Своллоу», а также и с Уолполом, который один стоит больше, чем все твои десять линкоров. Но ведь «Своллоу» сейчас должен быть у побережья Калифорнии?

— Был... Был, но получил приказ обогнуть мыс Горн и следовать в Нью-Йорк. Это непростое судно. Все вы слышали историю об «Оррибле», угнанном капитаном Кайманом с рейда Сан-Франциско. Его вернул Уолпол, с блеском перехитрив пиратов. Оба, «Своллоу» и «Оррибл», пошли вместе с юга вдоль Бразильского побережья до широты Чарльстона, где и наткнулись на «Флориду», которая тотчас же начала на них охотиться. Уолпол, взяв на себя общее командование обоими парусниками, приказал «Орриблю» броситься в мнимое бегство в открытое море, снял со «Своллоу» реи и часть рангоута, создав таким образом видимость, что его сильно пострадавший от шторма корабль будет легкой добычей для моряков «Флориды».

— Да, а этот Уолпол — чертовски хитрый парень! — заметила матушка Додд. — Но дальше, дальше!

— Монитор действительно дал себя обмануть и последовал за «Своллоу» вплоть до прибрежных вод недалеко от Блэкфула, где сел на мель. И тогда Уолпол снова поднял все реи, прибавил парусов, вызвал «Оррибл» и приступил к бомбардировке беспомощного неподвижного колосса. Они сильно повредили ему руль, а потом пошли на абордаж. Тогда пролилось много крови. Теперь «Флорида» лежит на грунте, а оба парусника спешат в Нью-Йорк и могут в любую минуту бросить якорь здесь, в порту.

— Невероятно! Где ты все это слышал?

— Слышал в Адмиралтействе, им наверняка все было бы известно раньше, не окажись телеграф поврежден мятежниками.

— В Адмиралтействе? Ну, тогда все это чистая правда, и я от всей души желаю бедному Дженнериу с «Оррибля», чтобы ему удалось таким образом загладить свою вину из-за истории с капитаном Кайманом.

— Да, это известие радует сердце и согревает душу, — сказала хозяйка. — Слушайте, парни, я ставлю бочонок пива, пейте за процветание Соединенных Штатов, за здоровье нашего президента, за «Своллоу» и... и... и...

— И за здоровье матушки Додд! — восклекнул один из гостей, поднимая кружку.

— Ура, виват, матушка Додд! — закричали из всех углов.

— Ура матушке Додд, виват, старая шлюпка! — подхватил чей-то грохочущий бас из открывшейся двери.

Все повернулись к человеку, обладавшему столь луженой глоткой. Хозяйка, ахнув, бросилась к нему с криком радостного изумления:

— Петер, Петер Польтер, тысячу раз добро пожаловать в Хобокен! Откуда ты прибыл, старый юнга? С Запада?

— Да, тысячу раз добро пожаловать в Хобокен! — отозвался он. — Ну, иди же ко мне, дай мне сначала заключить тебя в объятия! Поцелуй меня! Halte-la, heigh-day, эй, ребята, дайте-ка мне пройти! Приди ко мне на грудь, mon bijou!<sup>[63]</sup>

Раскидав как солому стоявших на его пути людей, он обхватил руками обширную талию хозяйки и, легко, несмотря на ее изрядный вес, подняв ее в воздух, запечатлел на ее губах долгий поцелуй.

Несмотря на множество свидетелей, она восприняла эту ласку спокойно и с достоинством, будто это было нечто вполне обыденное и само собой разумеющееся, после чего повторила свой вопрос.

— Откуда? — переспросил Петер Польтер. — Ну откуда же еще, кроме как из Сан-Франциско, на «Своллоу» вокруг мыса Горн!

— На «Своллоу»? — Все удивленно ахнули.

— Да, ребята; нравится вам это или нет, но это так.

— Значит, участвовали в деле с «Флоридой»?

— Само собой! Или вы полагаете, что Петер Польтер из Лангедорфа стушевался перед какой-то «Флоридой»?

— Расскажите, мастер, расскажите! Кто вы на судне? Оно уже здесь или...

— Стоп! Из вас вопросы сыплются, как вопли изо рта юнги, когда ему дают розог. Не беспокойтесь, я вытравлю вам канат по всей форме! Я, Петер Польтер из Лангедорфа, бывший старший боцман на военном корабле ее королевского величества «Нельсон», затем штурман на американском клипере «Своллоу», потом лейтенант немецкой полиции в прериях, потом опять штурман, на сей раз *par honneur* на «Своллоу», а сейчас...

— Хватит, хватит, Петер, — вставила матушка Додд, — у тебя еще будет время обо всем рассказать, но сначала ответь на мой вопрос, он не терпит отлагательства. Как обстоят дела с теми людьми, что были вместе с тобой? Где они сейчас? Что случилось с Тиме, с Генрихом Мертенсом и Петером Вольфом? Что с «Орриблем» и с капитаном Кайманом? Я думала, что вы разыскиваете его на Западе, и вдруг слышу, что «Своллоу» поймал его в море! Удалось ли вам встретить Дедли-Гана, или как его там зовут, и оказался ли он настоящим дядей? А как дела у сыщика? И в каких делах вы, собственно...

— Подожди, дорогая, — не выдержав, воскликнул штурман, — или у тебя в легких столько воздуха, что ты можешь тараторить так еще пару часов? Дай-ка сюда полную кружку! Пока она не окажется у меня в руках, ты не услышишь ни слова! Но сначала я хочу рассказать этим джентльменам историю с «Флоридой». Остальное не для всех, это мы обсудим в другом помещении.

— Ты не получишь ни капли, пока я не узнаю хотя бы кое-что из того, что хочу знать!

— Ну и любопытная же ты! Ну хорошо, спрашивай, но только кратко и по частям!

— Тиме? Где он?

— На «Своллоу».

— Полицейский?

— На «Своллоу».

— Капитан Кайман?

— На «Своллоу», заперт в трюме.

— Ядовитый Марк?

— Там же.

— Дядя Дедли-Ган?

— На том же корабле.

— Лейтенант Уолпол?

— Там же, ранен.

— Ранен? Боже праведный, надеюсь, что...

— Пустяки! Пара шрамов, ничего больше. Ему придется взять отпуск на некоторое время. На «Флориде» было немного жарко, но нам доводилось испытывать и не такое в этих проклятых прериях. К примеру, мой проказник конь, сущий демон, ну прямо змей из какой-нибудь волшебной сказки, чуть было не вытряс из меня всю душу, и я никак не могу прийти в себя от удивления, что кости мои до сих пор еще целы. Но, впрочем, спрашивай дальше!

— Где сейчас «Своллоу»?

— Лавирует против ветра в прибрежных водах; за штурвалом — Форстер. Мы вдвоем с капитаном сошли на берег; он должен доложить о своем прибытии, а я жду его здесь.

— Ты ждешь его? У меня? Он обещал прийти сюда?

— Само собой! Бравый моряк, став на якорь в порту Нью-Йорка, просто обязан засвидетельствовать свое почтение матушке Додд. А через час «Своллоу» должен уже быть в гавани, и тогда сюда придут остальные. Пит Холберс...

— Пит Холб...  
— Дик Хаммердал.  
— Дик Хаммер...  
— Полковник Дедли-Ган...  
— Полковник Дедли-Ган...  
— Тиме, Треков, мальш Бен Каннинг, Виннету апач и...

— Виннету, а... — Имена застывали на языке у матушки Додд, столь удивило ее необычное общество, которое должно было вот-вот появиться в ее заведении. Но тут она вспомнила об обязанностях хозяйки. — ...Пач, — машинально договорила она. — Но что же это я тут стою и бездельничаю, когда через час мне нужно будет обслуживать джентльменов! Петер, я иду, я бегу, лечу, и я постараюсь как следует подготовиться к их приходу. А ты пока что расскажи гостям историю о «Флориде», которую вы посадили на мель!

— Ну конечно же, я все расскажу, но ты уж позаботься о том, чтобы в моей кружке все время что-нибудь плескалось, — ведь морское сражение, пусть это даже всего лишь рассказ о нем, никак не может быть сухим!

— Не бойтесь, штурман, — утешили его из зала, — в случае чего мы вам посодействуем!

— Прекрасно! Ну так слушайте, ребята, что я вам расскажу про «Флориду». Мы уже давно оставили позади экватор, а потом и Антилы, обогнули палец Флориды и приближались к Чарльстону. Ясное дело, по возможности мы держались мористее, потому что Чарльстон принадлежит южным штатам, а их каперы и крейсеры в поисках честных северян забираются очень далеко.

— «Оррибль» был с вами?

— Конечно. С самого начала он шел у нас в кильватере, из-за чего мы все время двигались с неполной парусной оснасткой, потому как ходовые качества у нас лучше. Так, без приключений, шли мы себе и шли вперед и, оставив позади Чарльстон, слегка отвернули к берегу.

— И вдруг обнаружили «Флориду»?

— Заткнись, гринхорн! Стою я как-то утром за штурвалом — а вы знаете, что я получил от капитана место штурмана *par honneur*, я это уже говорил — и думаю о матушке Додд и о том, как она обрадуется, когда я опять у нее объявлюсь. Мы вырвались немножко вперед, а «Оррибль» под всеми парусами шел сзади, как вдруг с марса закричали:

— Дым на северо-северо-востоке!

Ясное дело, на палубе сразу же оказалась вся команда, потому что с пароходом, когда он под вражеским флагом, шутки плохи. Капитан немедленно забрался с трубой на мачту; покачав головой, слез и приказал еще убавить парусов, чтобы «Оррибль» мог подойти на переговорное расстояние.

Когда это произошло, он крикнул:

— Пароход видели, лейтенант?

— Да, сэр!

— Чей он, как думаете?

— Не знаю, — ответил лейтенант Дженнер, — у судна нет мачт и не виден корпус. Он сидит глубоко в воде, очень глубоко, сэр.

— Скорей всего, это один из новых мониторов таранного типа, из принадлежащих южным штатам. Хотите уступить ему дорогу?

— Я сделаю то же, что и вы.

— Отлично, тогда предлагаю посмотреть, каков он из себя.

— Well; сэр, но мы раз в десять слабее его.

— Слабее, но быстрее. Кто командует?

— Вы.

— Спасибо. Мы подпустим его поближе, если он поднимет вражеский флаг, тогда вы уйдете в открытое море, а я возьму его на себя и уведу на малые глубины. Потом вы вернетесь и мы вместе дадим ему почувствовать вкус нашего свинца!

— Well, well! Есть еще что-нибудь?

— Нет.

Мы убрали большой парус, спустили реи и, сделав вид, что не можем сдвинуться с места, как якобы потерпевшие серьезную аварию во время шторма, начали стрелять из пушки, подавая сигнал бедствия. На самом деле мы хотели заманить монитор на дистанцию орудийного выстрела.

Он предложил поднять флаг. У нас на мачте появились звезды и полосы, а он развернул для всеобщего обозрения эту их мерзкую тряпку. Это был новейший монитор «Флорида», с двойной броней и тараном в носовой части, с помощью которого он мог в два счета отправить на дно любой самый лучший фрегат.

— И вы отважились полезть на него?

— Ба, я, Петер Польтер из Лангедорфа, видел в жизни и не такое. В прериях мне пришлось насмерть рубиться с вонючими огаллала. Почему я должен испугаться какого-то жестяного корыта? Нормальный деревянный корабль гораздо лучше, чем большой железный ящик, из которого даже приличных зубочисток не нарежешь. Между прочим, у нашего адмирала Фарагута точно такое же мнение. Итак, монитор потребовал, чтобы мы сдались, но мы только смеялись ему в лицо, стараясь не слишком попадать под его ядра. Тогда он решил нас догнать и насадить на свою шпору, но я вовремя вывернул руль и мы избежали удара. Он снова пошел на таран, и опять мне удалось не допустить столкновения. Так оно и продолжалось какое-то время, но в конце концов он впал в раж и потерял голову. Его ядра летели мимо и не причиняли нам никакого вреда. Он, однако, неосторожно последовал за нами в прибрежные воды и быстро угодил на песчаную мель, которую мы благополучно проскочили из-за своей более высокой осадки.

— Браво, да здравствует «Своллоу»!

— Да, долгих ему лет службы. Пейте, ребята!

Умопомрачительной величины глотком почти опустошив свою кружку, он продолжал:

— Мы атаковали его с кормы и, пока его команда без толку сутилась внутри корпуса ниже ватерлинии, вывели из строя его руль. Тут подоспел «Оррибль», «Флорида» почти потеряла способность защищаться, в поврежденный трением о дно корпус начала поступать вода. Мы усилили написк, и тогда монитор спустил флаг. Им пришлось сдаться. Команду мы приняли к себе на борт, и, как только это случилось, «Флорида» завалилась на бок и через несколько минут исчезла в волнах.

— Вот здорово! Трижды ура «Своллоу»!

— Спасибо, парни, но не забудьте и про «Оррибль», он честно исполнил свой долг.

— Отлично! Молодец, «Оррибль»! Выпьем же, друзья!

Звякнули кружки. Вдруг снаружи прогремело несколько пушечных выстрелов в знак того, что в гавань входит корабль, и тотчас же на улице стали слышны голоса и топот ног. Казалось, должно произойти какое-то значительное событие. Петер Польтер поднялся со своего места и, подойдя к окну, открыл его.

— Эй, дружище, что там такое случилось? — спросил он, высунувшись по пояс наружу и ухватив за рукав пробегавшего мимо человека.

— Радостное событие, мастер: «Своллоу», тот, что одержал блестящую победу в морском

сражении против «Флориды», только что вошел в гавань. Все корабли подняли флаги и вымпелы в честь храброго капитана, и все спешат посмотреть на встречу в порту.

— Спасибо, мастер.

Он закрыл окно и, обернувшись, увидел, что все посетители покинули свои места и, забыв даже про дармовое пиво, побежали глязеть на встречу знаменитой шхуны.

— Пусть бегут, — усмехнулся он. — Между прочим, увидят не слишком много. Капитан уже на берегу, а среди тех, что сойдут с корабля, далеко не все являются настоящими моряками, хотя они, конечно, внесли свой вклад в то, что случилось. Я, пожалуй, останусь у матушки Додд, где мне и положено дожидаться мистера Уолпола.

Прошло тем не менее довольно много времени, прежде чем лейтенант появился, и не успел еще он закрыть за собой дверь, как на улице поднялся шум. Огромная толпа двигалась от гавани по направлению к дому матушки Додд, впереди шагали люди, сошедшие на берег со «Своллоу». Они вошли в зал почти сразу же после Уолпола, и вслед за героями славной морской битвы в заведение повалило столько народа, что обширное помещение не смогло вместить всех желающих. На помощь со всей решительностью пришла хозяйка, которая как раз успела закончить все приготовления. Открыв дверь в комнату для почетных гостей и затолкав туда тех, кого она с нетерпением ждала, она заперла ее изнутри на ключ, оставив остальных посетителей на попечение своего персонала.

— Wellcome<sup>[64]</sup>, сэр! — приветствовала она Уолпола, который пожал ей руку как старой знакомой.

Радушно поздоровавшись с остальными, она пригласила всех к столу, уставленному всевозможными винами и кушаньями. У каждого под рукой было все, чего он только мог пожелать.

— Матушка Додд, ты самая лучшая из бригантина, в чьи руки мне когда-либо приходилось причаливать! — воскликнул штурман. — В этих злосчастных прериях нет ничего, кроме мяса, пороха и краснокожих. На море тоже не слишком-то разгуляешься, уж больно много голодных ртов мы погрузили на наш корабль. У тебя, однако, поесть и выпить можно не хуже, чем у Великого Могола, или как там еще звали этого парня, и если я останусь здесь на якоре еще неделю, то пусть меня повесят, если у меня не будет такого же брюха, как у этого толстого Дика Хаммердала.

— Толстый я или нет, это все равно, — заметил Дик, безмятежно потягиваясь в кресле, — если имеется возможность положить на зуб хороший кусок. А в этом я нуждаюсь больше, чем все остальные, потому что с тех пор, как я оставил в Сан-Франциско мою прекрасную старую кобылу, я резко сбавил в весе от тоски по этому замечательному верному животному. Не так ли, Пит Холберс, старый енот?

— Если ты думаешь, Дик, что тебе сильно не хватает твоей лошади, так я ничего не имею против. Я тоже давно не видал моего коня. А как ты, Бен Каннинг?

— А что я? Где сейчас мой мустанг, мне, в общем, все равно, хи-хи-хи. Главное, что мне нравится у матушки Додд.

— Это правильно, — сказала хозяйка, — угощайтесь в свое удовольствие. Но не забудь про обещание, Петер!

— Какое?

— О том, что ты собирался мне рассказать.

— Ах вот что! Ну, раз ты нас так щедро встречаешь, придется и мне не поскупиться на слова, да и вообще, с тобой я всегда рад поделиться новостями.

Пока он, жуя, рассказывал о пережитых испытаниях, Виннету молча отдавал должное непривычным для него кушаньям бледнолицых. К вину он, однако, не притронулся. Он хорошо

знал, что «огненная вода» является злейшим врагом его народа, поэтому он ее ненавидел и презирал. Его внимание было поглощено беседой, в которой принимали живое участие остальные. Разговор велся негромко, что свидетельствовало о важности предмета.

— Как дела в Адмиралтействе? — спросил у лейтенанта Дедли-Ган.

— Все как и ожидалось, — ответил тот, держа на перевязи раненую руку. — Произвели в капитаны и дали отпуск до полного выздоровления.

— Что со «Своллоу»?

— Он сильно поврежден и отправится на ремонт в сухой док.

— А пленные?

— Каждый из них получит то, что заслужил.

— Это означает...

— Их повесят как корсаров, ничего иного никто и не ожидал.

— Как корсаров? Но капитан Кайман утверждает, что он захватил «Орибль» лишь для того, чтобы в качестве капера воевать против Юга. Не удастся ли ему таким образом выкрутиться?

— Никоим образом, у него нет капрского свидетельства, и, даже если бы он его и имел, он все равно остается капитаном Кайманом, который за свои прежние заслуги, в частности торговлю рабами и пиратство, должна быть вздернут на ре.

— А мисс Адмиральша?

— Ее также повесят, можете в этом не сомневаться. Остальных пленных, из тех, что участвовали в угоне «Орибля» и остались живы, вероятнее всего, ждет та же участь, ибо всех их следует рассматривать как пиратов. Думаю, что они останутся не так довольны своей судьбой, как вы — тем известием, что я принес из Адмиралтейства.

— Значит, это хорошее известие?

— Очень хорошее. Во-первых, та огромная сумма, что мы обнаружили у мисс Адмиральши, с которой она хотела бежать, рассматривается как принадлежащий нам приз. Во-вторых, нам выплатят большой куш за возврат угнанного капитаном Кайманом «Орибля». И, в-третьих, мы получим значительные призовые деньги за нашу победу над «Флоридой». Сейчас она лежит на дне, но потом ее поднимут. Эти деньги мы поделим между собой, и каждому из нас достанется столько, что...

— Только не мне, — прервал его Дедли-Ган.

— Почему?

— Я не привык брать не принадлежащие мне деньги.

— Но вы их заслужили!

— Нет. Я был всего лишь гостем на вашем корабле; призовые деньги принадлежат команде.

— Вы не гость, вы дрались с нами плечом к плечу.

— Возможно, но все-таки я ничего не возьму. Я забрал у капитана Каймана те ценные бумаги, что он украл у меня в убежище. Одну из них он, правда, продал, но из полученной суммы успел истратить очень мало, так что я чувствую себя вполне удовлетворенным. Виннету тоже ничего не возьмет, а что до моих храбрых трапперов, то никому из них не придет в голову лишать ваших моряков значительной части их призовых денег. Мы и так должны быть благодарны вам и им за возможность получить обратно наше имущество. Скажи-ка, Дик Хаммердал, ты хочешь иметь эти деньги?

— Хочу я их иметь или нет, это все равно, но я их не возьму, — ответил Дик. — А ты что на это скажешь, Пит Холберс, старый енот?

Длинный равнодушно проворчал:

— Если ты считаешь, Дик, что я их не должен брать, так я ничего не имею против. Никто

из нас их не возьмет. А если кто-нибудь нас к этому принудит, то пусть Петер Польтер получит мою долю, хотя бы для того, чтобы это вселило в него желание снова приехать к нам на Запад. Мне доставляет большое удовольствие видеть его на лошади.

— Оставьте меня в покое с вашими лошадьми! — завопил штурман. — Пусть меня лучше растолкнут в ступе, а из того, что получится, наделят морских сухарей, чем я еще раз сяду на скотину, подобную тому рысаку, на котором мне пришлось скакать в последний раз. Больше я, пожалуй, ничего не скажу, потому что то, что я имею сказать по этому поводу, пусть уж лучше останется невысказанным, до такой степени мне все это противно.

— Тебе вовсе нет надобности снова становиться траппером, — заметил Уолпол. — Я рассказал в Адмиралтействе, чем мы тебе обязаны и как храбро ты себя вел. При первой же вакансии о тебе вспомнят и дадут место, которым ты вполне сможешь гордиться.

— Это правда? На самом деле так? Вы вспомнили обо мне среди высоких господ?

— Да.

— И мне доверят хороший пост?

— Мне обещали это совершенно твердо.

— Благодарю вас, сэр, благодарю вас! Скоро я снова буду нужен! Гей, ура, ура! Петер Польтер...

— По какому поводу ты так сильно рычишь, старый морской лев? — прервала его хозяйка, которая как раз вошла в дверь.

— И ты еще спрашиваешь! — ответил он. — Раз уж я — морской лев, то, конечно, должен рычать. И у меня есть все основания для этого. Ты знаешь, матушка Додд, за мои большие заслуги меня скоро сделают адмиралом.

— Адмиралом? — расхохоталась она. — В это я, конечно, верю, потому что кое-что для этого у тебя имеется, спору нет. Но что тогда прикажешь делать с твоей новой профессией, которой ты столь сильно гордишься?

— Что это за новая профессия?

— Ну как же, вестмен, траппер, охотник за бобрами...

— Молчи! Ни слова больше, если ты не хочешь насмерть со мной поссориться! Если я сажусь на коня, мне никогда не известно, куда его понесет. Но стоя на палубе корабля, я всегда точно знаю курс и не могу выпасть из седла. Так что черт с ними, с этими вестменами, я теперь немного представляю себе, что это такое, но мне, пожалуй, лучше так и остаться старым морским львом, каковым я, собственно говоря, всегда и был!

Наступила ночь, и пора было уже подумать о сне. Матушка Додд подготовила для гостей свои самые лучшие комнаты.

Дедли-Ган с племянником вышел прогуляться в примыкавший к дому матушки Додд сад. Он сказал:

— Я долго колебался, но теперь решил: раз уж мы оказались здесь, на востоке, я поеду с тобой дальше.

— И останетесь с нами навсегда, дорогой дядя?

— Нет. Прерия никогда не отпускает от себя тех, кто принадлежит ей. Я проведу у вас некоторое время, но потом вернусь обратно к моим трапперам. Прерия дарит нам свободу в этой жизни, найдется в ней для меня местечко и после смерти.

Они дошли до угла сада, где росли высокие, стройные липы с густыми кронами, и вдруг увидели фигуру растянувшегося на траве мужчины.

— Кто это? — спросил Дедли-Ган.

Они подошли ближе.

— Кто здесь? — повторил вопрос Тиме. Мужчина скинул с себя одеяло и встал. Это был

Виннету.

— Вигвам, в котором спят мои белые братья, очень хорош, но сын прерий больше любит блеск звезд и свежий воздух. Апач чувствует себя дома среди стеблей травы, прикрывшись небесным облаком — как это с детства делают сыны моего народа. Хуг!

---

**notes**

# Примечания

## КАПИТАН КАЙМАН

### (*Kapitan Kaiman*)

Книга под таким названием впервые была выпущена издательством имени Карла Мая в 1921 году. В одном томе были объединены пять ранних рассказов писателя, сюжетно воспроизводящих вторую книгу романа «Верная Рука». Издатели остановились на следующих рассказах:

а) «Three Carde Monte», опубликованном в журнале «Deutscher Hausschatz in Wort und Bild» за 1878–1879 годы; это произведение в свою очередь стало переработкой рассказа «Ein Selfman», опубликованного в журнале «Frohe Stunden» за 1877–1878 годы;

б) «Воскресший» («Vom Tode Entstanden»), опубликованном в журнале «Frohe Stunden» в 1878 году;

в) «Плененный в морском бою» («Auf der See gefangen»), опубликованном в журнале «Frohe Stunden» за 1877–1878 годы;

г) «Смерч» («Unter der Windhose»), опубликованном в сборнике «Das Buch der Jugend» (Штутгарт, 1886);

д) «Поэт» («Ein Dichter»), появившемся в журнале «All- Deutschland» за май — июль 1879 года. Позднее рассказ был переделан для сборника «Rose von Kairwan» (Оsnабрюк, 1894). Карл Май охотно использовал отдельные отрывки и сюжеты из этого рассказа в своем творчестве.

Виконт — дворянский титул, некогда связанный с владением землей; младше титула графа.

Шевалье (*фр.* — рыцарь, кавалер; всадник) — низшее дворянское звание, предшествующее баронскому титулу; обычно так называли себя младшие сыновья в роду или дети нетитулованных дворян.

Капер — судно, вооруженное на частные средства и получившее разрешение от собственного правительства нападать в период военных действий на торговые суда противника или нейтральных государств. Нередко так же называли и капитана такого судна.

В подлиннике очевидная описка: «Асунсьон». Судя по ситуации, автор имел в виду Асенсьон, бухту на восточном побережье полуострова Юкатан.

Золотой Берег — название бывшей английской колонии в Африке; сейчас это государство Гана.

Имеется в виду Мексиканский залив.

Американское «гринхорн» соответствует русскому понятию «зеленый новичок» (или «желторотый»). Подробнее это понятие автор объясняет в самом начале романа «Виннету».

Разящее Ружье (*англ.*).

Пимо — одна из пород американских собак.

Росинант — кляча, на которой ездили Дон-Кихот, герой знаменитого романа Мигеля Сервантеса.

Имеется в виду гражданская война в США (1861–1865).

Моя прелесть (*φρ.*).

Да, дорогой мой (*англ.*).

Здесь: помолчи (*фр.*).

В начальный период войны конфедератам, сторонникам отделения рабовладельческих южных штатов от США, удалось захватить низовья и среднее течение Миссисипи. В 1862 году федеральные войска начали наступление на позиции противника. На юге войска генерала Батлера при поддержке флота, которым командовал Дэвид Г. Фаррагут, будущий адмирал США, одержали уверенную победу над конфедератами и заняли Новый Орлеан. С севера начали наступление войска генералов Уллиса Гранта и Портера. Мятежники оказывали упорное сопротивление. Особенно ожесточенно защищали они г. Виксберг, осада которого продолжалась с 23 мая по 4 июля 1863 года. С падения Виксберга северная и южная армии федералистов соединились, освободив всю долину Миссисипи от противника.

Слава Богу (*фр.*).

Так, дружок (*англ.*).

О Небо... действительно... (*англ., фр.*)

Давай! (англ.)

Клянусь Богом (*англ.*).

Квартердек — возвышение палубы в кормовой части судна на парусном корабле (на 80—100 метров).

Клипер — военный парусный корабль, отличавшийся острым образованием корпуса и относительно быстрым ходом при сравнительно небольшом водоизмещении. Предназначался для несения дозорной, разведывательной и посыльной службы.

Риф — ряд продетых сквозь парус завязок, при помощи которых можно уменьшить площадь паруса. «Взять риф» — морское выражение, означающее «убавить площадь паруса».

«Клипер с такелажем шхуны» Такелаж — совокупность всех снастей судна. Шхуна — корабль, имеющий не менее двух мачт и несущий на всех мачтах косое парусное вооружение. Поскольку дальше в тексте упоминаются прямые паруса, можно предположить, что автор имел в виду не шхуну, а баркентину (шхуну-барк), у которой на первой мачте от носа (реже — на двух первых) было прямое вооружение, на остальных — косое.

Брамсель — самый верхний (прямоугольный) парус на мачте; считая снизу — четвертый или пятый.

Фал — судовая снасть, служащая для укрепления горизонтальных и наклонных рангоутных деревьев, а также для управления ими.

Шкот — снасть, служащая для управления парусом.

Румб —  $\frac{1}{32}$  часть окружности видимого горизонта.

Брасы — снасти, прикрепленные к нокам реев (см. примеч. 31).

Увалиться под ветер — ходовой маневр: корабль, идущий одним курсом с другими судами, остается у них под ветром, то есть в стороне, противоположной той, откуда дует ветер.

Нок — оконечность всякого горизонтального или наклонного рангоутного дерева.

«Своллоу» по-английски означает «ласточка».

Кливер — косой треугольный парус, устанавливаемый впереди фок-мачты.

Шканцы — часть верхней палубы судна между грот- и бизань-мачтами.

Прощайте! (*англ.*)

«Обоими южными мысами» — Автор имеет в виду южные оконечности Нового (мыс Горн) и Старого (в его понимании — мыс Доброй Надежды) Света.

Черт возьми! (*fp.*)

Здесь: по-джентльменски (*англ.*).

Рангоут — совокупность возвышенных и выступающих частей оборудования верхней палубы корабля (мачты, стеньги, реи, гафель, выстрелы, грузовые стрелы).

Великий Могол — так назывался правитель Северной Индии из династии Великих Моголов, основанной выходцами из Средней Азии (1526–1858).

Коммодор — командующий соединением кораблей, не имеющий адмиральского звания (в британском флоте).

Узел — единица скорости на флоте: одна морская миля в час.

Здесь: в узком кругу, среди своих (*фр.*).

Гикори, или пекан (*Carya*), — род листопадных высоких деревьев семейства ореховых; то же, что кария.

Шпангоут — поперечное ребро в наборе корпуса судна, служащее для придания конструкции поперечной прочности.

Вестмен — житель Дальнего (Дикого) Запада, обычно — охотник и скиталец.

Британская Колумбия — в то время британская колония на Тихоокеанском побережье Северной Америки; с 1867 года — провинция Канады.

Банкноты — кредитные деньги, выпускаемые эмиссионными банками; в XIX веке обменивались на золото.

Раут — многолюдный званый вечер без танцев.

Пошли (*англ.*).

Фриско — простонародное название города Сан-Франциско.

Лоно Авраамово — еврейское выражение, которое по смыслу соответствует обороту «собираться к праотцам». Произошло от библейского рассказа о пире с патриархом Авраамом в качестве хозяина дома. Желанный гость лежит в его лоне.

Остойчивость — способность корабля сохранять равновесие, плавая в прямом положении, или, имея начальный крен, возвращаться в начальное положение после прекращения воздействия внешних сил, вызвавших этот крен.

Черт побери, черт возьми (*фр.*).

Релинги (*англ. railings*) — ограждение, перила.

Лима не является морским портом; гаванью для перуанской столицы служит соседний город — Кальяо.

Бак — носовая часть верхней палубы.

Почетный (*фр.*).

Лисель — парус, употребляемый в помощь прямым парусам при попутных ветрах.

Ют — кормовая часть верхней палубы.

Левиафан — библейское морское чудовище. Описывается в разных частях Библии то как крокодил, то как гигантский морской змей, то как дракон.

«Флорида» — у южан действительно был рейдер с таким названием, которым командовал капитан Джон Ньюолэнд Маффитт. Рейдер захватил 34 неприятельских корабля, прежде чем в 1864 году сам был пленен в Бразилии.

Здесь: малышка (*фр.*).

Добро пожаловать! (англ.).